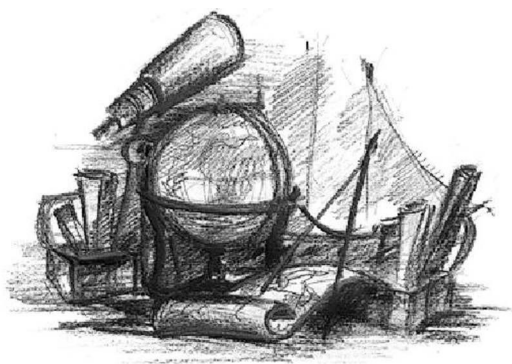

Игорь Войтенко

ТЕРРИТОРИЯ НЕДОСТУПНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО -ПРОСВЕТИТЕЛЬ-

Санкт-Петербург (Россия) — Тампа (США)

2014

Игорь Войтенко

**ТЕРРИТОРИЯ
НЕДОСТУПНОСТИ**

Publisher "ПРОСВЕТИТЕЛЬ"
Tampa, FL, USA

Copyright © 2014 by Igor Voytenko

All rights reserved.

**No part of this book may be reproduced,
stored in a retrieval system, or transmitted
in any form or by any means, electronic,
mechanical, photocopying, recording or
otherwise without the prior written
permission of the publisher.**

PRINTED IN THE USA
ISBN

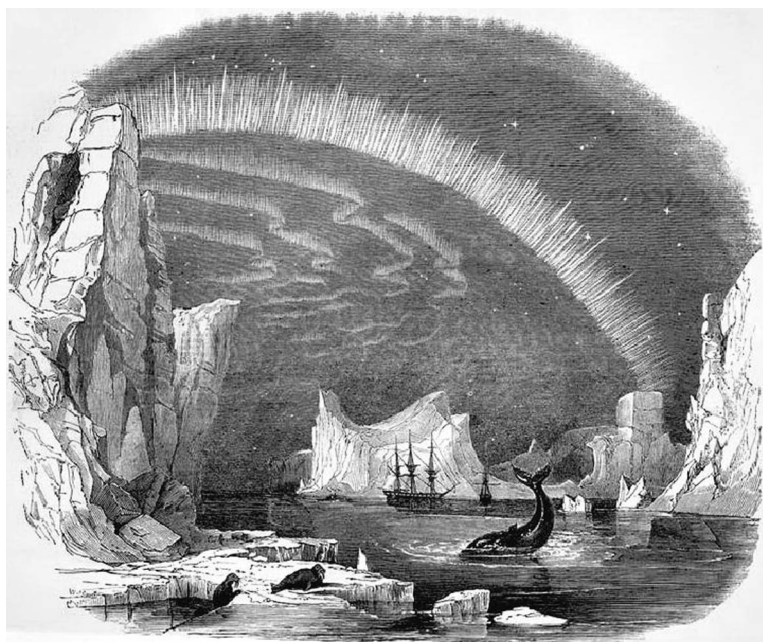
**Оформление обложки и дизайн книги
Славы Мелкумова.**

**Особая благодарность автора за неоценимую помощь в
подготовке книги к печати Денису Войтенко,
Ите Айирис-Федоровской, Любви Ежелевой.**

Игорь Войтенко

ТЕРРИТОРИЯ

Н Е Д О С Т У П Н О С Т И

КНИГА ПЕРВАЯ

mirknig.com

ОТ АВТОРА:

Дорогой друг!

Ты держишь в руках эту книгу и думаешь: - О чём она, стоит ли её читать?

По профессии - я режиссёр научно-популярного кино, снял почти 50 фильмов. Эта книга только об одном. Но самом трупном в моей творческой биографии. Фильм называется " В двух шагах от полюса" и снят он на дне Северного Ледовитого океана всего в 800 километрах от полюса.

Удивительный, во многом неизвестный науке подводный мир зафиксировал глаз нашей кинокамеры почти при точке замерзания морской воды - минус 1,7 градуса. Это граница между жизнью и смертью. Здесь, в Арктике, она практически всюду.

В этих звенящих холодом широтах не раз бесследно пропадали целые экспедиции, и тайны их исчезновения до сих пор не разгаданы. Эта книга о первопроходцах Севера, чьи имена лежат на полярных картах, и тех безвестных, кто прокладывал среди безбрежья торосов свои тропы для будущих покорителей Арктики.

Да, сегодня спутники постоянно держат в прицеле своих оптических глаз всю гигантскую территорию Арктики. Но до сих пор высокие широты остаются для нас **Территорией недоступности**, где человек среди холода и льда всегда находится в опасности.

С болью, порой, давались мне многие страницы этой книги. Хотелось рассказать только о съёмках фильма, а получилось о нелёгкой судьбе Родины и о людях, о героических и поистине трагических судьбах тех, кого так не хватает в наше смутное время.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ О 20-ТИ КОПЕЙКАХ

Случилась она осенью 1986 года.

В октябре в Ленинграде должен был пройти очередной Конгресс МАНК - Международной Ассоциации Научного

Кино. Эта организация работает под патронажем ЮНЕСКО и объединяет профессиональные киностудии, делающие научно-популярные и учебные фильмы, и лаборатории научно-прикладной кинематографии. Сессии МАНК собираются один раз в год, в разных городах и на разных континентах.

Всё новое, что создано кинематографистами, учёными и инженерами в этой области, становится всеобщим достоянием. Ни одно испытание новой техники и технологий в воздухе, на земле и под водой не обходится сегодня без применения специальных методов съёмки.

Речь не идёт о комбинированных кадрах, которые создают иллюзию происходящего действия. Есть много способов зафиксировать реально протекающие физические и биологические процессы, которые глаз человека не видит.

Это съёмка в инфракрасных, ультрафиолетовых и рентгеновских лучах. Съёмка живых микрообъектов с увеличением в тысячи раз. Например, явление фагоцитоза, т.е. борьбы клеток-защитников нашего организма с проникшими опасными бактериями, разворачивается на экране в захватывающее воображение сражение.

Специальные виды киносъёмки позволяют резко ускорить научные исследования, разобраться и понять сущность скрытых от нас процессов и катастрофических явлений, увидеть невидимое...

В России и США разработана совершенно фантастическая аппаратура, делающая миллиард кадров в

mirknig.com

секунду. Она способна зафиксировать самые быстро протекающие процессы на земле, даже квантовое излучение света от обычной лампочки. Если такая камера будет работать всего одну секунду, то просмотр материала, переведённого на обычную киноплёнку и с нормальной скоростью, займёт почти полтора года. По существу инженеры создали своего рода машину времени, работающую как на будущее, так и на прошлое.

Метод киносъёмки в токах высокой частоты советского инженера Семёна Кирлиана из Краснодара позволил воочию увидеть многоцветные информационные биополя живых организмов. Оказалось, что, например, наполовину оторванный лист дерева долго и хорошо сохраняет в своём свечении всю прежнюю форму, ящерица с полностью оторванным хвостом на кинокадрах видна, будто ничего и не теряла.

Кирлиан произвёл настоящую революцию в фиксации скрытых явлений живой природы. Подобные исследования показали, что вокруг нас постоянно существуют гигантские информационные биополя, которые, видимо, хранят в себе всю информацию о прошлом живого мира. Если мы научимся извлекать её, то сможем воочию увидеть жизнь на земле на протяжении значительной части её истории.

У меня нет никакого сомнения, что известный палеонтолог и писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов действительно наблюдал в пустыне Гоби живые картины эпохи динозавров. Поясню почему.

Мне в жизни очень повезло: я не только знал этого большого учёного и общался с ним, но и прошёл весь монгольский маршрут Ефремова спустя, правда, 30 лет.

Однажды, где-то в южной, раскалённой песками части пустыни Гоби, я и оба мои спутника - кинооператор Алексей Дубровский и водитель Павел Галанин - увидели впереди по ходу нашего вездехода чёткую картину - огромную колонну азиатских воинов на конях. Как будто перед нами проходили тумены могучей армии Чингизхана. Лошади без сёдел. Все воины в кожаных штанах, рубахи мехом наружу, наточенные сабли у пояса, луки с колчанами стрел за спиной...

Палыч резко остановил машину, чтобы не врезаться в колонну, но это странно обозначившееся действие продолжалось всего около минуты. Мы даже не успели вытащить камеру из кофра, пребывая в шоковом состоянии от удивления. Никто не проронил ни слова. Видение постепенно растворилось в дрожащем от зноя мареве.

Когда мы пришли в себя, я достал бумагу и попросил своих спутников изложить всё, что они только что видели. И наши записи, по сути, оказались абсолютно идентичными даже в мелочах и описаниях доспехов. Так что это был не просто мираж. А, возможно, мираж-голограмма реального события 13 или 14 века...

Кстати, в США после открытия Семёна Кирлиана был организован целый научно-исследовательский институт, названный именем советского инженера. На родине же у него была до самой кончины лишь скромненькая лаборатория с нищенской зарплатой руководителя отдела.

В научно-популярном кино, используя весь арсенал специальных видов съёмок и кинотехники, мы ставим перед собой задачу в образной и занимательной форме рассказать самому широкому кругу зрителей о месте науки в современном мире и роли человека в мире науки.

Вернусь к конгрессу МАНК. Всегда в его программу входил годовой фестиваль лучших научно-популярных фильмов мира. Награда МАНКа - обычный Диплом без каких-либо денежных сумм, но это самая престижная премия. Если фильм получал такой Диплом, это гарантировало его покупку десятками стран и поистине всемирный прокат, что, согласитесь, дорогого стоит.

При подготовке к конгрессу наша киностудия -Леннаучфильм- проводила премьерный показ новых лент в разных кинотеатрах города. Я как раз закончил работу над своим 20-ти минутным фильмом "В двух шагах от полюса", и мне для первого показа выпал подшефный с -Ленфильмом- кинотеатр "Колизей". Для премьеры лучшего желать не надо: зал на полторы тысячи мест, на Невском проспекте, рядом - метро и все виды транспорта.

В те годы в крупных кинотеатрах города последний

сеанс был всегда удлинённым: перед художественным фильмом обязательно шёл примерно часовой блок киножурналов, документальных и научно-популярных фильмов. Билеты на эти сеансы стоили на 20 копеек дороже, но залы никогда не пустовали. Зрители такие разноплановые программы любили.

Вот я и решил свою премьеру устроить на таком удлинённом сеансе.

Фильм "В двух шагах от полюса" дался нам с большими трудностями, так как в основном снимался под водой, да ещё на дне Северного Ледовитого океана, в районе архипелага Земля Франца-Иосифа, покрытого вечными шапками ледников. Без какого-либо бахвальства скажу - подобные киносъёмки мы провели впервые в мировой практике.

Впоследствии подводный кинооператор Игорь Юров на Всемирном конгрессе кинотехников получит специальный приз "За мужество при проведении киносъёмок в особо экстремальных условиях".

В просторном фойе кинотеатра художник фильма Олег Виноградов разместил на стендах фотовыставку о рабочих моментах наших съёмок, и зрители с интересом осматривали её. К большому сожалению, и оператор, и

mirknig.com

старший водолазный специалист студии Саша Майер были в очередной командировке на берегах Японского моря. Так что на премьере за всю группу фильма мне предстояло "отдуваться" одному.

В этот день кинотеатр с утра и до вечера крутил новую ленту ленинградского режиссёра Дмитрия Долинина "Сентиментальное путешествие на картошку" - ироничный и добрый фильм, премьера которого состоялась несколькими днями ранее. Но поскольку этот фильм не шёл ещё ни в одном кинотеатре города, даже на последний, 9-часовой сеанс, почти все билеты были уже распроданы.

Я приехал за полчаса до начала сеанса и коротал время в директорском кабинете, листая свежий номер журнала "Советский экран". Неожиданно в комнату вошла администратор кинотеатра. Она была явно расстроена и тут же изложила директору суть своего состояния.

- 15 лет здесь работаю, но такого у меня ещё не случалось. Представляете, какой-то мужчина, не иначе - психически не совсем здоровый, требует продать ему билет за 50 копеек. Я объясняю, что у нас последний сеанс - удлинённый, билет на него стоит 70 копеек. Ничего не действует. Говорит, что хочет посмотреть только художественный фильм. "Короткометражку вашу, объясняет, - я посмотреть не намерен. Пока она идёт, буду в фойе сидеть."

Не знаю, что с этим гражданином делать... Может, дежурного милиционера позвать?

- Не надо никого звать, - успокоила её директриса. Пригласи его лучше в мой кабинет.

Через пару минут мы лицезрели чисто выбритого и прилично одетого мужчину лет 45-ти, предложили ему сесть. Он представился: - Владимир Петрович, - и сразу же начал излагать свою претензию:

- Понимаете, мне этих 20 копеек не жалко. Я только против того, что вы навязываете мне услугу, в которой я абсолютно не нуждаюсь. Я приехал сюда из спального района города лишь для того, чтобы посмотреть фильм Долинина. Дотянул я, признаю. Но времени выбраться

посмотреть картину раньше не было. Пропустить фильм тоже не могу, поскольку завтра в длительную командировку уезжаю. Потом ищи по кинотеатрам, где этот фильм ещё идёт. А вы мне в довесок подсовываете премьеру короткометражки. Нет уж, избавьте от такого рода счастья. Кто такой, этот режиссёр Войтенко?

- Ну вот он, перед Вами, - улыбнулась директриса. - Можете прямо сейчас и познакомиться: Игорь Войтенко.

- Извините, - несколько смутился строптивый зритель, обратившись ко мне. - Не хочу Вас оскорбить ни словом, ни мыслями. Наверняка, очередная агитка про нашу лучшую в мире науку, про новые достижения советских полярников в деле изучения арктических просторов. Надоела вся эта мура показушая. То "Малая Земля" Брежнева, то коммунизм к восьмидесятому году с отдельной квартирой каждой семье.

- Знаете, Владимир Петрович, - ответил я, - переубеждать Вас ни в чём не собираюсь. Вольному - воля. Как Вы отнесётесь к тому, если я Вас приглашу сегодня на премьеру своей картины? Признаться, мне бы очень хотелось услышать Ваше мнение о фильме: просто понравился он или нет - всё-таки мы не для своего тщеславия работаем, а чтобы люди с интересом смотрели. Принимаете моё предложение?

Мужчина несколько замялся, потом сказал:

- Ну хорошо, уговорили. Только с одним условием. Я покупаю билет всё-таки за 50 копеек. Тут дело принципа. Если Ваш фильм понравится - я доплачу за просмотр положенные 20 копеек.

На том и сошлись. Как раз раздался первый звонок.

Мы с директрисой кинотеатра решили несколько изменить ход премьеры. Перед началом показа она вышла на сцену и объявила, что встреча с режиссёром состоится сразу же после завершения всего большого сеанса. Кто хочет задать вопросы режиссёру и высказать своё мнение - остаётся в зале. Кто спешит - может покинуть кинотеатр. Это было рискованное решение. Я полагал: сеанс закончится в 11 часов вечера, время позднее. Если кто и останется, то только из самых заядлых любителей документального и научно-популярного кино.

mirknig.com

Каково же было моё удивление, когда после двухчасового сеанса зал лишь слегка поредел. Больше тысячи человек встретили меня аплодисментами. Никаких цветов не было - меня просто закидали вопросами: как родилась идея этого фильма, сколько времени заняли съёмки, где мы учились подводному делу, сколько стоил фильм, случались ли во время работы непредвиденные ситуации, как мы обходились без барокамеры, было ли страшно работать подо льдом и как этот страх преодолевался, какой заработок у подводников, употребляли ли мы спирт или водку при таком холоде. Какие подводные фильмы мы собираемся снимать в будущем и где. В каких учебных заведениях готовят специалистов научно-популярного кино...

Один из вопросов был с подковыркой: как же так - Дима Долинин снял свой большой художественный фильм, который идёт полтора часа, за девять месяцев, а вы свою небольшую ленту без актёров делали целый год.

Чувствуя неподдельный интерес зрителей к нашей работе, я рассказывал всё без утайки, разъясняя специфику съёмок не только на примере этого, но и других своих фильмов.

В частности, рассказал, как мы снимали для фильма "На что способно растение" созревание помидора от завязи до уборки плода одним непрерывным планом.

Почти два месяца автоматически камера делала всего несколько кадров в день. Операторы дежурили рядом в три смены, чтобы, не дай бог, камера не сдвинулась даже на миллиметр. Малейшее сотрясение аппарата - и всё пришлось бы переснимать заново. Два месяца напряжённой работы - и всего 12 секунд занял этот материал на экране.

Всего 12 секунд, сотая часть фильма. А если таких эпизодов в картине несколько?! Вот почему иногда совсем коротенький фильм мы снимаем так долго.

В общем, я тоже был в ударе. Встреча со зрителями получилась интересной и полезной. Но когда я взглянул на свои ручные часы - похолодел: стрелки показывали половину первого ночи. Такого у меня, да и у кинотеатра, никогда не случалось.

Пришлось извиниться за столь затянувшийся вечер.

Но зрители из зала успокаивали: - Не переживайте, транспорт ещё полчаса ходить будет. Успеем в последние вагоны.

Распахнулись широкие двери, народ хлынул на Невский проспект. Поблагодарив персонал кинотеатра за своеобразную стойкость, я тоже покинул здание и тут же натолкнулся на ожидавшего меня Владимира Петровича. Прежде всего он вручил мне 20 копеек и сказал, что остался в зале, просидел после сеанса ещё полтора часа, но об этом нисколько не жалеет.

Оказалось, что нам по пути: мне на метро - в Автово, ему по той же ветке - на проспект Ветеранов.

- Игорь Залманович, - признался он в вагоне поезда, - мне, конечно, и фильм понравился, - такие необычные и рискованные съёмки не часто увидишь. Но я - инженер и немножко изобретатель, и мне гораздо важнее понять, как этот фильм снимался на самом деле.

Вот если бы Вы о своей редкой и интересной профессии книжку написали. Хотя бы на примере этого фильма. Уверяю Вас, для таких, как я технарей, и для пацанов, выбирающих профессию, это лучше любого детективного романа. Право, почему бы Вам за подобную книгу не взяться?

- Знаете, не думал я об этом как-то. Да и к каждому своему фильму я, как правило, сам сценарий пишу, а это весьма трудоёмкая работа. На сборы материала месяцы уходят. Порой годы. Если честно - не до книги. Вот на пенсию выйду - может, и возьмусь за неё, если Вам это интересным кажется.

- Да не кажется, а так и есть. Я, Игорь Залманович, ловлю Вас на слове. И знайте, если напишите такую книгу, я - первый покупатель и первый читатель её. Дайте только знать.

Затем он вытащил из кармана записную книжку, чиркнул что-то и с доброй иронией вырвал листок:

- Вот на всякий случай мой адрес и телефон. Буду с нетерпением ждать Вашего выхода на пенсию. А стало быть.

mirknig.com

и книги. Правда.

Мы по-дружески уже распрощались, и я вышел на своей станции.

Вскоре, в круговерти дел и исторических переломов в стране, я как-то подзабыл об этой встрече. А в 1998 году, когда брошенная государством, разорённая полным безденежьем студия, вынуждена была уволить всех своих сотрудников и практически прекратила существование, я в возрасте почти 60-ти лет уехал с семьёй в Америку и начал там жизнь с чистого листа, с нуля.

Слава Богу, друг помог с работой, и 10 положенных лет я честно отработал на производстве, получив законную, но очень скромную пенсию.

И вот после выхода на заслуженный отдых я как-то вспомнил о просьбе моего случайного знакомого Владимира Петровича Крашенинникова и подумал: - Слово своё надо держать. Время теперь есть. Силы пока тоже, память не подводит.

Снял я трубку и позвонил по тому, сохранённому мной телефону. Женский голос ответил, что, к великому сожалению, Владимир Петрович не выдержал нервных перегрузок последних лет. Жаль человека. Скольких таких, как он, судьба перемолола, пока новая Россия "с колен встаёт".

После Великой Отечественной войны страна за 10 лет своё разрушенное хозяйство восстановила, 60 тысяч больших и малых городов из руин подняла. Больше 20 лет прошло после развала СССР, не воюем ни с кем, кроме как со своим народом в горах Кавказа, а дела в стране совсем "швах": по количеству долларовых миллиардеров мы теперь - первые в мире, по качеству и уровню жизни народа - далеко отстаём от передовых стран Запада.

Жаль, искренне жаль Владимира Петровича. Не дожил он до дней всенародного "капиталистического счастья".

Но я своё слово сдержал. Сел и написал обещанную ему книгу. Хотел только о съёмках фильма "В двух шагах от полюса" рассказать, а получилось не только о нём...

ГЛАВА 2

О ПИЩЕ БЕДНЯКОВ И "ПОДСНЕЖНИКЕ" МАКСЕ

Любой фильм начинается с задумки, с идеи, с поставленной проблемы. Иногда это просто прочитанная интересная статья

или книга, встреча с учёным, коротенькое сообщение по радио или телевидению. Бывает, что тема фильма рождается просто с какого-то невероятного события, которое тебя озадачило или потрясло. Именно так и было с фильмом "В двух шагах от полюса". Тема эта родилась неожиданно, спонтанно и выкристаллизовалась

буквально в считанные минуты. Практически весь 1982 год ушёл у меня на съёмки фильма с детективным названием "Операция "Мидия", эпизоды которого охватывали все времена года.

Этот фильм был не о шпионах, и не о какой-нибудь малознакомой военной операции.

Картина рассказывала о всем известном двустворчатом моллюске - мидии, который обитает и добывается в тёплых морях земного шара.

Мясо мидии очень приятно на вкус. Его можно есть сырым, варить, жарить. В общем, с древних времён сотни блюд из него готовят. Во время отлива этот моллюск могут собирать даже дети. Мидия хорошо размножается, быстро растёт, не требуя ни корма, ни ухода, и всего за несколько лет достигает промыслового размера в 5-8 сантиметров, например, на Чёрном и Средиземном море. В водах Дальнего Востока, у берегов Сахалина, Японии, Филиппин эти

ракушки вырастают до 25 сантиметров.

Обитает мидия плотными сообществами, покрывая гигантские участки прибрежной зоны морского дна. С одного квадратного метра можно взять до 20 килограммов мидии.

Ни одна животная ферма не может дать столько превосходного мяса с одного гектара - 200 тонн!

Но мидия - совершенно уникальный моллюск. Она водится только в чистой и проточной воде и сама работает как превосходный фильтр. Всего один квадратный метр мидиевой колонии за сутки очищает 200 кубометров морской воды. Одна ракушка фильтрует 80 литров!

Никакой фильтр, созданный человеческим разумом, не может сравниться с такой производительностью. В общем, где мидия - там всегда чистое море, именно в этих районах много рыбы. Сама мидия в питании очень неприхотлива.

Кормом ей служит мелкий планктон и остатки водных растений. При этом моллюск очень плодовит. Одна устрица в отведённое природой время выталкивает из себя в море до 25 миллионов микроскопических яичек. Из яичек быстро вылупляются свободно плавающие личинки. Взрослея, они опускаются на дно, закрепляются на нём и начинают оседлый образ жизни...

Добывают мидию в огромных количествах. Ещё совсем недавно каждый голландец съедал за год 10 килограммов мяса этого дешёвого моллюска, а во Франции испокон веков мидию считали пищей бедняков...

Всё круто поменялось за несколько последних десятилетий. Сегодня мидия - довольно дорогой продукт, который стал изысканным угощением гурманов.

Что же случилось: резко сократилась добыча, варварски уничтожены основные места размножения моллюска или морская вода отравлена сбросами человеческой жизнедеятельности уже до такой степени, что даже для всемогущей мидии настал конец света?

Всё это тоже имеет место. Но добыча мидии не упала, а даже растёт из года в год за счёт создания тысяч ферм, где её стали разводить и выращивать искусственно.

Всё дело в том, что резко возрос спрос, ведь мясо

мидии совсем недавно признано одним из самых ценных натуральных белковых продуктов. Оно содержит три десятка ценнейших для человека микроэлементов и двадцать незаменимых аминокислот.

Не белок куриных яиц, а именно мясо морской мидии признано сегодня белковым эталоном. К тому же мясо мидии выводит из организма ненужные шлаки, очищает кровь, препятствует росту раковых клеток.

А мантийная жидкость - насыщенная ферментами мидии морская вода в створках, не только резко тормозит старение кожи, но не хуже стволовых клеток омолаживает и весь организм. 3-5 свежих мидий в день - и скоро вы забудете о лекарствах, кости у пожилых перестанут скрипеть и стонать, к сердцу и мозгу мощным потоком польются живительные силы природы...

Советский Союз имел на Севере морской, только материковый шельф, протяжённостью почти в 10 тысяч километров.

И эта акватория - зона очень чистой воды.

Вот где можно построить тысячи мидиевых ферм.

Но вся беда в том, что мидия - культура южная. Моллюск этот любит тёплую воду. Да только вспомнили учёные Ленинградского института зоологии, что ещё несколько веков назад Русский Север, в основном Беломорье, поставляли в Европу лучший в мире чистейший жемчуг.

И китайский, и японский по красоте и размерам российскому значительно уступал.

Подняли учёные книги старинные и подивились: сто рек беломорских были забиты в те времена раковинами-жемчужницами. А ведь по биологии жемчужница очень близка к мидии. Значит, мидия тоже не должна бояться холода.

Почти шесть месяцев не сходит лёд с поверхности Белого моря. Это форпост безбрежья Ледовитого океана.

И раньше на перекатах северных рек нет-нет да и попадались чёрные щётки мидий. Но считалось, что это единичные скопления моллюска. Холодные воды севера - всё-таки не очень подходящая среда для этого чуда природы.

Но когда на Белом море появились биологи-подводники, они были поражены: дно сотен бухт и каньонов побережья Белого моря было устлано огромными коврами мидиевых поселений.

Так выглядят друзы мидии на дне Белого моря.

Северный моллюск, правда, по размерам чуть уступает южным собратьям, а вот по "урожайности", по количеству живого веса на квадратном метре - даже превосходит. Но из-за холода и льда промышленный сбор мидии на Севере очень затруднён и дорог.

Другое дело - не собирать мидию со дна, а выращивать её искусственно на фермах. И такая технология была разработана и успешно испытана биологами и инженерами Ленинградского Института зоологии. В губе Чупа они установили большие плоты из пластмассовых труб, с которых в воду свисали сотни толстых корабельных пеньковых канатов длиной в несколько метров.

Свободно плавающие в воде личинки мидии с большой охотой селились на их ворсистых поверхностях.

Всё, на этом вмешательство человека в природу заканчивалось.

За 4 года мидия достигала товарного размера и веса, и верёвки превращались в огромные столбы из друз мидии. Для сбора урожая нужно такой столб, весом в несколько

центнеров, всего лишь поднять краном на палубу судна-борщика или баржи

Расчёты показывали, что только Белое море, с его изрезанными каньонами берегами, могло накормить практически бесплатным целебным мясом не только нашу страну, но и поставлять продукцию на экспорт Мурманский рыбокомбинат разработал рецепты разных консервов из этого моллюска, даже деликатесных - **"Мидия копчёная в масле"**. Я пробовал - изумительный, нежный вкус.

Вот об этом эксперименте и должен был рассказать наш двадцатиминутный фильм "Операция "Мидия"..."

Работа была невероятно трудной, но интересной.

Институт выделил нам корабль, и с его борта мы смогли снять прекрасные подводные кадры жизни Белого моря, в том числе и огромные великолепных мидиевые банки.

В этих съёмках нам очень помог морской биолог, старший лаборант института Максим Осповат. Судьба этого молодого учёного во многом повторяла тернистый путь в науку моего старшего брата, и я как-то сразу проникся к нему нескрываемой симпатией и доверием.

Максим с отличием закончил биологический факультет Ленинградского университета. Ещё в детские годы он начал заниматься боевым самбо в школе знаменитого тренера Анатолия Рахлина. Кстати, к нему же ходил тогда в старшую группу и будущий президент России В.В. Путин.

В Университете Макс серьёзно увлёкся и подводным плаванием, поскольку собирался стать именно морским биологом.

М. Осповат.

В общем, по традиции советского времени, биолог с красным дипломом, самбист и каратист какого-то дана

чёрного пояса, профессиональный подводник, имеющий в паспорте злополучный пятый пункт, оказался без работы. Зоологический институт, в котором он мечтал трудиться и который остро нуждался в учёных-подводниках, места для молодого специалиста не нашёл...

Помыкавшись с полгода и не пожелав больше висеть на шее родителей, Максим - высокий, стройный парень, с красивым выразительным лицом и необычайно накаченный физически, отлично говорящий по-английски, отправился добровольно сдаваться - в военкомат.

Военком, похожий на борца-тяжеловеса, посмотрев его документы, в том числе и спортивные, чрезвычайно возбудился: не какой-нибудь карасик дохлый приплыл на армейские харчи и зарплату наниматься - острозубая молодая щука прибыла. Только сказал:

- Ну-ка, отрок, давай силой померимся, коль ты по документам такой крутой...

Сели, локти на стол, зажали ладони друг-друга и вперёд... Через 20 секунд военком был повержен:

- Да, парень, теперь верю твоим бумагам. Спасибо конторе, которая на работу тебя не взяла. Мы же тебя вмиг к хорошему делу пристроим...

И пристроил. Попал Максим в группу "морских котиков".

mirknig.com

Контракт на три года, зарплата - почти три месячных оклада рядового инженера. Совсем не худо, когда в кармане - вошь на аркане, абсолютная пустота.

В общем, за эти деньги выучился всем премудростям диверсанта: выживать там, где простой человек погибнет, минировать объекты на земле и под водой, владеть любым оружием, стрелять на поражение по звуку, управлять всеми видами транспорта, прыгать с парашютом и ночью и днём, обезвреживать и убивать врага одним ударом...

А главное - чувствовать себя под водой, как рыба...

Такая служба получилась - армия сто новых профессий дала. На гражданке при любых обстоятельствах на кусок хлеба всегда заработать можно.

Так именно и случилось. После демобилизации пришёл опять в отдел кадров Зоологического института. Там сказали: - Ну что ж, теперь ты человек проверенный. Можем взять... Кстати, и место "подснежника" освободилось - лаборанта с окладом 80 рублей в месяц. Согласен?

"Подснежниками" назывались временно свободные должности, когда женщины уходили в длительный, до трёх лет, декретный отпуск.

Деться некуда, согласился... Зато любимой работы биолога-подводника - невпроворот... Всем надо кандидатские да докторские защищать. А под воду лезть, да ещё зимой - тут желающих мало. А не лезть - так и не узнаешь никогда, где и как раки зимуют...

В общем, два года таскал Максим живые образцы со дна морей и океанов для своих начальников. Дослужился до старшего лаборанта. Целый червонец к зарплате прибавили...

Ничего, парень, пока не женат - проживёшь как-нибудь... Потом, смотришь, разрешим и кандидатскую защитить - сразу человеком станешь.

Вот и нашей киногруппе Максима тогда для помощи выделили.

Закончив все подводные съёмки, мы приступили к самому трудному: теперь нужно было снять на плёнку и показать крупно все этапы жизни мидии: как она появляется на свет, как развивается личинка, а это можно увидеть только

milkknig.com

под микроскопом в специальной среде и при строго заданной температуре.

Затем надо было снять рост мидии, как она питается и фильтрует воду... Наконец, самый главный этап жизни устрицы - вымет миллионов икринок...

Всё это в естественной среде снять невозможно. И Максим оборудовал для съёмок несколько огромных аквариумов на биологической базе института в бухте Чупа Кандалакшского залива, где было специальное помещение с регулируемой температурой...

Например, мидия начинает метать икру только при температуре воды плюс 13 градусов. И процесс этот длится буквально считанные часы. Прозевали - всё, до следующего биоцикла. Год потерял... Было у меня на других картинах два подобных случая.

На этом фильме, благодаря знаниям и умению Максима, такого не произошло. Фильм получился очень зрелищным, впечатляли подводные съёмки. В общем, мне за эту картину стыдно не было. И институтское начальство тоже было довольно: фильм показали по Первому каналу телевидения - такая реклама научным достижениям учёных!

Как-то случилось, что наше общение с Максимом и после завершения съёмок не закончилось. Мы перезванивались, изредка встречались, и всегда было и что вспомнить, и о чём поговорить...

Я ещё тогда, благодаря хорошим отношениям с Институтом Арктики и Антарктики, не терял надежды поехать на съёмки в Антарктиду и обязательно взять с собой Максима. Там для морского биолога - рай... И в то же время, с точки зрения науки - непаханое поле.

Наша связь прерывалась, когда я на несколько месяцев уезжал в дальние командировки или Максим на свою базу в Карельскую Чупу.

Как-то, вернувшись со съёмок с Дальнего Востока, звоню ему, мама его трубку сняла:

- Игорь, Максим уехал в биологическую экспедицию. С аквалангом. Сказал, что на целый год. Последний его звонок был с Диксона, с Таймыра. Я посмотрела по карте - это

совсем далеко, на Ледовитом океане. Жаль, что Вы с ним разминулись.

Максим объявился в Ленинграде через несколько месяцев, поздней осенью. В один из дней октября в кабинете моей киногоруппы раздался звонок и знакомый голос произнёс:

- Привет, Игорь. Вот, вернулся из дальних странствий. Устал, как чёрт, на котором без отдыха воду возят. Поверишь ли - двое суток дома проспал, точно сурок в зимней норе. Мама даже испугалась. Я тут сегодня с утра по делам в одной конторе рядом с вашей студией. Не хочешь ли пообщаться? Есть у тебя время?

- О чём речь, Макс, заходи, конечно. Рад буду тебя видеть.

Через полчаса с чашечками дымящего кофе мы уселись за дальний столик в нашем студийном кафе. Максим сразу же вытащил из кожаной папки несколько больших цветных фотографий и протянул их мне:

- Беру быка за рога... Как ты думаешь, где это снято⁹

На фотографиях были запечатлены различные участки морского дна с необычайно богатой фауной и флорой.

Обычно на квадратном метре океанского дна можно встретить 3-4 обитателя подводного мира. Здесь же их были десятки. Разноцветные актинии с пушистыми щупальцами, звёзды различных форм, морские ежи, полипы и другие донные животные на некоторых фотографиях буквально сидели друг на друге. Какая-то фантастика...

Я недоумённо покачал головой:

- Знаешь, такое обилие жизни даже представить себе трудно... Не в аквариуме же это снято?!

- Не в аквариуме - точно. В естественной среде. Сам снимал.

- На Большой Барьерный риф у берегов Австралии это тоже не похоже. Я хорошо помню фильм Кусто об этих благословенных, тёплых местах. Но таких форм жизни там, явно, нет. Куда же вас судьба закинула, в какие неизвестные тропики?

Макс рассмеялся, разложил на столе небольшую карту

и карандашом ткнул в середину Ледовитого океана:

- Хочешь - верь, хочешь - нет, но вот именно здесь лежат наши подводные тропики. В районе архипелага Земля Франца-Иосифа.

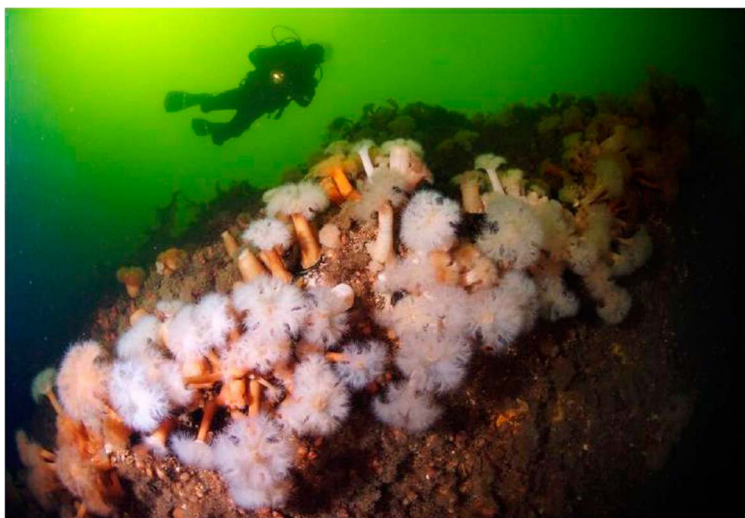
Тут, брат, не только ты за голову хватаешься от изумления. Когда мы это сами увидели, подумали - не иначе как в другой мир попали через скрытые природой каналы связи со Вселенной. Мозги были набекрень.

Там, где никакой жизни вообще не ожидалось - она бурлит и процветает. Шутка ли, 80-ый градус северной широты...

Над нами лёд в несколько метров толщины. Морская вода у дна тоже на грани замерзания - минус 1,7 градуса. При минус двух - начинается бурная кристаллизация, вода превращается в лёд.

С ума можно сойти, увидев такую богатую жизнь и в таких экстремальных условиях...

Когда мы эти снимки в институте показали - поначалу тоже никто не поверил.

Но мы же привезли оттуда сотни образцов, многие из которых науке вообще не были известны. Так что "разбор

mirknig.com

полётов" нашей северной экспедиции на ближайшей сессии учёного совета будет очень бурным.

- Послушай, Макс, но тогда.... Вы же сделали по-сути научное открытие в морской биологии. Снимаю шляпу! А на какой глубине всё это снято? Мы бы смогли?

- Ну, вот, наконец-то дошли до главного... Глубина вполне доступная для работы с обычным аквалангом: 30-50 метров. Я ведь с этой идеей к тебе и поспешил, чтобы никто тему не перехватил. Через три месяца статья моя в журнале "Наука и жизнь" с этими фотографиями появится. Уверен, желающие с Киевской студии или с "Центрнаучфильма" снять фгшм об этом быстро найдутся.

Максим вытащил из своей папки ещё несколько машинописных листков.

- Вот тебе копия будущей статьи. В ней найдёшь всё необходимое для размышлений. Если сочтёшь нужным взяться за эту тему - давай быстро "столбить участок". Саша Майер, надеюсь, в Ленинграде?

- Да, здесь.

- Покажи ему фотографии, пусть и со статьёй ознакомится. В общем, мне нужно знать ваше мнение и решение.

Саша Майер был старшим водолазным специалистом нашей студии. Без его заключения о технической возможности снять подводный фильм ни одна заявка на подобную тему ни студией, ни тем более Кинокомитетом не рассматривалась. Так что многое зависело от опыта Майера, его связей в тесном мире профессионалов подводного дела, без советов и технической помощи которых нам в то время было не обойтись.

Мы договорились с Максимом созвониться через три дня. Я проводил его до выхода из студии и, поднявшись в кабинет, сразу же принялся за чтение его журнального опуса.

Впрочем, эта статья у меня сохранилась, Максим разрешил включить её в книгу, и я с удовольствием прочту её ещё раз вместе с вами. Фактически именно этот материал и лёг в основу нашего будущего фильма "В двух шагах от полюса".

mirknig.com

ЖИЗНЬ ПОДО ЛЬДОМ.

Океан таит в себе ещё немало загадок. В первую очередь это относится к подводному миру высоких полярных широт.

Для его изучения и была организована экспедиция Зоологического института АН СССР на "ледяные шапки" нашей планеты.

В Арктике советские исследователи-подводники на дрейфующих станциях "Северный полюс" неоднократно изучали нижнюю поверхность льда.

Что же касается обитателей дна шельфовых (до 200 метров) глубин Центрального Арктического бассейна, то о них вплоть до самого последнего времени ничего не было известно.

Изучением подводного мира высоких широт и занималась на Земле Франца-Иосифа экспедиция Зоологического института.

Вашему вниманию мы предлагаем заметки биолога-подводника, участника этих исследований Максима Осповата.

* * *

Обширная программа экспедиции предусматривала проведение круглогодичного цикла наблюдений за обитателями высокоширотного арктического шельфа. .

Впереди была не просто зимовка за 80-й параллелью, где Полярная звезда стоит почти в зените, но и сотни погружений под лёд - в воду с температурой ниже нуля.

В качестве основной базы экспедиции был выбран остров Хейса архипелага Земля Франца-Иосифа.

Здесь расположена самая северная и самая крупная арктическая обсерватория имени Кренкеля.

Большая часть айсбергов, дрейфующих в Арктике, откололась от ледниковых куполов этого архипелага. Земля Франца-Иосифа за сто лет после своего открытия заслужила законную славу "трамплина к полюсу".

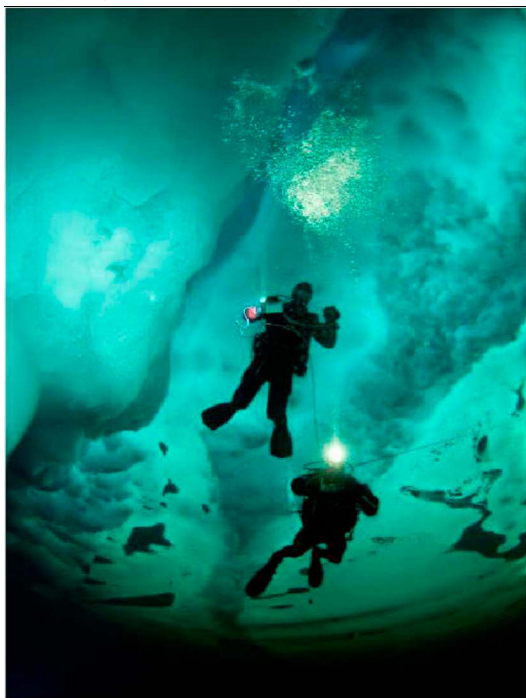
Здесь зимовали Нансен, Седов, отсюда к полюсу вылетела героическая четвёрка папанинцев, организовав на льдине первую в мире дрейфующую станцию.

Но вот позади многочисленные погрузки и разгрузки, морской переход, устройство лаборатории, компрессорной, аквариальной.

Начинается серьёзная и, в общем-то, опасная для жизни работа.

Один за другим мы уходим под воду.

Зрелище, которое открылось нашим глазам, удивило даже такого опытного подводника, каким является водолазный старшина экспедиции Ф. Пушкин, известный своими погружениями в Антарктиде. Никто не ожидал встретить в этих ледовых широтах столь многообразный подводный мир.

В ярко -голубой, кристально-прозрачной воде, через которую просматривались подводные части айсбергов, неподвижно застыли целые леса гигантской бурой водоросли алярии. Под её сенью подобно экзотическим цветам распустили щупальца многочисленные актинии разных форм и цветов. Некоторые актинии были необычайно крупных размеров - величиной с ведро. Мне лично видеть таких ещё нигде не приходилось.

mirknig.com

Несколько глубже, на каменных уступах, примостились пунцовые кусты кораллов и губки факелии, похожие на раструб старинного граммофона. Повсюду виднелись россыпи красноватых морских ежей.

На полуметровых веерообразных кустах гидроидных полипов сидели нежно-розовые голожаберные моллюски невероятных размеров.

Среди всего этого великолепия плавали целые стаи крупных креветок, рыбы причудливых форм и расцветок и даже птицы. Начальнику экспедиции В.Г. Аверинцеву удалось подсмотреть, как чистики, ныряя, кормятся в зарослях алярии.

Толща воды была насыщена планктоном. В нём на ярко-голубом фоне воды фонариками выделялись веслоногие рачки, словно покрашенные люминисцентной краской...

Не была безжизненной и нижняя поверхность льдин и айсбергов: здесь копошились, проделывая ходы и пещерки во льду, многочисленные белоснежные раки-бокоплавы. По-видимому, несмотря на приближающуюся полярную ночь, у них была пора размножения, так как плавали они исключительно парами.

Айсберги время от времени проползали по мелководью, пропахивая грунт и оставляя за собой голые, сиротливо торчащие черешки алярии.

Коллекция, которую мы начали собирать, быстро пополнялась всё новыми и новыми удивительными экспонатами.

Тем временем надвигалась полярная ночь. Участились визиты на станцию белых медведей. По всей видимости, они откочёвывали вслед за тюленями, составляющими их основную добычу. Близкое соседство с "хозяевами Арктики" не оставляло места для беспечности. Всем в обсерватории памятен случай, когда во время зимовки несколько лет назад медведь задрал сотрудницу, шедшую в одиночку и без оружия... Особенно это касалось нас, постоянно работающих на льду и на берегу пролива Ермака, со стороны которого чаще всего и появлялись "граждане в белых дублёнках", как их зовут полярники.

Уже в начале полярной ночи произошло очередное ЧП - молодой медведь загнал на прибрежный торос гидролога, вышедшего "на срок", но его спасли обсерваторские собаки-волкодавы, отогнавшие ещё неопытного зверя в сторону моря.

Интересно, что будучи рассерженным, белый медведь не рычит, а негромко шипит, выпятив лодочкой нижнюю губу. На добычу или на врага он, в отличие от своего бурого собрата, обычно не встаёт на дыбы, зато умеет прекрасно затаиваться на снегу, прикрывая лапами чёрный нос, и подползать к добыче, расплющиваясь буквально до ковра из

медвежьей шкуры. Охотясь, он может совершать длиннющие прыжки, а сила белого медведя такова, что зацепив ногтями нерпу, он вытаскивает её через "продох" во льду диаметром буквально в сантиметры, ломая ей все кости таза.

23 октября солнце первый раз не возшло над горизонтом. Впереди у нас было 4 месяца работы полярной ночью, освещаемой лишь прожекторами, сполохами полярного сияния да вспышками стартов геофизических ракет.

После установления сплошного ледового покрова можно было приступать к оборудованию места работ - так называемого разреза. Прежде всего на льду нужно было установить специальные обогреваемые балки для экипировки и спуска водолазов. Едва мы установили первый балок из двух, как разразилась такая пурга, что мы, буквально ползя на четвереньках, с трудом добрались до дверей столовой, стоящей ближе к берегу.

Когда через пару дней ветер, порывы которого доходили до 30 метров в секунду, стих, выяснилось, что он взломал и разогнал установившийся было лёд... Вместе со льдом, увы, исчез и наш балок, что значительно осложняло работу...

Наконец море замёрзло по-настоящему.

Однажды, когда я на крыше балка устанавливал прожектор, снизу раздался встревоженный крик Пушкина:

- Моржи!

Я быстро спустился к своему товарищу, который шаровал большой лопатой в майне, предназначенной для наших спусков под воду.

mirknig.com

Неожиданно мощная сила выбила лопату из его рук, и на свет появилась огромная усатая морда во всю майну, размером метр на метр...

Затем по очереди в этой проруби появились ещё

три лоснящиеся физиономии. Каждый морж выдохнул и вдохнул всего по разу, но в балке сразу стало заметно теплее, растаяли красивые деревья из инея под потолком и повис густой туман, пахнущий скотным двором и магазином "Океан" одновременно.

К счастью, моржи не пытались вылезти из майны, а то они непременно разбили бы нам весь балок, сколоченный и установленный с большим трудом. По нашим соображениям, моржи проплыли до майны под сплошным льдом от ледокола "Красин", стоявшего от острова Хейса километрах в трёх.

Под бортом этого легендарного судна, известного спасением в 1928 году экспедиции Нобиле с разбившегося дирижабля "Италия", а теперь служащего базой арктической нефтегазоразведки, от тёплой воды всегда имелась незамерзающая полынья. В ней-то постоянно и держались несколько моржей.

Судя по глубоким бороздам в морском дне вокруг вмёрзших айсбергов, моржи перепахивали грунт клыками в поисках своей излюбленной пищи - двустворчатых ракушек. Заодно они начисто опустошили и порвали нашу ловушку с креветками и бокоплавами.

Визит незваных гостей вынудил нас приостановить работы, ведь встреча с моржами под водой грозила большой, непоправимой бедой.

Морж - громадный и опасный зверь весом до двух тонн. Его панически боится сам властелин Арктики - белый медведь. Уже само это говорит о многом. Морж очень агрессивен.

Однажды на станции наблюдали, как два моржа прямо напротив причала несколько суток держали на льдине медведя, причём он боялся подходить даже к её краю.

Время от времени умка проверял, здесь ли ещё его враги, спихивая в воду куски льда, и моржи немедленно бросались на них в атаку.

Другой раз встреча с усами печально закончилась для обсерваторской собаки Капли, которая в шутку была так названа из-за своего огромного роста. Морж, навалясь, накренил льдину, по которой прыгала собака, лаем отгоняя

зверя. Капля съехала по льдине прямо в объятия моржа и больше на поверхности не появлялась.

Старожилы зимовок рассказывали - бывали случаи, когда моржи, вцепившись клыками в борт катера или шлюпки, переворачивали их.

Сведения, почерпнутые из книги Р. Перри "Мир моржа", тоже не прибавили нам оптимизма.

Оказывается, бывают моржи-тюленееды, "келючи" почукотски. Они специализируются на убийстве и высасывании жира у тюленей, а водолаз под водой как раз больше всего напоминает именно тюленя. В общем, мы пришли к выводу, что даже если морж и не проявляет прямой агрессивности, то для водолаза опасно даже проявление его простого любопытства. К тому же, морж своей тушей может полностью перекрыть майну и закрыть выход водолазам. А это уже крайне опасно.

Все погружения были полностью запрещены... К счастью, моржи вскоре покинули нашу майну, изрыв под ней весь грунт в поисках пищи, и мы смогли приступить к оборудованию подводного полигона. Подо льдом на разных глубинах мы установили специальные штативы и рамы с особыми пластинками и кюветами с грунтом. Периодически снимая их и обрабатывая, можно судить об оседании на них личинок морских организмов - обрастателей. Для количественного учёта более крупных организмов на дне мы разложили специальную сеть с метровыми ячейками.

В условиях полярной ночи регулярные подводные наблюдения проводились впервые в мировой практике. Проблему освещения нам удалось решить с помощью достаточного мощного нашлемного светильника, который был придуман и изготовлен здесь же в мастерских обсерватории.

Новый год мы встретили с бодрым настроением, хотя из-за сильного полярного сияния не было прохождения радиоволн, и бой курантов едва-едва прослушивался, да и белый медведь сожрал выставленный в форточку для охлаждения огромный праздничный торт.

За день до Нового года я совершил погружение

специально для сбора сувениров на подарки и тех даров моря, которые могли внести разнообразие в праздничное меню.

К числу первых относились морские ежи и звёзды, а к числу вторых - улитки-нептуней, по вкусу напоминающие грибы, креветки и бурая водоросль алярия - пожалуй самая вкусная из всех видов морской капусты. Креветок я ловил по методу моего коллеги А.Ф. Пушкина - пинцетом за хвост по отблеску глаз в луче фонаря...

Увлёкшись этим занятием, на глубине 20 метров я задел большой веерообразный куст гидроидных полипов, и он вдруг весь вспыхнул сотнями синих огней, далеко осветивших дно вокруг. Это необыкновенное по красоте зрелище было похоже на вспыхнувшую новогодними огнями ёлку.

Светился, однако, не сам куст, а сидевшие на нём рачки конеподы. Ещё осенью мы выяснили, что именно им обязано яркое свечение воды в океане...

Последующие погружения приносили всё новых и новых удивительных обитателей подводного мира. Список жителей нашей аквариальной пополнили пойманные Пушкиным морские лилии и загадочные червеобразные организмы в трубочках, названные нами условно "лабиринты".

Мне удалось поймать несколько каракатиц российских, очень похожих на миниатюрных спрутов, и даже подглядеть, как они откладывают яйца в "бокалы" губок-факелий.

Здесь, у берегов Земли Франца-Иосифа, мы столкнулись с необычным явлением, своего рода полярным гигантизмом. Практически все формы обитавших на дне животных имели гораздо большие размеры, чем это обычно встречается в природе.

Нас поражали до полуметра длиной многощетинковые черви гренландской листоножки, огромные голожаберные моллюски, исполинских размеров хищные морские пауки...

Холод и темнота никоим образом не тормозили жизнедеятельности... Выяснилось, что обитатели шельфа Земли Франца-Иосифа вообще не впадают в зимнюю спячку.

Наоборот, почти при точке замерзания воды всё живое здесь процветает и кипит жизнью. Рачки-мизиды пожирают рачков-бокоплавов, бокоплавы - мальков рыб, актинии - креветок, морские пауки - актиний и многощетинковых червей... А те в свою очередь пожирают друг друга.

Наша аквариальная, где постоянно поддерживалась температура морской воды в $-1,7$ градуса, пользовалась у полярников большой популярностью. Они приходили смотреть диких морских животных, растений и рыб целыми делегациями.

Интересно, что самые бывалые из них, не один год зимовавшие на полярных станциях, даже не догадывались о том, что у них прямо под ногами океан скрывает столь яркий и разнообразный мир, который являет собой резкий контраст с надводной безжизненной арктической пустыней.

Никто из них даже предположить не мог, что в ледяной воде что-то может выжить.

У человека, попавшего в арктическую полынью, от холодовых спазм сердце останавливается буквально через несколько минут... А тут такое! Просто не верится ...

Мы резонно разясняли, что раз в Ледовитом океане водятся крупные животные: киты, моржи и тюлени, белухи, нарвалы - то они должны чем-то питаться. В то же время и

нас - биологов поражает обилие жизни в столь высоких широтах. К тому же, многие формы морских животных и организмов до сих пор науке известны не были..

Особенно популярны у сотрудников обсерватории были морская каракатица и рыбка карликовый пинагор с присоской на брюхе. Его самка откладывает икру в пустые раковины улиток-нептуней, а выхаживает икру и ревностно охраняет её самец.

Один из них впоследствии в своей раковине долетел до самой Москвы и, несмотря на длительный перелёт, не покинул свой "боевой пост" - высидел икру.

Кстати, на материке оказалось, что это уникальный вид, известный пока что в одном экземпляре.

Вообще из рыб у берегов Земли Франца-Иосифа наиболее обычными оказались липарисы, или морские слизни. У этих рыб тоже есть присоски, при помощи которых они прикрепляются к разным подводным предметам. Свою красную и зелёную икру они откладывают в виде муфт на стебли алярии... Реже встречались более крупные полосатые змеевидные рыбы ликоды, а весной начался большой подход к берегу полярной трески - сайки. Интересно, что она пряталась в шуге из ледяных кристаллов с нижней стороны льда. Всех этих рыб под водой без особого труда можно было поймать руками.

Долгожданное солнце взошло над горизонтом 23 февраля... Два праздника: День Красной армии и День Солнца здесь совпадают. Но восход солнца после полярной ночи в Арктике обычно сопровождается усилением холодов, сильными снегопадами и ветром.

Так случилось и на этот раз.

Первая же пурга занесла все дома выше крыши. В нашем доме почему-то не было предусмотрено люка в потолке, и мы оказались в качестве пленников, пока нас не откапали снаружи.

В начале марта с материка прилетело пополнение. Это позволило выделить небольшую десантную группу подводников для полёта на острова Северная Земля, в которую

mirknig.com

погружения в районе островов Средний и Голомянный...

Выяснилось, что осуществить это оказалось делом не простым: припайный лёд в этом районе не вскрывался два года и был около 4 метров толщины... С помощью бензопилы и пещни, наваренной на длинную трубу, мы пробили майну для спусков за... 5 дней, вынудив вручную больше 10 тонн льда...

По сравнению с Землёй Франца-Иосифа подводный мир здесь оказался победнее, а вода не ярко-голубой, а травянисто-зелёной. Всё же здесь, на волнистом галечном дне Карского моря, раскинулись пышные заросли морской капусты - филарии и ламинарии, давшие приют самым различным животным и рыбам. Особенно бросилось в глаза обилие и разнообразие мшанок - сидячих колониальных морских организмов с ажурными известковыми скелетами.

Нам также удалось поймать удивительного моллюска, которого за цвет и форму мы прозвали "апельсином". Донный же лёд, который в виде игольчатых кристаллов покрывал здесь обширные участки дна, на законных основаниях может считаться первой находкой такого рода в Арктике.

Т.е. ещё чуть-чуть, сдвиг температуры воды в минусовую сторону всего на три десятых градуса, и вся толща океана в этом месте превратится в сплошной лёд. Оторопь берёт от подобной мысли. Но природа не допускает такого страшного развития события - держит возможность жизни на самом пределе допустимого. В этом и состоит её величие.

В сентябре наша экспедиция замкнула цепь годичных исследований на Земле Франца-Иосифа, и вскоре мы тронулись в обратный путь, увозя на материк уникальные научные материалы и коллекции.

***

Конечно, прочитав статью Максима, я понял, что даже если отразить на экране небольшую часть того, о чём рассказал биолог, - этого будет вполне достаточно для интересного научно-популярного фильма.

Естественно, нужно показать более подробно сам остров Хейса, рассказать о работе обсерватории и почему она расположилась в столь высоких широтах.

Но всё это вполне второстепенные вещи, о которых Максим при нашей очередной встрече рассказал очень подробно.

Главным стержнем фильма всё же должны стать подводные киносъёмки об открытиях наших ленинградских биологов. В сущности, картина уже была перед моими глазами... Как говорят, оставалось немного - только снять её.

Не откладывая, я рассказал Майеру о нашей встрече с Осповатом, передал фотографии и статью. Он тут же всё просмотрел и прочитал, и так счастливо возбудился, что даже воскликнул:

- Давненько мне как водолазу такого счастья не приваливало! Ну Макс, ну молодец! Человечище! Захарыч (так подводники студии трансформировали для лёгкости обращения моё отчество Залманович), если упустим эту тему - грош нам всем цена. Ух как у меня кровь забурила в жилах от желания там поработать.

- Саша, желание желанием, а сможем ли мы технически осилить это?... Одно дело фотографии сделать, другое - кино снять. Ты же понимаешь, что это две большие разницы.

- Если с нами поедет Макс, точно покажет где это было снято, чтобы мы на поиски драгоценное время не тратили, думаю, справимся. Конечно, готовиться к такой работе нужно серьёзно. Были бы деньги...

Но это уже не по моей, а по твоей части. Макс прав - нужно быстро застолбить участок.

Застолбить участок означало: быстро подготовить качественную заявку на фильм, в которой популярно и доходчиво отразить содержание будущего фильма, его научную значимость, места всех съёмок, стандартный хронометраж - 10 или 20 минут

Это первый этап, для меня не самый трудный.

Затем заявка должна быть оперативно рассмотрена художественным советом студии, утверждена им и включена в перспективный план, в лучшем случае, следующего

календарного года.

План этот для открытия финансирования обязательно утверждался в нашем министерстве - Госкино.

Таким образом, если сильно повезёт, со дня утверждения заявки студией до начала съёмок проходило полтора, а то и все 2 года. Срок немаленький.

Потом ещё полгода работы и монтажа.. Зачастую и сама тема за это время устаревает. Таковы были тогда реалии плановой экономики.

Я переговорил о будущей картине с главным редактором студии и нашёл у него полную поддержку идеи.

Все понимали - в этой ситуации нужно действовать сверхоперативно: в Госкино заявка на эту тему должна поступить от студии первой.

В общем, через 3 недели, составленный мной и Максом документ, с печатью даты регистрации в Госкино уже лежал в кабинете нужного чиновника.

Теперь можно было несколько перевести дух и ждать несколько месяцев решения вопроса. В положительном исходе почему-то я не сомневался. Важность темы была очевидна.

Ну, ждать - так ждать, дело привычное.

Но неожиданно весьма далёкая перспектива съёмки фильма, который мы в заявке назвали "В двух шагах от полюса", приобрела совершенно фантастическое развитие.

Не знаю, что помогло: провидение, судьба, случай, стечение обстоятельств...

Пожалуй, всё вместе взятое.

ГЛАВА 3

НЕОЖИДАННЫЙ ЗИГЗАГ ФОРТУНЫ

Заканчивался 1984 год. В будущем году на меня была запланирована только одна тема: учебный фильм для средней

школы по истории "Распад и крушение колониальной системы империализма".

Сценария ещё не было, и я потихонечку собирал и изучал необходимый для этого фильма материал.

В первых числах ноября меня неожиданно срочно вызвали в Кинокомитет к заместителю министра.

Глеб Иванович Нифонтов сразу приступил к делу:

- Вот что, Игорь. Мы получили очень важный заказ: в конце будущего года в Таллине состоится Международный конгресс по охране окружающей среды. Стране нужен хороший фильм на эту тему. Курировать его будет Советский Комитет ЮНЕСКО по программе "Человек и биосфера".

- Знакомые мне заказчики. 2 года назад я снял для них большую картину "Биосферные заповедники Советского Союза".

- Да, помним. Фильм даже премию получил на каком-то фестивале. Вот заказчик и просит, чтобы режиссёром на этот фильм снова назначили тебя. Мы тоже целиком - за.

- А сценарий-то готов, Глеб Иванович? Вы как режиссёр прекрасно понимаете, что даже при наличии добротной литературной основы времени для съёмок, если начать работу уже завтра, совсем в обрез.

- К сожалению, сценария нет. Нам предоставили только расширенную аннотацию на фильм. Можешь прочесть прямо сейчас, - и Нифонтов протянул мне несколько отпечатанных листков.

Многочисленные объекты съёмок были разбросаны по

mirknig.com

всей необъятной территории страны: Дальний Восток, Туркмения Кавказ, Узбекистан, Киргизия, Белоруссия, Москва, Ташкент, Ленинград, Ростов- на-Дону.

Подводные съёмки включали Байкал, Японское и Белое моря.

Планировалась работа на высокогорной гляциолопийской станции ледника Абрамова, что в Памиро-Алае.

Прочтя эти страницы, я твердо сказал:

- Глеб Иванович, тема очень интересная. Я бы за неё взялся. Но одной группой мне такую картину за оставшееся время не потянуть. Нужна вторая постоянная группа и третья - для оперативных разовых съёмок и, в основном, для подводных работ. Студия вряд ли пойдёт на это - слишком много людей на одной картине: 3 администратора, 3 ассистента режиссёра, 3 кинооператора с помощниками. Ну и ещё вспомогательный персонал. Мы оголим минимум два других фильма. В общем, мне нужна Ваша помощь, своего рода карт-бланш.

- Завтра все необходимые документы и бумаги уйдут на "Леннаучфильм". А с Елисеевым - вашим директором, я поговорю сам. Требуя от него всё, что тебе нужно - это картина государственной важности. Запускайся в производство без сценария. Хочешь - пиши его сам, хочешь - доверь надёжному автору. Ты хоть и беспартийный, но считай, что это боевое задание партии. Фильм мы ставим на особый контроль. Затянули, конечно, с запуском. Затянули. Давай, брат, выручай - одну телегу везём.

После беседы с зам. министра я сразу же помчался в офис Комитета ЮНЕСКО, благо что путь мне был хорошо известен, как и все его чиновники, в той или иной степени причастные к кино.

К счастью, и самый главный начальник Валерий Михайлович Неронов - был на месте.

- Ну, Игорь Залманович, - с укором встретил он меня. - Мы тебя заждались. Ждём-пождём, когда ж, наконец, появишься.

- Извините, Валерий Михайлович, но моей вины нет ни на гран... Вы-то могли меня хотя бы в известность поставить.

Позвонить в Ленинград, наконец... О картине и своем назначении я, к великому сожалению, только сегодня узнал.

- Как сегодня? Мы договор с вашим министерством подписали полгода назад. И финансирование открыли сразу, просили как можно скорее начать работу. Ну и чиновники у вас?! Шесть месяцев бумаги по столам гуляли.

- Слава Богу, что вообще не затерялись. Теперь совместными усилиями придётся навёрстывать упущенное время. Объектов вы, конечно, в свою аннотацию включили - немерено. Надо как-то с этим сначала определиться.

- Мы отвечаем за конечный продукт. Нам нужно показать этот фильм на симпозиуме. А по всем вопросам съёмок и объектам - пожалуйста, к Феликсу Яковлевичу Ровинскому, в Комитет по гидрометеорологии. Они за науку отвечают. Все свои соображения мы им высказали.

Феликса Яковлевича Ровинского, Лауреата Государственной премии, крупного учёного в области контроля за состоянием природной среды, я знал ещё по фильму о биосферных заповедниках. Он тогда очень помог нам в организации съёмок, давал дельные советы и консультации.

Теперь Феликс Яковлевич был официально назначен главным консультантом на новый фильм. А это значит - и главным ответственным. Я был чрезвычайно обрадован такой новостью.

Тут же, не отходя от стола, я поговорил по телефону с Ровинским, и он пригласил меня вечером следующего дня приехать к нему домой.

В Кинокомитете мне сделали копию аннотации на фильм, и придя в гостиницу, я принялся за более детальное изучение и осмысление предписанного заказчиком, стараясь разобраться, какие объекты можно объединить, от каких - вообще отказаться.

Работа предстояла гигантская: только проехать, пролететь и прошагать нам нужно было больше 80 тысяч километров.

Основные съёмки по фильму предполагались в летне-осенний период, т.е. по крайней мере до середины мая у меня

было время для осмотра объектов, детальной проработки сценария и подготовки всего необходимого. А дальше работа, не покладая рук.

Раз за разом, прочитывая аннотацию снова и снова, я составлял в тетрадке колонку объектов съёмки и что мы там должны были отразить. Получалось немало дублирующих объектов. Например, отбор проб выпавшего снега на вершинах гор для определения уровня загрязнения воздуха мы должны были снимать в двух местах: на хребтах Хамар-Дабана - гор, окружающих Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, и в районе горно-лыжных трасс Терскола на Кавказе. Технология работы абсолютно идентична. Только на Байкале она более опасна а, значит, и более зрелищна.

По моему разумению, эти два эпизода можно было вполне объединить в один, что сэкономит и драгоценное съёмочное время, и деньги.

То же получалось и с эпизодами контроля качества воды на реках по новой технологии с помощью вертолётa. Раньше пробы через определённые километры брались с борта специально оборудованного судна на больших реках, или с катера на малых речушках. Чтобы оценить качество воды от истока до устья нужно было взять на анализ сотни образцов. Такой маршрут занимал несколько дней.

По новой технологии пробы воды отбирались специальными батометрами прямо с зависающего вертолётa, и вся река отрабатывалась обычно за один полётный рейс. Удобно и гораздо дешевле.

Так вот, этих эпизодов было тоже два. Один мы должны были снимать в горах Сихоте-Алиня, в центре горно-рудной промышленности Дальнего Востока, а другой - на реке Северский Донец. И этот материал вполне укладывался в один хороший эпизод.

Я прекрасно понимал желание заказчика показать как можно больше объектов - Советский Союз выполнял все взятые на себя обязательства по обширной Международной программе мониторинга окружающей среды, ведь здоровье природы - это и здоровье человечества, и, в конце концов.

каждого из нас.

Конечно, в стране день и ночь угрюмо продолжали грохотать тысячи промышленных монстров, работавших в основном на оборону, которые выдавливали из своего чрева в атмосферу миллионы тонн вредных и опасных соединений...

Конечно, в реки и моря сливались кубокилометры вредных, неочищенных стоков, а на лесосеках оставалась гнить половина вырубленной древесины. И эти негативные стороны нашего, порой варварского хозяйствования и отношения к природе, мы тоже должны были отразить в своей картине.

(Забегу вперёд и скажу, что съёмки таких объектов не раз заканчивались для нас арестами, занудными допросами и объяснениями в местных отделениях милиции и КГБ.

4 месяца, например, мы не могли добиться разрешения на съёмки в цехах Байкальского целлюлозно-бумажного комбината.

Только специальная телеграмма министра, на которого надавил ещё более высокопоставленный чиновник из аппарата ЦК КПСС, открыла нам ворота этого тщательного охраняемого предприятия, которое считают одним из главных загрязнителей, действительно, священного озера.

В своё время, после распада Советского Союза, ЦБК был закрыт.

Но новые "эффективные менеджеры" России, прибравшие общенародную собственность к своим рукам, добились его открытия - не дело, золотая жила и не работает?!

И задымили трубы комбината, вновь потекли в Байкал ядовитые промышленные стоки, травя последние стайки знаменитого байкальского омуля, которого недавно добывали сотнями тонн, а сегодня на местный рыбокомбинат на острове Ольхон привозят замороженное сырьё с Дальнего Востока из-за полного отсутствия своего...

Золотой поток из заработавшего комбината так и не вышел. Даже золотого ручейка не получилось - родная армия наотрез отказалась покупать сверхдорогую целлюлозу для корда покрышек реактивных самолётов, перешла на корд из металла. Комбинат же начал обрастать огромными долгами, но продолжал травить Байкал... И его вновь закрыли.

28 декабря 2013 Правительство РФ подписало важный документ о создании на территории комбината Экспоцентра... "Заповедники России".

Ничего себе заповедная зона?!

Вокруг комбината, в 12 селеопасных районах, лежит больше 6 миллионов тонн твёрдого лигнина - остатков производства, наполненных ядовитыми хлором и серой.

Эти неутилизированные отходы угрожают экологии Байкала даже больше, чем сама работа комбината. Случись сильное землетрясение, а в районе озера это было не раз, сели снесут весь накопленный яд в Байкал. И большой, возможно катастрофической для природы беды не избежать.

Так что позорная история Байкальского ЦБК решением правительства закрыть это производство отнюдь не заканчивается).

В общем, анализируя аннотацию картины, я наметил и тактику разговора с Ровинским - максимально отказаться от съёмок невыигрышных, дублирующих объектов и вытянуть из консультанта как можно больше информации о каждом оставшемся эпизоде.

В конце разговора я хотел затронуть тему, которая однозначно могла решить вопрос о нашей с Максом пока авантюрной задумке - подводных съёмках живого мира на дне Ледовитого океана.

Мысленно я уже видел большой, обоснованный и зрительно выигрышный эпизод, который прекрасно вписывался в тематику фильма с пока ещё предварительным, сухим научным названием аннотации: - Природная среда: состояние и контроль. -

К моему удивлению, Ровинский практически безоговорочно принял все мои предложения по укрупнению объектов съёмки, на выбор предложил несколько новых. Для примера: меня очень заинтересовали испытания радиоуправляемых моделей для отбора проб воздуха.

Маленький, с метр длиной, самолёт, ведомый по радио оператором с земли, мог беспрепятственно взять на анализ дым, выходящий из самого жерла любой по высоте заводской трубы. Тут уж ни одному директору "грязного" предприятия не отвертеться и не сослаться на то, что загрязнения занесены сюда ветром, быть может, из других районов.

Мы тщательно вычистили аннотацию, добавили в нее ряд новых эпизодов и обязательное интервью с Председателем Комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды Юрием Антониевичем Изразлем по проблемам изменения климата планеты... Мы также договорились, что напишем вместе с Феликсом Яковлевичем и сценарий фильма.

После этой работы, я решил выложить Ровинскому свои козырные тузы, и начал подробно рассказывать ему, что обнаружили ленинградские морские биологи на шельфе архипелага Земля Франца-Иосифа, о богатстве подводного мира арктических широт, который, кроме них, пока никто не

видел. Феликс Яковлевич слушал мои "песни" с большим вниманием и изредка с лёгким удивлением покачивал головой.

- К чему я клоню, Феликс Яковлевич, понимаете?

- Пока нет.

- Посмотрите, как разбросаны по стране объекты мониторинга. В этом месте контролируем состояние морской воды, в этом воздуха, на этом леднике берём керны льда, за тысячи километров от него оцениваем содержание проб снега. Но у нас нет ни одной точки, где мы можем практически одновременно провести все виды контроля и всех сред: воды, почвы, снега, льда и воздуха. Постоянные наблюдения на такой станции дадут стопроцентно точные результаты даже ничтожных изменений в состоянии природной среды. Хотя бы для этого, конкретного района страны.

- Согласен, идея заманчивая, но пока у нас такой репрезентативной станции нет.

- Да как же нет, Феликс Яковлевич? Есть такая станция. Её бы чуток расширить да профинансировать. Это обсерватория имени Кренкеля на острове Хейса.

И я начал выкладывать Ровинскому всё, что мне поведал Максим, который провёл на острове почти год.

- Судите сами: обсерватория проводит все виды гидрометеорологических наблюдений, изучает тропосферу и озоновые дыры, которые, как говорят многие учёные, влияют на климат всей планеты. С "космодрома" обсерватории каждый день уходят в верхние слои атмосферы метеорологические ракеты, сканирующие слой воздуха от поверхности Земли до высоты сто и более километров.

Сам остров Хейса и близлежащие острова, до которых рукой подать, имеют мощные ледниковые шапки толщиной в несколько сот метров. Это рай для гляциологических исследований. По кернам, поднятым из их глубин, можно определить состав воздуха в этом районе, который был 50, 100, 200 лет назад и сравнить его с тем, что мы имеем сегодня.

Ну и самое главное - здесь мы можем держать под

контролем и весь Северный Ледовитый океан. Как Вы мне объяснили - это наиболее чувствительный для любого вида загрязнений район Мирового океана, поскольку процесс разложения вредных веществ, особенно нефти, из-за экстремально низкой температуры воды в Арктике протекает здесь в десятки раз медленнее, чем в тёплых морях.

Если сегодня Северным морским путём проходят десятки судов, завтра их будут уже сотни, и за каждым остаётся тончайший, практически невидимый слой нефти, который разрушает нейстон - приповерхностный, биологический слой океана толщиной всего в пять сантиметров, где, в основном, и зарождается его жизнь.

От Мурманска до Чукотки мы пробурили на дне шельфа множество скважин на нефть и газ, и в недалёком будущем эти суровые места станут зоной мощного экономического освоения. Норвегия, Швеция, США, Канада, наша страна - все будут бороться за свои приоритеты и вложат в освоение высоких широт сотни миллиардов долларов.

Вы и сами чувствуете - этот бум не за горами. Представляете, какой страшный промышленный молох обрушится на Северный Ледовитый океан и его обитателей, на тот уникальный подводный мир, о котором мы только недавно узнали.

mirknig.com

Почему бы нам не рассказать об этом в фильме, не сделать своевременное предупреждение человечеству, не предостеречь правительства арктических стран о возможной грозящей беде, чтобы заставить промышленный капитал и наше правительство раскошелиться на новые, максимально безопасные для природы Арктики технологии?!

Честно признаюсь, Феликс Яковлевич, у меня есть и свои, может быть, корыстные планы на эти съёмки. Нашу с Вами картину посмотрят на симпозиуме несколько тысяч учёных из разных стран, а потом она тихо отомрёт и будет пылиться где-нибудь в запасниках.

Но если мы такой мощный Арктический блок снимем, я могу использовать и его, и все оставшиеся дубли для двадцатиминутного научно-популярного фильма, который можно широко показывать по телевидению и во всех кинотеатрах.

Мы миллионам людей глаза откроем на это чудо природы, может быть, чуть-чуть сдвинем их психологию в нужном направлении: каждый человек должен понимать - вся грязь, которую мы после себя оставляем, не уносится в бесконечность космического пространства, а накапливается на Земле от поколения к поколению. Нельзя быть временщиками. Наступит время, и природа предъявит свой счёт человечеству.

Я, конечно же, понимаю, в какие огромные деньги выльются съёмки на архипелаге. Но если не мы, то кто? Всё равно рано или поздно такой шаг будет сделан. Жаль, если не нашей страной.

- Останови поток своего красноречия, - мягко прервал меня Феликс Яковлевич. - Действительно, на базе обсерватории Кренкеля можно снять зрелищный и важный в научном отношении материал. Чего, чего, а ириродно-киношной экзотики там хватает. Это мы как-то упустили из вида при подготовке аннотации и отборе мест съёмок.

Но по сути: технически, без особого риска для жизни, вы способны провести там подводные съёмки?

- Без риска - не способны, как и любые съёмки с воздуха, или извержения вулкана. У нас работа такая...

Стараемся рисковать по минимуму. Наш старший водолазный специалист связался со своими друзьями, инженерами - подводниками компании "Северморгеология". Обещали помочь оборудованием. В общем - дело вполне реальное уже сегодня. Тем более, что глубже сорока метров опускаться не придётся. А это значит - можно забивать баллоны аквалангов обычным воздухом, работать без специальных дыхательных смесей и барокамеры.

- Убедил. Конечно, будет здорово, если удастся снять такой материал. Я - за! Более того - становлюсь его активным сторонником.

Финансовая сторона дела пусть тебя не волнует - все полярные станции в ведении нашего комитета. Если необходимо - забросим вас даже в Антарктиду. Сколько времени нужно для этих съёмок?

- Около двух месяцев. Оптимальное время работы - апрель и май. Лёд ещё достаточно прочен, чтобы выдержать тяжесть водолазных балков. К тому же, в апреле-мае основные съёмки по фильму "Природная среда" ещё не начнутся, и всю эту сложную работу мы фактически проведём в подготовительный период. Таким образом у нас в кармане уже будет приличный, очень зрительный кусок для главного фильма, ну а дубли останутся для будущей задуманной короткометражки.

Одной экспедицией мы сразу решим две задачи. Такое благоприятное стечение обстоятельств крайне редко в нашем деле.

- Хорошо, Игорь. Договариваемся так. Два полных вечера перед ноябрьскими праздниками посвятим твоему образованию. О каждом объекте нашего главного фильма я расскажу всё, что знаю. Покажу фотографии, подготовлю необходимую литературу. И ты уезжаешь домой начинать работу над сценарием и знакомиться с необходимыми объектами. Через неделю у меня плановая встреча с министром. Думаю, мне удастся убедить его дать добро на съёмки в обсерватории Кренкеля - попасть туда без особого разрешения рядовой смертный просто не может

- Феликс Яковлевич, если всё сложится удачно, я у

mirknig.com

Вас в неоплатном долгу.

- Что, поставите статую, золотую чашу держащую ? - рассмеялся он.

- Нет, воздвигнем статую золотую, чашу держащую!

- Ну, ну... Время покажет.

Ровно через семь дней Феликс Яковлевич позвонил мне на студию и сообщил приятную новость:

- Игорь, все объекты съёмок окончательно согласованы и утверждены. В том числе и на архипелаге Земля Франца-Иосифа. Директор картины уже назначен⁹

- Да. Ефим Маркович Фогель.

- Дай ему мои координаты, и я свяжу его с нужными людьми нашего управления, которые выделены для оперативного решения проблем киногруппы. Ну и, как говорил Юрий Алексеевич Гагарин: - Поехали!

- Спасибо, Феликс Яковлевич, за напутствие. Мы уже в запуске - так что всё пока идёт нормально.

Закончив разговор с Ровинским, я тотчас помчался к Майеру в водолазку - отдельно стоящий домик на территории студии, и с порога пропел ему и находящемуся там же подводному оператору Игорю Юрову: - Запрягайте, хлопцы, коней!

- Дорогой ты наш, - радостно развёл широко руками Майер, - неужели дали добро снимать на Франца-Иосифа?

- Да, группу забросят туда самолётами в середине марта.. Но уже в конце мая из-за интенсивного таяния снега и льда взлётно-посадочная полоса закрывается.

Не закончим работу в срок - придётся куковать на острове до августа. Да и то при условии, если к обсерватории пробьются транспортные корабли. Запросто можно застрять и на год, подобные случаи тоже бывали. Мне лично это совсем не камилфо!

- Захарыч, не пугай! Для нас радостная весть, а ты с какими-то страстями. Не думай пока об этом, Советская власть не даст пропасть. Выручит, как не раз бывало. Праздник сегодня, у нас как бы ребёночек на свет появился - такое событие, такое событие! Его обязательно отметить нужно! К тому же - конец рабочего дня. Ты с нами?

- Не сегодня. Давайте-ка, ребятки, не откладывая, приступайте к подготовке оборудования и группы. Время - в обрез!

- Так точно, шеф! Будет исполнено, - в шутку отдали мне честь подводники и отправились в студийный кафетерий, где с брежневских, застойных времён, спиртное продавалось без всяких ограничений, а горбачёвская эпоха варварского выкорчёвывания виноградников и повсеместного подпольного производства самогона ещё не началась.

Пока в ближайшие два месяца я знакомился с основными объектами съёмок, мотаясь самолётами по стране, Майер съездил в Мурманск и привез оттуда какие-то суперновые, ярко-оранжевые арктические гидрокостюмы для подводных работ одной из канадских фирм. Их пробную партию приобрела за очень большие деньги компания "Северморгеология".

Узнав, что мы должны работать на дне Северного Ледовитого океана, её специалисты предложили нашей студии несколько таких костюмов для испытаний с предоставлением подробного отчёта в письменном виде. Это было необычайным везением.

Дело в том, что при температуре воды около нуля градусов, работать даже в лучшем стандартном снаряжении дайверов, когда гидрокостюм натягивается на голое тело или на тонкое нательное бельё, просто опасно для жизни. Больше 5-10 минут организм не выдерживает - наступает холодовый шок, до предела сужаются кровеносные сосуды, останавливается сердце.

Есть несколько вариантов профессиональных резиновых костюмов водолазов СВХ которые позволяют надеть на себя специальный комплект шерстяной одежды. Для работы в Арктике обычно надевают и два комплекта. Естественно, что работать становится очень неудобно, а кинооператору с подводным тяжёлым боксом тем более - он должен быть в толще воды в абсолютно свободном состоянии, как астронавт в невесомости. И это было для нас, пожалуй, главной проблемой проведения подводных съёмок.

Теперь появился шанс значительно облегчить работу

mirknig.com

под водой.

Как только на Ладожском озере лёд достаточно окреп, Майер с ребятами 2 раза в неделю выезжали туда и проводили пробные спуски.

Новые костюмы из специальной неопреновой резины толщиной почти в 10 миллиметров, при обычных 3-4, хорошо защищали от холода, были очень мягкими и сравнительно легко натягивались на тело.

К костюму прилагались также удобные перчатки и носки.

Для Игоря Юрова - главного оператора-подводника, Саши Рачкова - второго оператора и Володи Рулёва - страхующего и дублёра операторов - подводников, никаких проблем с костюмами не было. Их размер точно совпал с обозначенными на костюмах.

Сложности возникли только у старшего водолазного специалиста. Саша Майер при росте всего в 170 сантиметров весил много больше 100 килограммов и имел крепко сбитую и накаченную, но всё же не стандартную фигуру. При кажущемся избыточном весе он был очень подвижным, никакой одышки, а под водой - ас, настоящий профессионал.

В общем, как ни жалко было Майеру кромсать дорогое изделие канадцев, но два костюма пришлось аккуратно разрезать, перекроить и после нескольких примерок сшить и намертво соединить новые детали специальным водонепроницаемым клеем. Не знаю, какой получился размер: 58 или 60, но Саша был счастлив от своего творения. Костюм, действительно, без всяких складок, мягко облегал тело и не мешал движению ни рук, ни ног. А при подводных киносъёмках это одно из самых важных условий. Так что и водолазный босс был теперь при своем персональном костюме.

После нескольких испытаний Майер с удовлетворением сказал мне:

- Нам бы такие клёвые костюмчики в собственность! Великолепное снаряжение. Думаю, минут по 30-35 мы сможем выдержать и в Арктике за один спуск.

Параллельно ребята проверяли на меньшую обледенелость различные типы аквалангов, подводные боксы

и светильники. Следует отметить, что в то время отечественная промышленность абсолютно ничего не выпускала для проведения профессиональных подводных съёмок. Ни-че-го!

Боксы для кинокамер, безопасные осветительные герметичные приборы, подводные экспонометры, специальные фильтры для очистки воздуха при забивке его в баллоны, необходимые приспособления от удобных свинцовых грузов до эффективных спасательных жилетов - всё это конструировали и изготавливали своими руками энтузиасты подводных съёмок.

Постепенно, год за годом, на студии сложился достаточно опытный и крепкий коллектив подводников.

Инженерным мозгом были механик цеха съёмочной техники Андрюша Малков и инженер - электрик Саша Панин. Именно эти ребята воплощали в себе и специализированное конструкторское бюро подводной аппаратуры, и завод по его изготовлению.

Сутками напролёт они в своей мастерской что-то чертили, вытачивали, сваривали, клеивали, испытывали в бассейне спортивного института имени Лесгафта.

Бассейн был доступен нам практически все ночи: ребята подрядились бесплатно чистить его в этот промежуток времени между тренировками спортсменов и заодно тренировались сами и проверяли оборудование, особенно его наиболее опасную часть - электрические системы освещения, кабельные разъёмы.

У меня были корочки водолазной школы любителей - аквалангистов, которые я по занятости не подтверждал лет 10, и Майер, договорившись с морским военным ведомством, отправил меня на краткосрочные курсы водолазов в Высшее Военно-Морское училище подводного плавания имени Ленинского Комсомола.

Пройдя рядовым курсантом все круги "ада": барокамеру, ориентацию под водой, подключение под водой к другому аппарату, выход через торпедный аппарат на поверхность, строгие экзамены по теории и оказанию первой помощи, местный врач в чине капитана шлёпнул мне в

водолазную книжку печать:

- Разрешены погружения на глубину до 15 метров.

При этом добавил: - Профессиональным водолазом тебе уже не быть. И по возрасту, и по здоровью. Но вырежи свою пупочную грыжу и приходи снова. Может ещё метров 5-10 любительских прибавим тебе после тренировок. А пока - не обессудь. И тяжести не таскай, не дай Бог случится ущемление грыжи.

- Какая грыжа, - попытался я что-то сказать в своё оправдание. - Где Вы её увидели? Я эту грыжу и не ощущаю вовсе!

- Что за разговорчики в строю? Следующий!

Майер, принимая мою водолазную книжку, сочувственно сказал: - Не переживай, Захарыч. И 15 метров - глубина не для каждого. Генерал тоже редко бывает в бою.

Так же и режиссёр: как ни крути, а он отвечает за всё и за всех. Работы у тебя и на суше - выше крыши, а мы твои солдаты.

По составу группы, которая будет работать на архипелаге, мы определились так. Всего восемь человек: директор фильма Ефим Фогель; я - режиссёр; старший водолазный специалист - Александр Майер; главный оператор подводных съёмок - Игорь Юров; его ассистент под водой - Володя Рулёв; второй оператор - Александр Рачков.

Договорились, что Игорь Юров в связи со сложностью его работы, будет снимать только под водой. Саша Рачков берет на себя все съёмки на натуре, стоит на страховке водолазов и при необходимости помогает им под водой. На Саше Панине лежит вся механика и электрика, допускаются редкие спуски под воду. Максим Осповат зачисляется в нашу киногоруппу от Института зоологии в качестве профессионального водолаза и исполнителя роли морского биолога. А также стоит на страховке.

Выцарапать его на два месяца оказалось делом непростым. Как только по институту разнёсся слух, что Максим должен ехать в очередную арктическую экспедицию, он вдруг оказался нужен буквально всем отделам сразу, все нуждались в образцах донной фауны и флоры. Но никто не

хотел сам и за свою зарплату нырять зимой в Белом море. Максим хочет закрепиться в штате и начать работу над кандидатской? Вот пусть и поныряет ещё в должности старшего лаборанта. Куда денется?

Письмо из студии, отнюдь, не помогло. Начальник его лаборатории ответил, что, к сожалению, научные планы института из-за отсутствия Максима могут быть сорваны.

Проггшлось мне самому ехать в Институт зоологии.

Его директор, академик Орест Александрович Скарлато, был главным консультантом на нашем совместном с институтом фильме "Операцгтя "Мидия", и потому я без особого труда попал к нему на приём. На удивление, Скарлато с пониманием отнёсся к нашей будущей работе и сообщил мне очень приятную новость.

Оказывается, фильм "Операция "Мидия" институт показал на очередной коллегии Министерства рыбного хозяйства. Материал картины оказался столь убедительным и наглядным, что министерство приняло решение выделить немалую сумму для создания на Белом море первой промышленной фермы по выращиванию мидии.

Научное руководство оставалось за институтом.

А это деньги на развитие, покупку необходимого лабораторного оборудования.

Признаюсь, мне как сценаристу и режиссёру этого фильма было приятно узнать о таком решении. Значит и мы потрудились с пользой.

Вопрос с поездкой Максима на Землю Франца-Иосифа в составе киногруппы был решён положительно.

Однако чуть позже возникли другие сложности - с оформлением ему пропуска в погранггчную арктическую зону, ибо, живя в Ленинграде, прописан он был в Карельском посёлке Чупа, на Беломорской биологической станции института, на которую распространялся крохотный северный коэффициент

Это давало возможность сотрудникам иметь 20-ти процентную прибавку к своей нищенской зарплате.

В общем, накануне нашего отлёта, Максиму пришлось срочно ехать в районный центр Лоухи и выбивать нужные

документы. Да ещё в район со множеством совершенно секретных объектов.

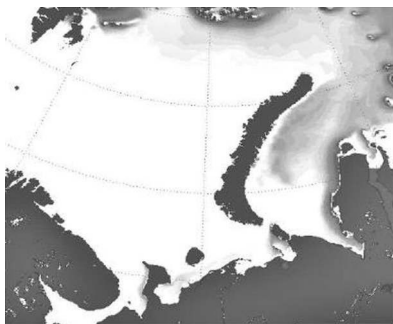
Помогло ему, вероятно, то, что он уже побывал в этом районе и не ушёл в Америку, преодолев по льду Берингов пролив.

Но на наш чартерный спецрейс - Ленинград - Диксон-он, конечно же, опоздал.

ГЛАВА 4

ВСЕ МЫ ЖИТЬ ХОТИМ

Хак сложилась судьба, что с севером до начала работы над

фильмом "В двух шагах от полюса" я был знаком не понаслышке. Несколько лет, сразу после школы, я работал сначала в посёлках Никель и Заполярный, на стыке границ СССР, Финляндии и Норвегии, а после немало поездил с киногруппой по его просторам.

Мурманск, Архангельск, Амдерма, Воркута, Диксон, Игарка, Норильск - все эти места на побережье Ледовитого океана я хорошо знал. Именно Северу были посвящены несколько моих предыдущих картин: "Вызов тундре", "Пантеон саами", "Белое море - не белое пятно", "Операция "Мидия", "Полярный эксперимент".

К тому же, в начале семидесятых годов, мне довелось стоять у истоков, готовить сценарий и редактировать фильм "Экспедиция "Беринг" - о практически первом и успешно проведённом советско-американском научном проекте в Беринговом море, в котором были задействованы научно-исследовательские суда, самолёты-лаборатории и спутники обеих стран.

Даже сама по себе эта работа была уникальна, ведь между СССР и США в то время пролегла невидимая граница политического и военного противоборства - продолжалась затратная и никому не приносящая успеха "Холодная война". Но политики и учёные стали осознавать, что на планете Земля есть немало проблем, которые нужно решать только сообща и в интересах всего человечества.

"Экспедиция "Беринг" стала своеобразным прорывом в, казалось бы, несокрушимой плотине непонимания и недоверия между нашими странами. Совместный космический проект "Союз-Аполлон", проведённый спустя два года, значительно расширил научное сотрудничество Советского Союза и США.

Буквально несколько слов и о "Полярном эксперименте". Этот фильм был снят в 1976 году.

Консультировал его и всячески опекал легендарный полярник, директор Института Арктики и Антарктики Алексей Федорович Трёшников, с которым судьба, по-видимому, не случайно, свела меня ещё за несколько лет до съёмок.

А.Ф. Трёшников.

Дело в том, что материковые льды Гренландии, Канадского Арктического архипелага, Шпицбергена Северной Земли, Земли Франца-Иосифа и морские льды Северного Ледовитого океана оказывают огромное влияние на погоду не только в северных и умеренных широтах.

Гигантские, в тысячи километров, фронты холода скатываются и в тропики, мощно влияя на состояние атмосферы в этих экваториальных районах. Количественные оценки такого воздействия практически отсутствовали.

Наука не могла ответить на очевидно возникающие вопросы: на сколько градусов охлаждаются океан и атмосферу полярные льды и как далеко распространяется их влияние,

как изменится климат Земли, если площадь морских и материковых льдов начнёт по какой-либо причине сокращаться. "Полярный эксперимент" по масштабу, объёму работ и многогранности научной программы до сих пор не имеет себе равных.

Без какой-либо натяжки - это, пожалуй, самая крупная веха в изучении влияния Арктики на климат планеты.

Мы параллельно снимали двумя съёмочными группами, и район работ покрывал гигантскую территорию от Гренландии на восток, через все моря Ледовитого океана, до берегов Аляски.

В этом эксперименте одновременно было задействовано 10 научно-исследовательских судов, вся сеть аэрологии советской части севера, а это 37 крупных станций и обсерваторий на берегах и островах Ледовитого океана. На эксперимент работали две мощные дрейфующие станции Северный Полюс - 22 и 23, два самолёта-лаборатории ИЛ-18, два лётных отряда Высокоширотной экспедиции "Север - 28", которые на самолётах ЛИ-2, поставленных на лыжи, совершили сотни опасных посадок на дрейфующие льды океана и провели комплексные измерения в этих точках глубин, температуры и солёности воды, скорости подводных

течений, толщины и состояния льда.

Наконец, в штаб программы "Полэкс", который возглавлял А.Ф. Трёшников на судне "Профессор Визе", регулярно сбрасывалась информация с советских и иностранных метеорологических спутников, которые находились над арктическими районами.

Сложность состояла в том, что вся эта научная сила, тысячи людей различных специальностей должны были проводить свои измерения несколько раз в сутки, строго синхронно, по Гринвическому времени и несмотря на состояние погоды.

Корабли, например, работали даже в девятибалльный шторм, хотя это запрещено техникой безопасности судоходства. Но ведь именно в такие штормы и происходит максимальный обмен энергией между океаном и атмосферой.

Как же иначе познать суть таинственных процессов рождения погоды, если не быть в центре такого события?!

Да, риск. Да, порой на грани жизни и смерти, когда ударом волны тебя может вмиг смыть за борт или расплющить в лепёшку. Но такова цена познания. И здесь не работают по приказу. Здесь принцип другой, грубоватый, быть может, но по сути по-настоящему мужской:

- Надо, Вася, надо.

mirknig.com

До сих пор не могу понять, как мы всего за три месяца съёмок смогли осилить эту, казалось бы, неподъёмную вовсе глыбу работ. Наверное, по молодости лет просто не думали о трудностях.

Так, благодаря фильму "Полярный эксперимент", я не только узнал немало нового и удивительного об исследованиях Севера, но и близко познакомился с людьми науки, которые вписали в историю освоения Арктики и Антарктики свои страницы и даже целые её главы.

Экипаж и научные сотрудники летающей лаборатории высокоширотной экспедиции "Север-28".

Слева кинооператор фильма "Полярный эксперимент" Н. Шерман.

И вот что интересно, со многими из них мои пути кинематографиста не раз пересекались потом в самых непредсказуемых ситуациях и, как говорят, порой у чёрта на рогах.

Но не случилось мне во время тех съёмок побывать на островах архипелага Земля Франца-Иосифа, не сошлось.

И вот, спустя 10 лет, судьба как будто повернулась ко мне своей счастливой стороной.

К началу марта, посетив организации Гидрометеослужбы в разных концах страны, я имел полное представление о предстоящих съёмках. Материала для сценария хватало с лихвой, и работа над ним шла легко и без проблем.

Проблемы возникли на киностудии. Узнав, что нам предстоят сложные подводные съёмки на далёком ледяном архипелаге, наша администрация встревожилась не на шутку: чем чёрт не шутит, а вдруг там произойдёт какое-нибудь ЧП и им придётся отвечать по полной. Отстрочить сроки нашего вылета в экспедицию они не могли - их диктовал фрахт самолёта на определённое число и вызов на ковёр к министру в случае срыва съёмок. Решили просто лишний раз потрепать нервы, показать, кто на студии новый хозяин.

Наш прежний директор Виталий Евгеньевич Аксенов ушёл на повышение: был назначен Обкомом партии руководить сложным в идеологическом и творческом плане коллективом "Ленфильма".

С "Ленфильма" же директором к нам был переведён Николай Максимович Елисеев, по слухам, провинившийся в чём-то на своем прежнем поприще директора фильма. Если так, наша киностудия "Леннаучфильм" была для него чем-то вроде партийной ссылки: масштаб помельче. Зато и компенсация не маленькая - не рядовым администратором переходил к нам. Директором студии!

Елисеев, естественно, как и положено руководителю, первым делом перетянул своих близких по духу и преданности людей: Юрия Михайловича Волкова на должность заместителя, и главбуха, молодую симпатичную особу, которая до этого работала на птицефабрике и, конечно, в специфике научно-популярного кино ничего не понимала.

Её любимые фразы и первые резолюции на насущные просьбы съёмочных групп были ярки и лаконичны: "Не разрешаю!", "Отказать", "Траты нецелесообразны" и т.п.

Каждую копейку сметы, каждый съёмочный день порой приходилось отстаивать буквально с боем. Помню, одна из групп снимала эпизод ночного разведения ленинградских мостов. Как и положено, после окончания

работы директор фильма обязан развезти участников съёмки по домам, ибо ни трамваи, ни метро в эти сверхпоздние часы уже не работают

Для таких случаев начальник производства Николай Сергеевич Вознесенский всегда выдавал специальные талоны на оплату такси.

В тот злополучный день Вознесенский был болен, и группа в письменной форме обратилась за талонами к главбуху. Выдачу талонов она разрешила, но её резолюция на бумаге гласила: " Зачем же всё-таки снимать ночью? "

Юрий Михайлович Волков до таких резолюций не опускался. Он был человеком большего интеллекта, и каждого творческого работника считал обязанным ему всем. Прежде всего работой, ведь практически на бланке любой командировки должна была стоять его разрешающая подпись.

Как только я вернулся из Москвы с утверждённым литературным сценарием и наша поездка на архипелаг стала объективным фактом, Волков вызвал меня в кабинет. Вальяжно развалясь в кожаном кресле и положив ноги на письменный стол, правда, предложив мне сесть, он начал разговор с ехидного, неожиданного вопроса:

- Игорь Залманович, а что будет, если я не разрешу вам подводные съёмки в Арктике?

- На каком основании, Юрий Михайлович, если не шутите ?

- Да нет, не шучу. А основание одно - забота о Вашей драгоценной жизни и судьбе тех, кого Вы вовлекли в эту авантюру. Вы там в сценарии понаписали о чём-то, якобы, фантастическом, на дне Ледовитого океана, деньги огромные заказчик выделил, а расхлёбывать в случае чего придётся нам. Даже Майер, водолазный специалист студии, сказал, что более сложных и опасных съёмок подо льдом в его практике ещё не было.

- Правду сказал: не было. Затем и едем, чтобы опыт появился. Кто-то же должен этот путь пройти. Да и в группу никто никого силком не затаскивал. Кто боится - может и сейчас отказаться. Об этом ребята знают. У нас всё в

открытую, по совести.

Это - первое... Во-вторых, я ничего в сценарии "не понаписал" и ничего не выдумал. Это научное открытие сделали наши ленинградские биологи. И мы хотим документально, с помощью кино, подтвердить это. Так что Ваши претензии абсолютно беспочвенны. К тому же, рисковать понапрасну никто не будет. Все мы жить хотим.

- Вот, вот... Мы тоже хотим жить. И, замечу, на свободе, а не баланду есть в тюремных камерах, если кто-нибудь из вас погибнет. Ну что вы так вцепились в этот Ледовитый океан? Я понимаю - там и на поверхности можно снять выигрышные в зрительном отношении эпизоды. Один запуск ракет на 80 параллели чего стоит. Зачем же лезть под лёд? До Кусто вам всё равно не дорасти.

- Мне не дорасти, Вы правы... А вот Юрову, скажем, очень даже дорасти. Как знать, что завтра будет.

Это сегодня каждая студия свою кашу варит: Ленфильм, Центрнаучфильм, Ялтинская студия, мы. Если объединить усилия и создать единый, общесоюзный центр подводных съёмок, придать ему судно, профинансировать необходимые проектно-конструкторские работы, смотришь - и у нас яркие фильмы о подводном мире появятся.

Вернёмся из Арктики - обязательно этот вопрос на коллегии Госкино поставим.

Вам бы, Юрий Михайлович, не пугать нас страстями о возможной трагической ситуации и не ставить палки в колёса, а всемерно помогать и способствовать развитию подводных съёмок. А пока, акваланг новый купить - проблема, простенький катер с прицепом - нет возможности. Цветная плёнка "Кодак" высокой чувствительности - вообще полёт мечты. Да и то только во сне.

В общем, весь этот бесполезный разговор, как я понял, сводился к одному: администрация студии хотела заранее снять с себя любую ответственность за проведение наших действительно рискованных съёмок. Поэтому я напрямую спросил Волкова:

- Вам же наш старший водолазный специалист дал, согласно инструкции, своё письменное заключение, что при

соблюдении всех правил техники безопасности, за которые отвечает лично он, проведение съёмок возможно. Вы хотите получить и от меня страховочный документ?

- Да, между нами, лично я хотел бы иметь подобную бумагу. Хотя бы у себя в столе. На всякий случай. Поверьте, Игорь Залманович, я вам глубоко симпатизирую. Но знаете, бережёного, как говорят, и Бог бережёт.

Надеюсь, ваша полярная эпопея закончится успехом.

И вот ещё что... Маленькая личная просьба. Может, при случае попадётся шкурка белого медведя?! Я сразу заплачу сколько надо.

- Однозначно - не попадётся, Юрий Михайлович. Белый медведь уже много лет в Красной книге прописан. Вот, если удастся, фотографию этого зверя обязательно сделаю. Увеличу во сколько раз можно и Вам подарю. А теперь, давайте-ка составим нужный документ, и я пойду.

В общем, минут через 20 написал я требуемую бумагу. Убирая её в кожаную папку, Волков вполне доброжелательно подытожил наш разговор:

- Значит, так, Игорь Залманович... Как только приземлитесь на Франца-Иосифа, я за всю вашу группу молиться буду.

И вот что поразило меня: все данное обещание вскоре обернулось бедой. Трагедия случилась не в нашей группе, хотя и мы однажды пережили на Хейса страшные минуты. Глупо, по элементарной неосторожности погиб сам Юрий Михайлович.

Будучи по основной специальности электриком, дома он начал сверлить дрелью стену, делая мелочный ремонт, и сверло попало прямо в скрытую под штукатуркой электрическую проводку.

Удара током хватило, чтобы остановилось сердце. А лет ему было всего сорок с небольшим. Что это: судьба, роковое стечение обстоятельств?

Не берусь судить. Пишу лишь, как было.

Конечно, ещё со школьной скамьи я знал, что архипелаг Земля Франца-Иосифа - самая северная часть

Советского Союза, что лежит он гораздо выше Новой Земли.

Знал я и то, что с этих обледенелых и пустынных островов к Северному Полюсу в начале XX века стартовало немало экспедиций и никто из смельчаков не дошёл до цели.

Могилы многих из них, сгинувших в полярном безмолвии, среди ледников и чёрных скал, не найдены до сих пор. В том числе захоронения русских полярных исследователей - офицеров флота Г. Седова и Г. Брусилова.

О знаменитом арктическом норвежском острове Шпицберген, где Советский Союз имел концессию на разработку каменного угля и где в посёлках Баренцбург и Пирамида работало около двух тысяч граждан нашей страны, я знал гораздо больше - пресса регулярно освещала тамошнюю жизнь.

А вот об архипелаге Земля Франца-Иосифа не сообщали вообще ничего. Невидимый колпак секретности наглухо перекрывал даже самую скудную информацию об этих ледяных островах. Даже Антарктида в те времена казалась ближе и доступнее.

О ней снимались документальные фильмы, постоянно показывались телевизионные репортажи.

И в фантастическом сне я не мог представить себе, что судьба закинет меня под самый Северный полюс, в эти, практически, недоступные пределы страны.

Макс, конечно, намекал о размещении на ледниках архипелага наших ракетных баз и огромных аэродромов для дальних бомбардировщиков, но верилось в это с трудом. Если советские межконтинентальные ракеты достигают любой точки земли, зачем их прятать во льдах, в тысячах километрах от цивилизации, где и людям-то выжить не просто? На все мои сомнения Макс только улыбался и говорил:

- На острове Хейса, естественно, ничего подобного нет.

Там - только наука, небольшой полигон для запуска метеорологических ракет да аэродром для ИЛ-14. Но, если повезёт, на других островах увидишь кое-что иное.

Мне, к сожалению, повезло только частично. Об этом речь впереди.

mirknig.com

А пока, как только появлялось свободное время, публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина на Садовой превращалась в мой второй дом, в столовой и буфете которого можно было вкусно пообедать или перекусить - все блюда готовились поварами приличного ресторана "Балтийский".

Практически две недели я просидел в читальных залах библиотеки.

История открытия и исследований Земли Франца-Иосифа была так интересна и захватывающа, что звонок о прекращении работы библиотеки всегда вызывал у меня чувство глубочайшего сожаления и, порой, даже раздражения: ну откройте, пусть за оплату, хотя бы небольшой зал или комнату для читателей - полуночников многомиллионного города и тех, кому не хватает времени посетить библиотеку в рабочие часы.

Я сделал немало выписок из книг: судьбы первопроходцев архипелага были полны мужества и трагизма. В ледяных, неизведанных, бесконечных просторах Земли Франца-Иосифа бесследно пропадали целые экспедиции. Но за ними шли другие, шаг за шагом продвигаясь вперёд, к своей мечте - к вершине планеты, к Северному полюсу, к свободному плаванию в Арктических водах, оставляя нам знания и карты о пройденном пути.

Парадоксально, но, действительно, Антарктида, лежащая от России за тысячи и тысячи морских миль, была открыта русскими флотоводцами Ф. Беллинсгаузеном и М. Лазаревым за 53 года до того, как австрийская экспедиция, затёртая льдами, обнаружила неизвестные острова северо-восточнее Новой Земли.

Буквально в подбрюшье России.

ГЛАВА 11

КТО ВЫ, КНЯЗЬ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН?

Русские зверобои уже не одну сотню лет бороздили просторы Полярных морей. Были у них зимовья и на Шпицбергене, и на Новой Земле. Но подняться выше, к

полюсу, в поисках моржей и тюленей, всегда мешали льды, которые в щепки крушили их прочные кочи.

Наиболее важной из первостепенных задач Российской науки, сам коренной северянин, Михаил Васильевич Ломоносов считал "отыскание" морского торгового пути Сибирским океаном в Восточную Индию. Этот путь, по его мнению, открывал доступ к неисчерпаемым богатствам Сибири и её освоению на благо России.

В одном из своих трактатов он пишет:

- По всему видно, что за полюсом есть великое море, которым вода Северного океана обращается по силе общего закона около полюса от востока к западу. Весьма вероятно, что самая полярная часть наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки.

Идеи Ломоносова подхватил и развил выдающийся общественный деятель и учёный, князь Пётр Алексеевич Кропоткин.

Это был человек энциклопедических знаний, прекрасный оратор, владеющий большинством европейских языков. Личность Кропоткина настолько масштабна и

mirknig.com

значима для русской культуры, науки и истории, что есть необходимость несколько подробнее рассказать о жизни этого выдающегося человека.

Деятельность Кропоткина мы почему-то чаще всего оцениваем по революционной работе, считая его основателем русского анархизма, который, к сожалению, зачастую трактуется как принцип абсолютной вседозволенности. Полнейшая ерунда.

Никогда Пётр Алексеевич не говорил о полном отказе от всего: совести, морали, нравственности, собственности. Это из той же оперы: общество "Долой стыд" или идеи Валькирии революции, красного дипломата А.М. Коллонтай о раскрепощении женщины.

Под анархизмом Пётр Алексеевич понимал совершенно иное: новый общественный строй, основанный на добровольном федеративном союзе самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов) и "безначальи", т.е. предполагалось коллективное ведение производств и распределение основных ресурсов.

Книги Кропоткина "Земля и воля", "Великая Французская революция", "Этика", "Анархия. Её философия, её идеал" вошли в сокровищницу мировой философской мысли.

Пётр Алексеевич неустанно вёл революционную разъяснительную работу среди рабочих Петербурга и был активным сторонником "хождения в народ".

Кропоткин родился в одной из самых аристократических семей России. Он рано лишился матери и потому с детских лет не терпел над собой никакой власти, всегда старался идти своей дорогой наперекор наставлениям старших.

Он с отличием закончил Пажеский корпус, где с первого класса кроме обязательной, весьма обширной программы, его интересовали и другие "всякие материи".

Выпускнику самого престижного учебного заведения России прочили прекрасную карьеру в столице, но он попросил направить его служить простым строевым офицером в Амурское казачье войско. Вся семья была шокирована этим решением.

Но один случай переубедил даже отца - генерал-майора А.П. Кропоткина. В Москве случился ужасающий пожар, бороться с ним власти и пожарные расчёты посчитали делом бесполезным. И всё же нашлась группа смельчаков, которые вступили в схватку с огнём, бросились в самое пекло. Среди них оказался и Пётр Кропоткин. Он не покинул это сражение, пока огонь окончательно не был побеждён. Когда юноша пришёл домой чёрный, как трубочист, и в обгоревшей одежде, отец от ужаса схватился за голову, но потом жёстко сказал сыну:

- Ты хотел на берега Амура? Что ж, езжай. Всё равно тебя не удержишь. А голову можно потерять одинаково: что здесь, что там!

Перед отъездом молодой офицер удостоился чести быть принятым в царском дворце.

П.А. Кропоткин

Император Александр II несколько удивился настойчивости Кропоткина служить на самых дальних Восточных окраинах России, но тепло напутствовал его:

- Полезным везде быть можно!

А полезным на Дальнем Востоке ему пришлось стать с первых дней службы. Он с головой уходит в геологию, географию и картографию: значительная часть Сибири до сих пор оставалась совершенно необследованной.

Пётр Кропоткин принимает участие в четырёх больших экспедициях по Восточной Сибири и Маньчжурии, изучает реки Уссури, Шилку и Амур, быт и историю местных народов: бурят, якутов, тунгусов.

И прав был отец - голову офицер мог запросто потерять в любой день его самой опасной экспедиции, в Маньчжурию, район, о котором практически никто ничего не знал. Даже японцы, которые давно мечтали присоединить к себе этот лакомый кусочек территории Китая у самой границы с Россией. Незадолго до начала экспедиции в

Маньчжурии был жестоко убит русский топограф Ваганов.

Кропоткин в строжайшей секретности начинает готовить свой отряд к выполнению очень опасной, но весьма важной государственной миссии - промышленной и географической разведке Маньчжурии под видом российских торговцев.

Со всех гарнизонов были тщательно отобраны верные казаки. К тому же, все они говорили по-монгольски.

Проводники и рабочие тунгусы - по-маньчжурски.

Небольшой торговый караван гонит перед собой табун из 40 великолепных лошадей на

продажу, в телегах - различные ткани в больших рулонах. Под ними в укромных местах необходимый геодезический инструмент, буссоль - главный прибор для топографической привязки на местности.

Отряд забирался в такие глухие уголки Маньчжурии, что от него порой по много недель не было вообще никаких известий, и не раз его вообще считали сгинувшим навечно. Но зато когда, вопреки всем опасностям этого рискованного похода, отряд в полном составе вернулся на родину, материал, который привезли казаки, оказался поистине бесценным - это была в мельчайших деталях проработанная карта всего пройденного отрядом пути.

За свои исследования в Сибири, и особенно в Маньчжурии, Кропоткин получает высшую награду Географического общества России - Золотую медаль.

В 1867 году Пётр Алексеевич вернулся в Петербург и,

mirknig.com

благодаря своим блестящим докладам в Географическом обществе, сразу же вошёл в круг передовых учёных России.

Отроду ему было тогда всего 25 лет. Он продолжает образование в Петербургском университете на физико-математическом отделении и одновременно работает в Статистическом комитете министерства внутренних дел под руководством знаменитого географа П.Л. Семёнова (Тян-Шанского).

Путешествуя по Сибири, Кропоткин не раз находил следы многочисленных древних ледников и, изучая их происхождение, именно он первым пришёл к гипотезе о существовании в совсем не далёком прошлом Земли ледникового периода. Он высказал ряд принципиальных идей, которые лежат теперь в основе современной гляциологии.

В 1865 году русская общественность широко отметила столетие со дня смерти М.В. Ломоносова. Лейтенант Н.Г. Шиллинг (впоследствии вице-адмирал Российского флота) призвал неустанно продолжать поиск Северного Морского пути.

Изучая дрейф льдов и пути вмёрзших в них кораблей, он пришёл к выводу, что к северо-востоку от Шпицбергена должна находиться суша или группа островов, которые задерживают нормальный ход льда. Выводы молодого офицера горячо поддержал и Кропоткин.

В Географическом обществе он создал специальную комиссию по подготовке экспедиции в северные моря и взялся подготовить для неё конкретную программу больших, комплексных исследований.

Уже через 2 недели Пётр Алексеевич в течение двух вечеров, при переполненном зале, докладывает в Географическом обществе основные цели и задачи будущей морской экспедиции в развитие идей Ломоносова.

Кропоткин уверенно заявил, что возможность обнаружить в Северном Ледовитом океане новые земли как никогда осуществима. И хотя сама по себе это очень заманчивая идея, он видит значение экспедиции и в другом.

Петр Алексеевич горячо обращается к залу:

mirknig.com

- Почему мы должны, преодолевая финансовые проблемы, бюрократию и суровые испытания холодом, продолжать упорно идти на Север? Потому что именно Крайний север хранит ключ к пониманию и решению некоторых из главных вопросов молодой и лишь недавно оценённой по достоинству науки - физики Земного Шара!

В конце концов план масштабной, многогранной экспедиции одобрен и передан на рассмотрение в Морское министерство.

А пока по заданию Русского Географического общества Кропоткин едет в Финляндию и Швецию детально изучить ярко выраженные там следы оледенения.

В Швеции судьба сводит его с выдающимся исследователем Арктики и особенно Шпицбергена Адольфом Эриком Норденшельдом. Тот только что вернулся из Гренландии, где изучал её ледяной щит и, естественно, Кропоткину и Норденшельду есть о чём поговорить - оба они фанаты широкого изучения ледяных шапок планеты. Они обсуждают планы будущих арктических исследований, замыслы плаваний на север и восток.

Кстати, уже через несколько лет именно Норденшельду, впервые, с одной зимовкой, удастся на парусно-паровом судне "Вега" пройти по Северному Морскому пути из Атлантики в Тихий океан и доказать реальность провидения Ломоносова.

За этот беспримерный научный подвиг одно из самых суровых морей Ледовитого океана было названо именно его именем - морем Норденшельда, но в годы советской власти его заменили на русское название - Море Лаптевых, в честь двоюродных братьев - мореходов Харитона и Михаила Лаптевых, которые в 1739 - 1743 годах приняли участие в Великой северной экспедиции и провели детальное гидрографическое обследование полуострова Таймыр

Впрочем, такая метаморфоза неудивительна - после прихода к власти большевиков Россия во многом становится, действительно, "родиной слонов": и первый самолёт в воздух подняли не американцы братья Райт, а

русский офицер Можайский. И радио изобрёл не Никола Тесла (его приоритет перед итальянским инженером Г. Маркони был признан судом в 1943 году), а военный инженер, преподаватель Высшего минного офицерского класса в Кронштадте Александр Попов... И паровоз изобрёл не англичанин Джордж Стеффенсон, а отец и сын Черепановы - механики Нижнетагильского завода.

Я нисколько не умаляю заслуги и величие разума многих и многих российских учёных и инженеров, которые были подлинными первопроходцами и совершили немало революционных прорывов в науке и технике. Но научная и историческая правда не должны подменяться фальсификатом во имя дутого престижа государства и нации.

Теперь вот и Государственная Дума России пошла по пути большевиков - на рассмотрение внесён проект закона о переименовании Северного Ледовитого океана в Русский океан. Не берут в голову "народные избранники", что воды океана омывают не только берега России.

Пока Норденшельд готовил "Бегу" и пароход "Лена" к суровому плаванию, Кропоткин получает в Финляндии жёсткий ответ правительства России на его планы: траты для проведения экспедиции в полярные моря государство в настоящее время считает нецелесообразными.

Так, в одночасье, были положены под сукно уникальные программы изучения полярных районов России на многие годы вперёд.

Кропоткин с ценнейшими материалами своих исследований в Скандинавии возвращается в Петербург и начинает готовить отчёт по итогам этой работы.

Доклад, прочитанный им в Русском Географическом обществе 21 марта 1874 года о Ледниковой эпохе Земли, произвёл настоящую сенсацию, о нём восторженно писали все крупные газеты страны.

Но уже на следующий день князь Петр Алексеевич Кропоткин был арестован царской охранкой и водворён в

Петропавловскую крепость за принадлежность к тайному революционному кружку, что действительно имело место, потому что от своих идей - коренного реформирования существующего монархического устройства общества - он никогда не отказывался.

Однако новому узнику Петропавловской крепости была сделана невиданная доселе в этих стенах монаршья поблажка. Александр II, понимая научную значимость трудов Кропоткина и негативную реакцию просвещённой Европы на этот арест, распорядился выдать заключённому для продолжения его изысканий перо, бумагу и доставить необходимые книги.

Но холодные, каменные казематы сделали свое дело: Кропоткин заболел тяжёлой формой цинги. Из крепости его переводят в тюрьму, где есть хоть какая-то медицинская помощь.

Отсюда, благодаря активной помощи известного писателя и революционера-народника Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского, он и совершает свой знаменитый побег. Преодолев границы четырёх стран, Кропоткин добирается до Швейцарии.

Маленький, провинциальный городок Ла-Шо-де-Фон надолго становится его прибежищем и местом огромной, подвижнической работы учёного и философа.

41 год провёл Петр Алексеевич в эмиграции, за революционную деятельность несколько лет сидел во Французской тюрьме, на воле неоднократно встречался с лидерами Интернационала.

В матушку-Россию 74-летний изгнанник с окладистой толстовской бородой вернулся только после Февральской революции, в 1917 году.

Встречать его на вокзал пришло несколько тысяч человек, множество корреспондентов, был выстроен даже почётный караул для самых высокопоставленных персон.

Временное правительство предложило Кропоткину пост министра и весьма значительную годовую пенсию в 10 тысяч рублей. Но разочарованный историческим ходом послереволюционных событий и действиями русских

анархистов, он отказался и от того, и от другого, заявив:

- Ремесло чистильщика сапог более честное и полезное, чем участие в нынешней государственной власти.

П.А. Кропоткин и Министр иностранных дел Временного правительства, лидер кадетской партии П.П. Милюков.

Его идеи перестройки общественных отношений тем более были неприемлемы и чужды большевикам.

Начавшийся вскоре после Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания Красный террор навсегда захлопнул ему дверь в Революцию.

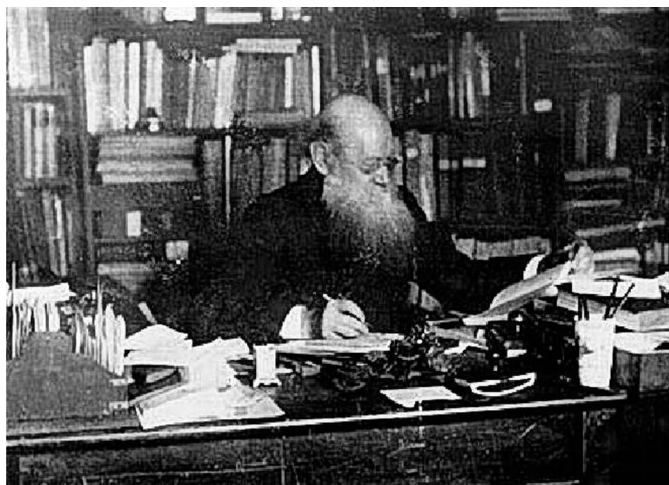
* * *

Умер Петр Алексеевич Кропоткин в маленьком подмосковном городке Дмитров в самом начале 1921 года. Правда, незадолго до ухода из жизни он совершил ещё один, и пожалуй, свой главный нравственный подвиг

Трижды общаясь с Лениным, Кропоткин убедил вождя Октябрьского переворота прекратить беззаконие, отменить данное им в ноябре 1918 года разрешение местным органам ЧК расстреливать подозреваемых на месте без суда и следствия, и этим спас от неминуемой гибели тысячи и тысячи безвинных людей.

mirknig.com

Такова непростая судьба этого выдающегося русского учёного и революционера, подлинного патриота России, связавшего всю свою научную карьеру с изучением Арктики.

1920 год. П.А. Кропоткин в своём рабочем кабинете в г. Дмитров.

Я намеренно сделал такое, сравнительно большое отступление, чтобы хотя бы сегодня отдать дань памяти человеку, имя которого в современной России несправедливо забывается и замалчивается.

Но вернёмся в далёкие семидесятые годы 19 века, к удивительной истории открытия архипелага Земля Франца-Иосифа.

И история эта связана с ещё одним человеком, который никогда не был ни в одной крупной географической экспедиции, но многие из них - в Африку, на Шпицберген, в Гренландию, в полярные моря - состоялись только благодаря его неукротимой энергии, его обширным знаниям и огромной популярности.

Он был самым признанным авторитетом среди всех географов и картографов мира, и лучшие атласы того времени были изданы при его непосредственном участии.

Имя этого человека - немецкий доктор философии Август Петерман.

ГЛАВА 11

"ТЁПЛОЕ МОРЕ" АВГУСТА ПЕТЕРМАНА

Хак вот, именно Петерман выдвинул и научно обосновал гипотезу, практическое решение которой стало манящей

звездой для сотен людей и престижной целью многих стран.

Суть его предположения очень проста: на просторах Арктики существует чистое ото льда, тёплое полярное море, и в центральной его

части находится суша, разделяющая Северный Ледовитый океан на две части.

Эту идею общество восприняло с большим энтузиазмом. Америка и Швеция снаряжают первые экспедиции на поиски тёплого полярного моря.

Император Франции Наполеон III выделяет на эти цели огромную по тем временам сумму - 50 тысяч франков.

Но пока лёд, лёд, казалось, вечный, бесконечный лёд Арктики останавливает энтузиастов.

В 1865 году на съезде Географического общества Германии Петерман выступил с новым сообщением, суть которого сводилась к следующему: к "тёплому морю" надо идти только со стороны Шпицбергена.

Здесь в полярные воды опускается тёплое течение Гольфстрим, которое и создаёт в Центральной Арктике свободное ото льда огромное пространство.

Китобои жалуются, что добыча резко падает из года в год.

Так вот, киты и ушли туда, в районы полюса.

Там - чистая вода, много корма.

mirknig.com

И самым большим животным планеты в этом районе океана абсолютно не грозит смертью воткнутый в бок гарпук с разрывной гранатой.

Петерман обращается к германскому народу с горячие призывом собрать необходимые средства для большой северной экспедиции.

И люди с энтузиазмом откликнулись на выполнение этого, по их общему мнению, национального дела.

Уже вскоре паровая яхта "Германия" уходит к берегам Гренландии, чтобы изучить, как далеко на крайний Север простирается её суша, проследить за дрейфом льдов и течениями.

Впервые кораблю удалось дойти до 81 градуса северной параллели. Дальше стояли сплошные льды.

Август Петерман.

Пришлось возвращаться и готовиться к новому плаванию. Теперь было решено прорываться к полюсу по совершенно иному маршруту: между островами Шпицберген и Новая Земля.

Проводы "Германии" и "Ганзы" в полярную экспедицию.

mirknig.com

Этот поход не заладился с самого начала.

У берегов Гренландии "Германия" и второе экспедиционное судно паровая яхта "Ганза" в густом тумане потеряли связь друг с другом.

Через несколько дней "Ганза" была раздавлена тяжёлыми льдами в десяти километрах от суши, на 71 градусе северной широты, и затонула.

Экипаж успел выгрузить на лёд запас продуктов, железную печку, одежду, доски и 2 крепких вельбота. На дрейфующей льдине удалось соорудить небольшой домик-сарай, который хоть как-то защищал от холода и свирепого ветра

Но природа не оставила измученных людей в покое.

В январе льдина неожиданно начала крошиться, и когда её диаметр сократился всего до 50 метров, а под домиком прошла глубокая трещина, пришлось аврально грузиться в лодки и долго искать новое ледяное прибежище.

Несколько месяцев длится этот беспримерный дрейф во мраке полярной ночи. Один человек не выдержал испытаний, сошёл с ума.

Только в мае люди наконец-то увидели полоску чистой воды.

Поставив паруса, измученные испытаниями севера, собрав последние силы, они плыли вдоль побережья Гренландии ещё целых 30 дней, пока не наткнулись на крохотное поселение эскимосов. Это спасло им жизни...

За 200 суток беспримерного дрейфа экипаж "Ганзы" проплыл 2 тысячи километров (так потом были определены направление и скорость циркуляции льда в этом районе Ледовитого океана - 10 километров в сутки).

Второе судно экспедиции после утери связи с "Ганзой" тоже не побило свой прежний рекорд - непреодолимый сплошной лёд остановил "Германию" на 77 параллели.

В этой экспедиции принимали участие два человека, которые уже через несколько лет навечно впишут свои имена в историю самых удивительных мировых географических открытий.

Пока это никому неизвестные, совсем молодые австрийцы:

офицер Карл Вейпрехт и картограф Юлиус Пайер.

Но их пригласил принять участие в плавании сам Август Петерман. А это уже говорило о многом: Петерман подбирал экипаж и научный состав "Германии" очень тщательно, брал лучших из лучших.

Тридцатилетний Карл Вейпрехт, закончив кадетское училище Военно-Морского флота Австрии, прекрасно зарекомендовал себя в двух тяжёлых и длительных северных экспедициях: на острова Шпицберген и Новую Землю.

К тому же он был ещё и полиглотом - свободно владел итальянским, венгерским, сербско-хорватским, французским, английским и норвежским языками.

О Юлиусе Пайере хочу рассказать более подробно - столь интересна и необычна жизнь и судьба этого человека.

Юлиус Пайер родился в 1842 году в маленьком городке у озера Теплице в Чехии, которая тогда входила в состав Австро-Венгерской империи.

Уже в 17 лет он блестяще закончил Венскую Военную Академию и отправился служить в пехотный полк в итальянской Вероне, принял участие в нескольких крупных сражениях во время Австро-Италяно-Французской войны и получил за проявленный героизм высшую награду - Военный Крест.

В 21 год он начинает читать лекции по истории в кадетской школе Австрийского города Айзенштадт.

Здесь Пайер увлекается самым опасным видом спорта - альпинизмом, и одну за другой покоряет 30 самых недоступных вершин в различных частях Альпийских гор.

Каждое его восхождение - это и новая, подробная, великолепно оформленная карта окружающего района.

Военное ведомство сразу "положило глаз" на этого молодого, способного офицера, да ещё и героя войны.

Пайера переводят в Венский картографический институт. Ну а где карты - там и всемогущий Петерман. И по его настоятельной просьбе Юлиуса Пайера направляют для участия во Второй Германской полярной экспедиции, куда был зачислен и другой австриец - Карл Вейпрехт.

После второго похода "Германии" Пайер и Вейпрехт

стали настоящими полярными волками.

Они многому научились, приобрели бесценный опыт исследователей севера.

До их исторического нового похода в ледяные просторы Арктики и открытия Архипелага Земля Франца-Иосифа оставалось всего несколько лет.

За это время ещё несколько стран пытались пробиться к тёплому морю Петермана и открыть там новые земли.

Одну из самых крупных и прекрасно оснащённую экспедицию полностью профинансировал Конгресс США. Возглавил её любимец и герой американцев Чарльз Холл.

ГЛАВА 7

ТАЙНА ГИБЕЛИ ЧАРЛЬЗА ХОЛЛА

Выбрав профессию моряка, Чарльз Холл увлёкся изучением полярных земель, и это стало делом всей его жизни.

В 1860 году он в одиночку высадился на юге Баффиновой Земли, самой недоступной части Канадского Арктического Архипелага, и прожил там среди эскимосов несколько лет, усваивая их язык, быт, приёмы охоты на морского зверя, опыт выживания среди снега и льда.

Чарльз Холл.

Здесь он начал длительные поиски британской экспедиции Джона Франклина, которая бесследно сгинула в этих местах шесть лет назад.

За пять лет на собачьих упряжках и на лыжах он прошёл больше трёх тысяч километров по арктическим пустыням.

Упорство и воля этого смелого человека были вознаграждены: он нашёл многих из тех, кого искал.

Все находки говорили за то, что экспедиция Франклина погибла во льдах от голода, холода и отравления свинцом. Именно им были запаяны банки с консервами...

***

Америка не забыла героизм и подвиг Холла.

Для его морской экспедиции было выделено новейшее военное винтовое судно - буксирный пароход "Полярис".

Страна ничего не жалела для достижения главной цели экспедиции - поднять американский флаг на Северном полюсе. Только запасов снаряжения, топлива и продуктов в трюмах было на полных три года.

29 июня 1871 года "Полярис" из Нью-Йоркской бухты взял курс на север.

По пути, посетив редкие эскимосские посёлки, Холл взял с собой несколько опытных аборигенов с собачьими упряжками. Один из эскимосов - Ханс Хедрик, отправился в эту рискованную экспедицию вместе с женой и тремя детьми.

Первый этап путешествия по практически чистой воде был лёгким, и уже через два месяца "Полярис" достиг пролива Смита на южном побережье Гренландии.

Состояние льдов в этом году было очень благоприятным для

морской экспедиции, нигде не было видно даже признаков сплошного ледяного барьера, и судно Холла уходило всё дальше и дальше на север.

Холл и его верные спутники пребывали в полной уверенности, что в более высоких широтах их ждёт чистая вода. На худой конец, преодолимые прочным корпусом "Поляриса" ледяные поля, с которыми корабль без особых повреждений уже справился в море Линкольна, названное экипажем в честь американского президента.

Да, Чарльз Холл и его команда могли гордиться своим рекордным достижением: уже в начале сентября судно находилось выше 82 градуса Северной широты, и в эти холодные, полярные воды до них не добирался ещё ни один корабль.

До полюса, как будто, оставался сущий пустяк. Вся экспедиция пребывала в некотором состоянии эйфории - если так пойдёт дело и дальше, буквально через несколько дней, в худшем случае - недель, звёздно-полосатый флаг США будет водружён на вершине планеты, знаменуя собой непоколебимую экономическую мощь и научную силу государства.

Увы, разочарование наступило слишком быстро.

С каждым не днём, а часом, "Полярис" вынужденно сбавлял ход: с Севера на судно надвигались бесконечные

поля пока ещё битого льда...

Но где-то там, впереди, у горизонта, они превращались в совершенно непроходимые торосы.

"Полярис" остановился под давлением напавших уже со всех сторон ледяных полей. Лейтенант Баддингтон, чтобы не потерять корабль и спасти экипаж от неминуемой гибели, с трудом уговорил Холла повернуть назад и подыскать в море Линкольна удобную бухту для безопасной зимовки.

После долгих поисков, на 81 градусе 31 минуте северной широты, судно бросило якорь в безымянной бухте, которую нанесли на карту под именем своего корабля: бухта "Полярис".

Место стоянки назвали "Приют благодарения Богу".

К сожалению, Бог морякам не помог. Леды оказались сильнее.

Вот как описал эту трудную, вынужденную зимовку врач экспедиции Эмиль Бессельс:

- Одолеваемый со всех сторон льдом, пароход с его металлической обшивкой служил громким резонатором страшных звуков непогоды. Мачты стонали и скрипели, снасти хлопали подобно пушечным выстрелам, блоки трещали. Все судно безостановочно содрогалось будто в конвульсиях и едва избежало гибели.

Надо признать мужество всего экипажа: до них в столь высоких широтах ещё не зимовал никто.

Более того, когда температура воздуха нередко падала ниже 40 градусов по Цельсию, Чарльз Холл продолжал научные исследования и совершил несколько сложных санных маршрутов вдоль и вглубь побережья.

Команда безоговорочно верила своему руководителю и не теряла надежды после зимовки вновь двинуться к Северному полюсу

Однако измученный многими тяжёлыми походами, каждодневной борьбой за выживание, Холл чувствовал себя всё хуже и хуже, страдал от невыносимой боли спазм сосудов мозга.

И организм этого мужественного человека не выдержал.

8 ноября 1871 года Чарльз Френсис Холл скончался, разбитый параличом.

Его тело перенесли на промёрзший берег, завернули в американский флаг и похоронили в земле, изучению которой он отдал свои лучшие годы жизни.

Руководство экспедицией взял на себя лейтенант Баддингтон. Но авторитета молодого офицера не хватило для сплочения команды: в экипаже начались пока ещё редкие, но всё же ссоры и разногласия.

Без Холла, его опыта полярника и преданности делу, экипаж день ото дня терял надежду выполнить задачу, поставленную правительством и народом США - достичь Северного полюса.

Тем не менее, первая суровая зимовка закончилась благополучно, на судне больше никто не заболел, а жена эскимоса Ханса Хендрика удачно родила крепкого сынишку. С общего согласия экипажа мальчика назвали в честь судна Полярисом.

Значительно пополнился и запас продовольствия экспедиции: добровольцам-охотникам удалось подстрелить 26 мускусных быков.

Благодаря свежему мясу и крови, ни у одного таена экипажа не было даже признаков грозной цинги.

Только 12 августа, через 10 месяцев после начала зимовки, льды, державшие в тисках "Полярис", немного расступились, освободив узкий проход.

Но не на Север, к полюсу, а на Юг.

После долгих колебаний и дебатов с экипажем лейтенант Баддингтон принимает решение: во избежание второй зимовки, а она была уже фактически на носу, возвращаться домой, пока есть возможность продвижения сквозь льды.

Но Север не захотел отпускать судно из своих объятий - приманка была захвачена слишком глубоко.

В ночь с 15 на 16 октября произошло то, чего больше всего боялись участники экспедиции: напор льда буквально выдавил "Полярис" из воды, корабль накренился и всей своей массой со страшным треском лёг на борт .

milkknig.com

Опасаясь полного разрушения судна, команда начала спешно сбрасывать на лёд продовольствие и вещи, необходимые для выживания.

И вдруг льдина, на которой лежал "Полярис", с грохотом разломилась прямо под судном. "Полярис" резко встал на киль и под напором ураганного ветра и сильного течения буквально в считанные минуты скрылся во мраке ночи.

На его борту оставалось ещё 14 человек вместе с капитаном Баддингтоном и доктором Бессельцом.

А на отколовшейся льдине оказались 19 человек: десять американцев и девять эскимосов, в том числе Хендрик и четверо его детей.

Часть предусмотрительно выгруженного с борта "Поляриса" продовольствия: десяток окороков, шоколад и мясные консервы удалось спасти. Из снаряжения на льдине осталось несколько палаток, стопка шерстяных одеял и винтовки с патронами. Но главное - уцелел довольно вместительный вельбот. Всё это давало ничтожную, но всё же надежду на спасение.

Теперь нужно было выживать. И здесь неоценимым оказался многовековой опыт эскимосов: на льдине они построили несколько снежных жилищ, способных

выдержать ураганные северные ветры. Для очагов тщательно собрали весь высыпавшийся с "Поляриса" уголь и выловили из воды несколько брёвен.

Худо-бедно, но жизнь на льдине диаметром около двух километров как-то наладилась, невидимое глазу течение медленно тащило людей вдоль побережья на юг.

Весной следующего, 1873 года, ледяное прибежище полярников неожиданно оказалось среди чистой воды.

Под действием солнца льдина начала быстро таять, и от неё ежедневно откалывались новые и новые куски.

Положение становилось угрожающим - ждать полного разрушения льдины было больше нельзя.

Погрузив в вельбот только самое необходимое, все 19 человек, с трудом разместившись в лодке, двинулись на юг в надежде добраться до любого клочка суши.

Но неделя шла за неделей, а желанная земля не появлялась. Закончились продукты. Чтобы притупить чувство голода, путешественники разрезали на кусочки сохранившиеся шкуры нескольких быков и до бесконечности жевали их, высасывая из клеток чудом сохранившиеся в них молекулы живого вещества.

Однажды вдали показалось судно, но с его борта не увидели отчаянные сигналы скитальцев и не услышали винтовочных выстрелов. Корабль, как привидение, растворился в густом тумане...

И всё же провидение смилостивилось к уже просто погибающим от истощения людям.

Буквально на следующий день вельбот

заметили с другого корабля - китобойного судна "Тигрица".

Неожиданное спасение сохранило жизни всем 19 участникам этого беспрецедентного дрейфа на льдине, которая по расчётам специалистов прошла путь в две с половиной тысячи километров.

А что же случилось с остальным экипажем "Поляриса", который не успел покинуть борт судна?

Корабль не утонул, хотя и получил значительную пробоину. Люди безостановочно откачивали ледяную воду, поступающую в трюм. Но силы уже покидали экипаж. Баддингтону удалось всё же посадить "Полярис" на мель у самого входа в пролив Смита.

Люди, прихватив необходимое, перебрались на берег, построили небольшой домик под 73 градусом С.Ш. и пережили в нём суровую полярную ночь, продолжая посильные научные исследования.

Весной, соорудив две самодельные лодки, остатки экипажа "Поляриса" вышли на них в море. Им тоже несказанно повезло: через 20 суток плавания полярники были подобраны шотландскими китобоями.

Так уж получилось, что обе части экипажа "Поляриса" прибыли на родину, в США, примерно в одно время. Трагическое путешествие было закончено. Все вернулись живыми и здоровыми за исключением начальника экспедиции, её главного организатора и вдохновителя Чарльза Холла.

Не всё в рассказах капитана и членов экипажа "Поляриса" устраивало общественность и конгресс США. Поведение полярников стало даже предметом судебного разбирательства.

Но прямых доказательств чего-то криминального в поступках моряков найдено не было, и постепенно общественное мнение успокоилось. А Чарльз Холл получил всеобщее признание как один из выдающихся людей Америки и исследователь Арктики.

И всё же, спустя 95 лет после гибели Холла, доктор Чанси Лумис из Дортмундского университета решил вернуться к тайне гибели учёного-полярника. В 1967 году он добился

захороненного на труднодоступном побережье Гренландии.

Вывод Лумиса стал ударом молнии при ясном небе - Чарльз Холл в той экспедиции был банально и, видимо преднамеренно, отравлен мышьяком кем-то из членов экипажа "Поляриса". Вот только кем? И ради какой цели?

Этот вопрос не разрешён и сегодня.

Вся мировая пресса широко освещала подготовку экспедиции Холла к Северному полюсу. Интерес людей к этому суровому походу был столь велик, что тиражи газет и журналов с любой информацией на эту тему в дни их выхода круто взлетали вверх.

В это же время в Старом Свете тоже началась подготовка к новой научной экспедиции в Полярные моря.

ГЛАВА 8

ПОЧЕМУ АВСТРО-ВЕНГРИЯ ХОТЕЛА СТАТЬ ВЕЛИКОЙ МОРСКОЙ ДЕРЖАВОЙ

В декабре 1871 года Карл Вейпрехт на заседании Венской Академии наук выступил с большим докладом о походе "Германии" в поисках Моря Петермана и изложил хорошо проработанный им и Юлиусом Пайером план дальнейших исследований севера.

Главная цель будущей экспедиции - не только дойти до Северного полюса, но и найти сквозной проход из Баренцева моря через пролив Беринга в Тихий океан.

Таким образом, Европа сможет скоро получить самый короткий морской торговый путь в азиатские страны.

Вейпрехт обратился к Академии с призывом содействовать организации такой экспедиции во имя науки и "поддержания славы своего народа".

И передовая общественность страны горячо поддержала его устремления. План Вейпрехта, который сулил множество географических открытий, был полностью одобрен.

Как же случилось, что, казалось бы, континентальная

mirknig.com

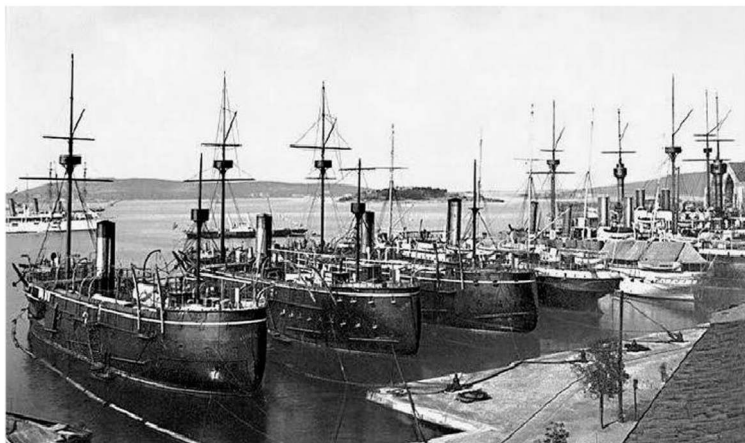

Австро-Венгрия замахнулась на такого рода сложную и весьма дорогостоящую морскую экспедицию?

Дело в том, что в те годы Австро-Венгерская империя включала в себя множество небольших европейских королевств, эрцгерцогств, маркграфств, княжеских округов и просто земель и городов с общим населением в 40 миллионов подданных.

Благодаря своей лоскутности, Австро-Венгрия владела довольно значительным куском побережья Средиземного моря с удобными портами Триест и Фиуме.

Именно поэтому страна и претендовала на своё, значимое место в ряду морских держав.

Военно-морская база Австро-Венгрии в Пуле в конце 70-х годов XIX века.

Для защиты своих морских интересов в 30 милях от Далматинского побережья австрийские инженеры на холмистом, заросшем густым лесом острове Лисса площадью в 36 квадратных миль, построили хорошо укрепленную крепость.

11 батарей из 88 тяжёлых крупновесных пушек закрывали подход к берегу. Гарнизон составлял 1883 человека.

Вот здесь, у Лиссы, в июле 1866 года Австро-Венгерский флот из 7 старых броненосцев, одного фрегата и нескольких канонерских лодок разгромил вдвое превосходящий по силе

новейший военно-морской флот Италии адмирала Персано.

После этого поражения Персано был предан сенатскому суду, обвинён в трусости и измене и лишён воинского звания и жалованья.

Командовал Австро-Венгерским флотом в этом сражении единственный адмирал за всю историю страны Вильгельм фон Тегетгоф. Двумя годами ранее он выиграл морской бой и с очень сильным датским флотом.

Тегетгоф стал национальным героем. Было принято специальное постановление, чтобы один из кораблей флота империи постоянно носил его имя.

Адмирал Тегетгоф

Вот это патриотическое и давнее стремление Габсбургов создать мощную колониальную империю, включая ещё не завоёванные заморские территории, помогли Вейпрехту и Пайеру собрать достаточные средства и построить на верфях Бременсгафена в Германии очень прочное деревянное парусно-паровое трёхмачтовое судно длиной в 30 метров.

В честь любимого народом боевого адмирала корабль так и называли - "Адмирал Тегетгоф".

Огромные по тем временам средства - 40 тысяч гульденов, в постройку судна и оснащение экспедиции всем необходимым вложил граф, камергер двора, один из богатейших землевладельцев Австрии, учёный и меценат Ганс Иоган Вильчек. Он был не только "золотым мешком" и покровителем экспедиции, но и деятельным помощником Пайера и Вейпрехта непосредственно в Арктике.

На судне "Исбьёрн" Вильчек организует вторую, вспомогательную экспедицию, и на всякий случай закладывает на Шпицбергене и Новой Земле аварийные депо

для экипажа "Адмирала Тегетгофа". На обратном пути он довольно подробно исследует западные берега Новой Земли, собирает уникальную зоологическую и геологическую коллекцию этих северных пределов России.

От устья Печоры Вильчек вместе с геологом Гефером совершает шестинедельный переход до Перми и оттуда, через Москву, возвращается домой, в Вену.

Граф И. Вильчек

Здесь он делает прекрасные отпечатки со всех своих фотографических пластинок с редкими видами архипелага Шпицберген, суровых островов Новой Земли и Печорского края и безвозмездно дарит эти сокровища Русскому Географическому обществу.

Тем временем в Норвежском порту Тромсё на борт "Тегетгофа" взойшёл его капитан Улаф Карлсен.

Начальников же самой экспедиции было двое: Карл Вейпрехт возглавил её морскую часть, а опытный Пайер - сухопутную, в случае открытия новых земель и высадки на суше.

Загрузившись свежим продовольствием и консервами на тысячу дней, 15 июля 1872 года под крики восторженной провожающей публики и пожеланием успеха "Тегетгоф", дав несколько длинных, прощальных гудков, степенно отвалил от причальной стенки и уверенно взял курс на север.

Всего на борту было 24 человека экипажа из разных частей многонациональной Австро-Венгрии.

Вот почему, хотя официальным судовым языком был итальянский, в кубриках можно было услышать немецкую, чешскую, словенскую, польскую речь.

С первого дня плавания Пайер вёл подробные записи, экспедиционных будней, которые впоследствии легли на страницы его книги "725 дней во льдах".

***

Он начал своё повествование так:

- Труден путь к твердыням полярного мира...

Юлиус Пайер.

Необходимо вооружиться неограниченным терпением, не боясь неизбежных неудач и разочарований, и продолжать преследовать свою цель даже тогда, когда она становится игрушкой случая.

Первое разочарование наступило довольно скоро. Тот, 1872 год, был для Баренцева моря необычно суровым.

Как только "Тебетгоф" дошёл до Панкратьевых островов Новой Земли, судно вмерзло в лёд.

Все участники экспедиции полагали, что сейчас ещё конец июля, самый разгар полярного лета, и через несколько дней, в крайнем случае недель, льды разойдутся и корабль получит возможность двигаться дальше.

Обитатели "Тебетгофа" радовались каждой мало-мальски заметной трещинке в ледяном покрове, окружающем судно.

Пайер потом напишет в своей книге:

- Если бы мы знали в тот вечер, когда льды сошлись вокруг "Тебетгофа", что отныне наше судно проклято безвольно следовать прихоти льдов, что настоящим судном оно уже никогда не будет, мы могли бы впасть в отчаяние".

Весь остаток короткого полярного лета экипаж "Тебетгофа" не терял надежды выбраться из плена. Но вера в "тёплое море" Петермана вскоре развеялась окончательно -

mirknig.com

лёд уже намертво схватил свою жертву.

Осенью судно вместе со льдами вынесло в открытое море. Наступила полярная ночь с жуткими штормами, мраком и метелями. Льды со всех сторон со страшной силой напирали на корабль, грозя раздавить его, как скорлупу грецкого ореха. Всё было приготовлено на тот случай, если придётся покинуть судно.

Чуть ли не ежедневно, когда грохот, треск и стон переборок возвещал о начале очередного сильного сжатия, участники экспедиции, не снимавшие меховую одежду, выбегали на палубу, готовые в случае крушения корабля немедленно спрыгнуть на лёд.

Пайер заносит в дневник:

- Это были жуткие моменты, когда чувствуешь, как дрожат и вибрируют от напряжения стенки судна. Выбегаешь на палубу с котомкой в руке, готовый бросить корабль и начать странствовать...

Куда - никто из нас не знал. А льдины кругом продолжали громоздиться одна на другую, выползая на палубу.

130 суток судно находилось под постоянной угрозой быть раздавленным льдом и пойти ко дну... 130 суток

mirknig.com

постоянной опасности и запредельного напряжения нервов.

К концу февраля, в кромешной тьме, "Тегетгоф" вместе со льдом продрейфовал до 79 параллели. Судно находилось в 250 километрах севернее Новой Земли, в водах, которые ещё никогда не посещались человеком.

Не принесло свободы "Тегетгофу" и наступившие весна и лето. И хотя вокруг корабля кое-где образовались крохотные лужицы, судно по-прежнему находилось в крепких тисках льда, и вокруг него, до самого горизонта, простиралась белая пустыня сплошных многометровых торосов.

Надежда на освобождение корабля из ледяного плена окончательно рухнула. Стало ясно - экспедиции придётся пережить в плавучих льдах вторую вынужденную зимовку с непредсказуемыми последствиями.

Правда, с продовольствием и углём для печек проблем пока не было - умудрённые опытом полярных скитаний Вейпрехт и Пайер предвидели подобную ситуацию и загрузили "Тегетгоф" всем необходимым по полной программе.

Но научные руководители понимали: планы экспедиции полностью разрушены.

Единственным её положительным результатом было достижение судном столь высоких широт и проложенный по карте дрейф "Тегетгофа".

*Капитан-лейтенант
Карл Вейпрехт.*

ГЛАВА 11

ПОДАРОК ИМПЕРАТОРУ

В середине августа наблюдатель заметил милях в четырёх от судна необычно тёмный айсберг.

Моряки решили добраться до него и поразились увиденным: все бока ледяной горы были усеяны камнями и чёрным мелкозёмом. Это говорило о близости какой-то неизвестной земли. А сам айсберг, несомненно, оторвался от ледника его моренной части.

Но приблизят ли дрейфующие льды "Тегетгоф" к долгожданной суше?

И вот 30 августа 1873 года, на 375 день тяжёлых испытаний, в монотонной жизни затёртого во льдах судна, произошло событие, которое... Впрочем, вот как о нём рассказывает сам Юлиус Пайер:

- Около полудня мы стояли у борта и бесцельно смотрели в туман, который то тут, то там, начал слегка разрываться. Внезапно на северо-западе туман рассеялся совсем, и мы увидели чёткие очертания скал...

А буквально через несколько минут перед нашими глазами во всём блеске развернулась панорама горной страны, сверкавшей своими белоснежными ледниками.

В первое время мы стояли точно парализованные и не верили в реальность возникающей перед нами картины. Затем, осознав наше счастье, мы разразились бурными криками: - "Земля!.. Земля-я-я!!!"

Открытие её было наградой кучке незадачливых моряков за силу их надежды и выдержку в период тяжёлых испытаний. Нас привела сюда счастливая случайность. Тысячелетия миновали, а человечество ничего не знало о существовании этой земли.

Нам подарил её каприз пленившей нас льдины.

***

Предсказания Кропоткина и Шиллинга о существовании земли на севере бескрайнего Баренцева моря блестяще оправдались.

Император Франц-Иосиф.

По странному стечению обстоятельств, Австро-Венгрия только что отметила день рождения своего императора Франца-Иосифа, и лучшего подарка, чем открытие для австрийской короны новых заморских земель, ни придумать, ни предугадать было невозможно.

Это сказочное царство внезапно появившейся из тумана земли все участники экспедиции единодушно называли - Земля Кайзера

Франца-Иосифа .

Неожиданно северный ветер начал сносить "Тегетгоф" к югу, но время от времени сверкающие светом ледники и чёрные скалы снова появлялись в поле зрения, вселяя надежду на более близкое с ними знакомство.

Вступить же на новую землю австрийцам удалось только два месяца спустя, 1 ноября.

Три человека: Вейпрехт, Пайер и первый офицер - лейтенант Густав Брож пешком по морскому льду отправились на небольшой остров, который нанесли на карту под именем главного спонсора своей экспедиции - именем Вильчека. Пайер вспоминал:

- Нам тогда показалось, что это рай земной, хотя в действительности здесь ничего, кроме снега, скал и смёрзшихся камней не было и что, в сущности, на земле

mirknig.com

едва ли где-нибудь мог существовать более печальный и безнадёжный уголок, чем этот остров.

Такой нарисовал Землю Франца-Иосифа Юлиус Пайер в день её открытия

В составе второй группы к ним присоединился опытный, незаменимый машинист чех Отто Кржиж.

Сооружая вместе с другими приметный знак из камней и укладывая в него бумагу с описанием пути экспедиции, он вряд ли предчувствовал, что спустя короткое время его, единственную жертву экспедиции, похоронят недалеко отсюда, в южной части острова Вильчека.

ГЛАВА 10

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА АРХИПЕЛАГА

Надвигалась полярная ночь, и темнота не позволила приступить к детальному изучению новой земли.

Прекрасно рисовавший Пайер за три коротких посещения острова сумел сделать только несколько акварельных набросков пейзажей острова и его ледяного покрова.

Из-за отсутствия свежих овощей и постоянного употребления консервов у некоторых членов экипажа появились признаки грозной цинги.

Особенно страдал Отто Кржиж. Время от времени он позволял себе прилечь от навалившейся усталости и слабости, но после короткого отдыха поднимался и принимался за работу наравне со всеми.

Для себя он не просил никаких поблажек и неустанно стремился во всём помогать товарищам.

Как и Пайер, Кржиж каждый день вёл свои записи экспедиционной жизни и исследовательской работы экспедиции.

Под конец лютой зимы 1873-84 года Отто уже не смог подниматься с постели...

Сильное кровотечение и безудержный кашель волнами повторялись одно за другим. 15 февраля он сделал в дневнике последнюю запись: разбегающимися буквами зафиксировал своё практически безнадежное состояние и... состояние погоды.

Потом началась агония.

Некогда могучий организм механика в крохотном кубрике тщетно продолжал бороться с наступающей смертью. Вскоре в бреду Кржиж уснул и уже не проснулся.

Через три дня, когда слегка улеглась очередная пурга, в жестокий мороз его похоронили в щели базальтовой скалы на краю крутого обрыва.

Над могилой был поставлен деревянный крест с выбитыми строками на металлической табличке:

- Здесь лежит Отто Кржиж, машинист Австро-Венгерской полярной экспедиции. Скончался 16 марта 1874 года на палубе судна "Тебетгоф", в возрасте 29 лет. Мир его праху!

Судовой врач доктор Кепес в последнем, коротком слове после установки креста назвал Кржижа "героем науки".

Над безмолвной и бесконечной Арктикой в его честь прогремело несколько оружейных выстрелов.

Дневник Отто Кржижа во многом весьма значительно дополнял официальное описание экспедиции, сделанное Пайером.

Он был написан на чешском языке и, после возвращения экспедиции в Вену, Пайер передал его родному брату Кржижа - Антонину.

Тот перевёл его на немецкий язык и, написав предисловие и послесловие, издал в Вене.

Кстати, книга Пайера "725 дней во льдах" вышла в свет только через год.

На гонорар, полученный от издания дневника, Антонин Кржиж соорудил своему брату памятник в небольшом селе Пачлавице - месте рождения Отта.

Только в 1957 году книга Кржижа была впервые переведена на чешский язык и сразу же стала библиографической редкостью.

ГЛАВА 11

1000 ГУЛЬДЕНОВ ЗА СЛЕДЫ ПАЙЕРА И ВЕЙПРЕХТА

Уже после смерти Кржижа, когда в конце марта белые медведицы после родов начали выходить из снежных берлог на лёд в поисках пищи, участники экспедиции за короткий

срок подстрелили 67 этих сильных, очень коварных зверей.

Свежее мясо животных и их кровь оказались прекрасным лекарством от цинги.

Все больные быстро пошли на поправку. Смертельно опасная болезнь отступила.

С первыми лучами солнца австрийцы начали интенсивно готовиться к санным путешествиям для изучения вновь открытой земли. Ещё при жизни Кржижа они исследовали и нанесли на карту самый западный мыс острова Вильчека, назвав его именем своего судна, а потом поднялись на вершину ледника близлежащего островка Холла.

Дальше лежал гигантский ледник острова Сальм.

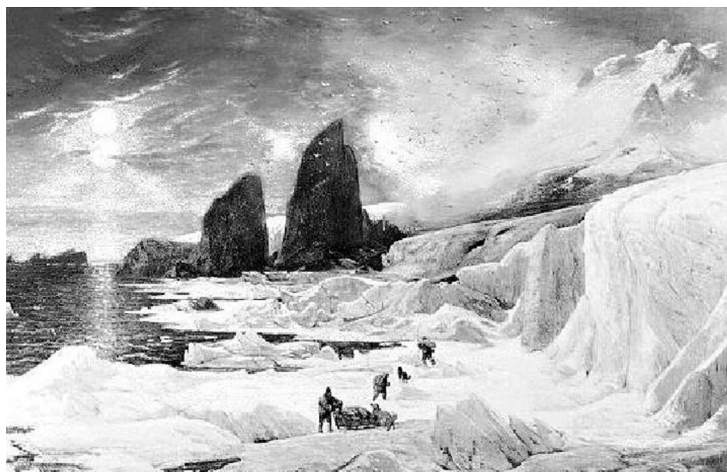
Над ним медленно поднималось из-за горизонта сначала желтоватое сияние восходящего солнца, которое на глазах превращалось в кроваво-красное светило с двумя ложными солнцами. Это был грозный признак сильного мороза. Спиртовой термометр Цельсия показал тогда отметку гораздо ниже 50 градусов.

Кстати, это самая низкая температура за всю историю mirknig.com

исследований архипелага Земля Франца-Иосифа.

Несмотря на меховые парки и чулки, люди очень страдали от холода. Нередко случались и сильные, весьма болезненные и опасные обморожения. Особенно во время ночёвок.

В самом конце марта Пайер и шесть его спутников двинулись в большую санную экспедицию.

Так как упряжка состояла всего из трех ездовых собак, основной груз - приборы, палатки, значительный запас продовольствия - люди тянули сами. Их путь лежал на север.

С каждым днём на карту ложились все новые и новые названия: острова Винер-Нейштадт, Галля, мысы Франкфурт, Ганза, Тироль, Будапешт.

Вскоре открылся весьма широкий проход пролива Австрийский канал, по которому отряд вышел к островам Райнера, Карла-Александра и Рудольфа. Ледник этого острова поднимался над поверхностью океана почти на 500 метров.

Впрягшись в нарты, Пайер с тремя спутниками смогли подняться на его вершину. Ледник получил имя русского исследователя Севера академика А.Ф. Миддендорфа.

На этом леднике произошло и первое ЧП: сани с собаками и каюром, матросом Цаниновичем, провалились в

глубокую ледниковую трещину, сверху замаскированную снегом. К счастью, матрос и собаки застряли на ледяной полке в 12 метрах от поверхности и остались живы. Через несколько часов их с трудом удалось вытащить.

Спасённые собаки, уже почувствовавшие гибель, от радости волчками катались по снегу и бросались на грудь людям в надежде с благодарностью лизнуть их лица.

В эту экспедицию Пайеру удалось дойти до самой крайней оконечности Земли Франца-Иосифа, которую он

назвал в честь известного австрийского картографа Августа фон Флигели - Мыс Флигели. Случилось это в ясный солнечный день 11 апреля. Сделанные замеры показали: мыс лежит на широте 82 градуса, 5 минут.

Отсюда до вершины планеты оставалось всего 800 километров. Правда, тогда Пайер не подозревал, что его отряд находится и на

самой северной точке Европы.

С этого высокого мыса он видел впереди голубые горы ещё одной новой земли.

- Я назвал её Землёй Петермана, в честь великого географа, моего друга и учителя, - делает запись в своем дневнике Пайер.

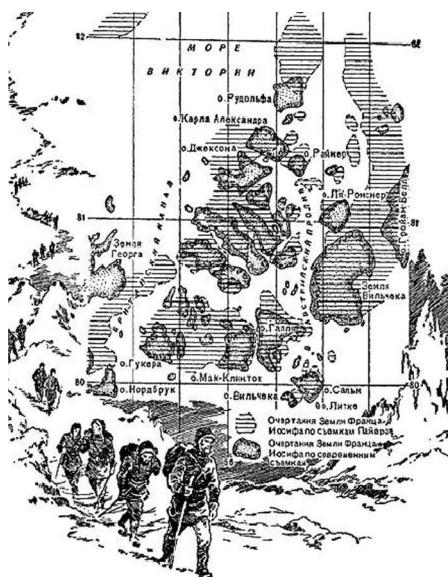
Но дальше отряд не пошёл - силы людей были на исходе. Нужно было возвращаться к оставленному во льдах "Тегетгофу". Пайер только на 83-м градусе нанёс на карту Мыс Вена, а на северо-западе от острова Рудольфа обозначил контуры Земли Короля Оскара.

Впоследствии другие экспедиции выяснили, что к северу от мыса Флигели нет ни единого клочка суши. Очевидно, Пайер принял за землю гряду высоких торосов.

Такие случаи в высоких широтах Арктики далеко не единичны.

mirknig.com

По тому месту, где Пайер отметил Землю Петермана, 26 лет спустя прошёл итальянец Каньи. А в 1914 году -

русский штурман Альбанов. Никакой земли там не оказалось. Кругом до горизонта простиралось покрытое льдом море. Вернувшись на "Тететгоф" и немного отдохнув, Юлиус Пайер отправляется в третью санную экспедицию.

Теперь на запад архипелага. Почти два месяца провёл на Земле Франца-Иосифа отряд Пайера. Он собрал обширную коллекцию образцов горных пород, зафиксировал животную

жизнь архипелага, его климатические особенности, характер, высоту и площади ледников.

Но самое главное - на карту легла значительная часть этой ранее не известной человечеству земли.

Карту эту, правда, впоследствии пришлось дополнять и исправлять другим учёным и путешественникам, поскольку она содержала много ошибок и неточностей.

Главная ошибка заключалась в том, что проводя исследования практически ещё в зимнее время, Пайер изобразил Землю Франца-Иосифа как два больших массива суши, разделённых Австрийским проливом.

На самом деле это был архипелаг почти из двух сотен больших и малых островов.

Но так как все проливы между ними были заполнены сплошным льдом, Пайер, естественно, принял их за долины, заполненные языками ледников.

Но и эта карта ещё долго и с пользой служила людям, упорно идущим к полюсу и к Тихому океану...

Наступила середина мая. "Тегетгоф" по-прежнему стоял неподвижно, скованный крепкими льдами.

Никаких признаков освобождения судна не было.

Для экипажа оставался только один путь спасения из ледяной ловушки - покинуть судно и попытаться на шлюпках добраться до островов Новой Земли, где, если повезёт, можно встретить суда русских промышленников и охотников за морским зверем.

Между тем столь долгое отсутствие экспедиции и каких-либо сведений о ней очень беспокоило её главного мецената - графа Вгшьчека. Он предпринял ряд мер для обнаружения австрийской экспедиции: отпечатал специальное "Воззвание" и назначил большую премию в 1000 гульденов тем, кто обнаружит следы Вейпрехта и Пайера.

По его заказу были изготовлены прочные воздушные шары с записками в металлических капсулах.

Эти своеобразные почтовые вестники раздавались всем капитанам промысловых судов, идущих в арктические воды, с просьбой выпустить их в определённых районах Баренцева моря и у побережья Новой Земли.

А в это время вся команда "Тегетгофа" спешно начала подготовку к далёкому и весьма рискованному путешествию.

Были отремонтированы и хорошо проконопачены четыре крепкие китобойные норвежские шлюпки, каждая с мачтой и парусом, которые в начале пути предстояло тащить волоком.

В запас продуктов включили банки с мясными консервами, консервированную колбасу с горохом и фасолью и незаменимый для такого рода путешествий - прессованный пеммикан индейцев Северной Америки.

Пеммикан - это измельчённое в порошок сушёное мясо бизонов и сала, смешанное с соками ягод или фруктов, с небольшой добавкой травяных пряностей. Это лёгкий и хорошо усвояемый организмом продукт. Кубики пеммикана можно жевать на ходу, а на привалах быстро приготовить ароматный, наваристый и придающий силы бульон.

Пеммикан с удовольствием едят и ездовые собаки.

mirknig.com

Несмотря на жёсткую экономию места и веса, груз для 23 членов экипажа оказался приличным: две с половиной тонны продовольствия и около двух тонн снаряжения.

С учётом шлюпок и саней - почти 9 тонн.

ГЛАВА 12

ЧЕРЕЗ ЛЬДЫ И ХОЛОД-ТОЛЬКО ВПЕРЁД!

Многokrатно перекрестив своё осиротевшее, покинутое

судно и угрюмые чёрные скалы Земли императора Франца-Иосифа, экипаж "Тегетгофа" 20 мая 1874 года пустился в непредсказуемый путь на юг

Путешествие по плавучим морским

льдам - одно из самых трудных. Бесконечные торосы, коварные трещины, накрытые непрочным слоем снега, в солнечные дни мягкий подтаявший снег, в каше которого ноги увязают выше колена. Часто люди проваливаются и по пояс - лишь на такой глубине ноги нащупывают твёрдый лёд. То и дело попадаются небольшие полыньи, крошащиеся под ногами льдины - всё это мешает быстрому продвижению вперёд.

Напрягая все силы, путешественники волоком передвигали по льду перегруженные шлюпки. Лямки до крови натирают плечи и ладони. Каждый отрезок пути, каждое препятствие приходится преодолевать четыре раза, ибо транспортировка одной шлюпки с полным грузом требует одновременного приложения сил всей команды.

Но весь этот каждодневный изматывающий труд оказывается напрасным. Южные ветры относили лёд назад с такой же скоростью, с какой люди пробивались на юг.

В результате за целый месяц, из предстоящих 250 миль, им удалось преодолеть только одну с четвертью мили. Мачты покинутого судна всё ещё отчётливо были видны за спиной.

Особенно удручало то, что за это время съедена третья часть всего продовольствия.

mirknig.com

Красавец-барк влечёт к себе людей.

Там можно растопить печку и хотя бы вздремнуть на койке, там ещё осталось много различного продовольствия и спасительного рома. Но Вейпрехт неумолим - никого на судно он не отпускает.

- Мы оставили корабль, и мы на пути в Европу, - ещё и ещё раз твердо повторяет он. - Если вернёмся - нам отсюда уже не выбраться. Только вперед, только на юг!

И люди вновь и вновь ночуют под брезентом: скрюченные, промокшие, измученные - до смешного близко от "Тегетгофа".

А Европа так бесконечно и безнадежно далека...

В конце июня во льдах все же стали появляться в небольшом количестве обширные разводья, которые путешественники переплывали на лодках. У команды "Тегетгофа" снова появилась надежда добраться до открытой воды.

Но увы, разводья как появились, так же быстро и исчезли. В первых числах июля льды опять сошлись со страшным грохотом, и путники оказались среди хаоса наползавших друг на друга ледяных полей.

Пайер записывает в дневнике:

- Если ухудшение нашего положения вообще ещё было мыслимо, то оно случилось именно теперь.

И вновь суровая Арктика отогнала льды к покинутому судну. Север не отпускал австрийцев из своих объятий. До "Тегетгофа", оставленного два месяца назад, было всего 15 километров...

Всего 15 километров за 60 суток изнуряющего пути!

Создавалось впечатление, что архипелаг не хочет расставаться со своими первооткрывателями.

В воспоминаниях Пайера читаем:

- Отчётливо мы видели вновь обрывы острова Вильчека. Что-то издевающееся было в этих скалах, залитых светом полярного дня.

Казалось, что после этой долгой и утомительной борьбы со льдом, нам оставался один исход - вернуться

на корабль и провести на нём ещё одну, третью зимовку.

Ну, а если не удастся обнаружить судно, то ледяному морю суждено стать нам общей могилой...

Для нас было счастьем тогда, что земля - шар и что мы поэтому не могли видеть, какой большой путь по льду нам ещё предстоит впереди, прежде чем мы дойдём до кромки чистой воды.

Если бы мы были тогда в состоянии обзреть эту ледяную пустыню, мы впали бы в полное отчаяние.

И всё же, ещё на борту "Тегетгофа", командный состав единодушно принял решение на самый крайний случай: если обратный путь заведёт в безнадёжность, продовольствие кончится и иссякнут силы - все офицеры наложат на себя руки и посоветуют экипажу поступить так же. Ведь смерть от своей пули, безусловно, милосерднее, чем медленное, унижительное умирание.

И эту смерть следует предпочесть тем ужасам, какими так часто сопровождалась гибель арктических экспедиций - зверским дракам за клочок мяса, краху человеческого порядка, каннибализму, наконец, и безумию.

Нет, императорская полярная экспедиция не могла, не имела права погибнуть, как стая рвущих друг друга голодных волков.

Не могла!

Люди на пределе своих последних сил продолжали цепляться за жизнь и бороться со льдом.

Далеко-далеко, за тысячи и тысячи миль от этого ледяного безбрежья, их ждали родители, любимые и семьи...

И они победили север.

ГЛАВА 11

ВСТРЕЧА В БУХТЕ ПУХОВАЯ

В середине июля положение существенно улучшилось. По внезапно появившимся разводьям порой удавалось пройти за сутки почти 4 морские мили - больше шести сухопутных километров.

Полыньи становились всё шире и шире, полярные узники с радостью ощутили под собой настоящую морскую зыбь. Но эта зыбь вконец свела с ума двух уцелевших собак.

В перегруженных шлюпках их невозможно усмирить: они грызут весла, хватают зубами пену, захлёстывающую борта, готовы наброситься на людей. Два выстрела навсегда успокаивают несчастных животных...

15 августа показалась и кромка льдов. Это был день освобождения экспедиции из ледяного плена.

Пайер записывает:

- При виде волнующегося моря нам казалось, что мы вышли из тёмного, холодного склепа или гробницы для новой жизни.

Но несмотря на всю огромную радость от этого освобождения, всё же мы не могли без боли подумать о том, что нам теперь навсегда предстоит проститься с застывшим полярным царством льдов, которые сверкали далеко позади нас во всей ослепительной красоте.

***

16 августа кто-то с передней шлюпки в отчаянии кричит: - Лёд!... Опять лёд!

И все с ужасом смотрят на юг.

Но в подзорную трубу хорошо видно, что это ещё далёкие, но такие желанные снежные горы Новой Земли.

И люди налегают на вёсла с новой, неведомо откуда пришедшей силой, хотя от долгой и напряжённой гребли у всех плечи и руки буквально одеревенели и распухли.

mirknig.com

18 августа, в день рождения императора, Вейпрехт решает дать экипажу немного отдохнуть. Они высаживаются на берег, разводят жаркий костёр, допивают за здоровье монарха последние капли разбавленного рома. Страшная

усталость за три месяца постоянной борьбы за выживание гнёт их ко сну.

Но сон был недолг. Грозно и гулко отдаётся в скальных кручах неумолчный грохот срывающихся в океан ледников.

Это предвестие резкой перемены погоды. Нужно торопиться. Нужно плыть дальше.

К счастью, ветер пока не окреп, сильной волны не было, и шлюпки день за днём неуклонно двигались к югу вдоль берега.

Продовольствия оставалось на 10 суток. Из-за густого тумана капитан Вейпрехт проскочил провиантский склад, заложенный графом Вильчеком для команды "Тегетгофа" на одном из Баренцевых островов. Для экономии сил решили не возвращаться.

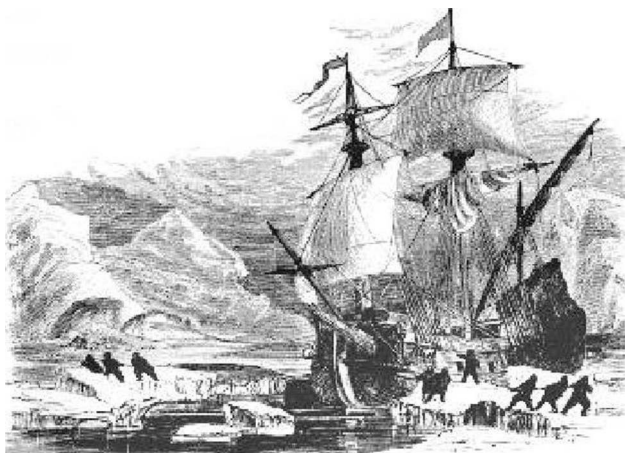
Теперь земля была совсем рядом, на скалах громоздились гигантские колонии птиц, где при определённой сноровке можно было раздобыть хотя бы яиц. Всё это придавало экипажу новые силы и реальную надежду на благополучный исход всей экспедиции.

Так и случилось. Дойдя до бухты Пуховая, 24 августа 1874 года, в семь часов вечера, австрийцы, к великой радости, увидели в ней стоящие на якоре две русские промысловые шхуны.

На шхунах "Василий" и "Николай" знали о пропавшей экспедиции австрийцев: у них было "Воззвание" Вильчека, да и в гаванях Ледовитого океана немало судачат об этом, - так что русские поморы, увидев флаг на одной из шлюпок, быстро разобрались, чьи матросы входили в бухту.

mirknig.com

Пайер описал это так:

- Наши шлюпки подошли к борту зверобойной шхуны "Николай". На палубу высыпало много народа - бородатые русские. Они глазели сверху на нас. В их взгляде было удивление и безграничное участие.

Среди них стоял похожий на патриарха капитан судна Фёдор Воронин.

Кое-кто из нашей команды был не в силах самостоятельно подняться по забортному трапу...

Могучие поморы бережно поднимают их на палубу. Вейпрехт передаёт капитану "Николая" выданную нам в Петербурге царскую охранную грамоту.

Федор Воронин среди безмолвия, запинаясь от волнения, читает вслух, что Его Величество Государь Император Александр II препоручает Австро-Венгерскую Полярную экспедицию заботам своих подданных.

Русские матросы обнажают головы и преклоняют колени перед нами, измождёнными, обезображенными гнойниками и чёрными язвами обморожений. Всё, что имелось на корабле лучшего, предоставили в наше распоряжение.

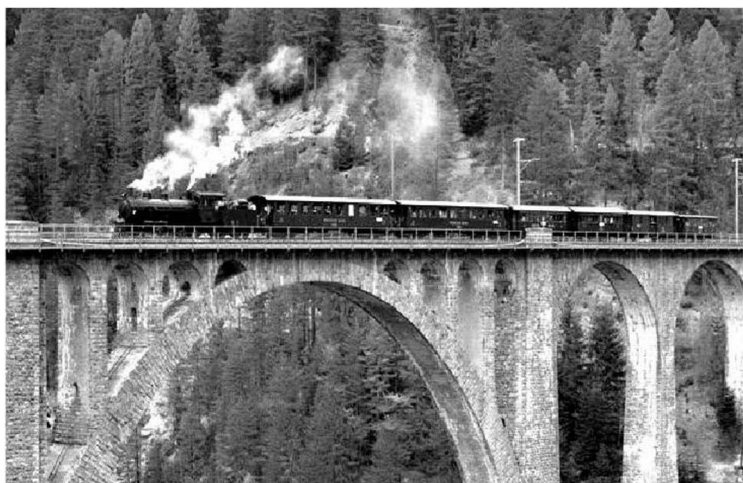
3 сентября 1874 года русская шхуна "Николай" вошла в
mirknig.com

норвежский порт Вардё.

Это был 812 день полярной экспедиции Вейпрехта и Пайера.

Вейпрехт от лица команды "Тегетгофа" ещё раз от души благодарит русских поморов за спасение и вручает капитану Воронину полторы тысячи серебряных гульденов за прерванный промысел и незапланированный заход в Норвегию.

Это огромные деньги, ведь сами руководители экспедиции за свои двухлетние труды и испытания получают от Австро-Венгерского двора тоже немалые по тем временам премии - по 40 золотых гульденов каждый.

И вот, уже буквально через несколько дней, специально выделенный поезд с отделанными бархатом шикарными купе, мчит покорителей льдов, первооткрывателей новой австрийской земли в столицу империи.

ГЛАВА 11

МЕСТЬ ГОЛОДРАНЦАМ-ЛЕЙТЕНАНТАМ-

Вена ликует. Весь город украшен цветочными гирляндами, флагами, приветственными транспарантами. Встречать полярников на вокзал пришли десятки тысяч людей. Но непосредственно на перрон пропускают только тех, кто, как минимум, может предъявить государственный орден или медаль за отвагу.

Репортёр столичной газеты "Новая свободная пресса" так описал это событие: - Дамы забрасывали героев цветами. Сотни тысяч восторженных венцев ждали прибывших на всем протяжении улиц до центра.

Экипажи с матросами направились к пивной, арендатор которой господин Отг радушно предоставил им жильё и обильный стол.

Офицеров же повезли к празднично разукрашенному отелю "Римский император", где для них приготовили квартиры.

Старые стены венских домов как бы ожили: буквально из всех окон неслись крики "ура" и слова приветия, реяли разноцветные платки и флаги, а балконы прогибались от великого множества хорошеньких женщин.

Внезапно обрушившаяся на первооткрывателей Новой Австрии слава, вручение орденов, шикарные балы и банкеты в лучших ресторанах и домах Вены - вся эта внешняя мишура постепенно стала сходить на нет.

Осыпанные почестями матросы, уставшие от бремени и роскоши приёмов, разъехались по домам: на Адриатику, в Моравию, Штирию, Богемию.

Граф Вильчек, Вейпрехт и Пайер позаботились о каждом - на родине их ждали скромные, но вполне хлебные, достаточные для жизни государственные должности.

А вот у руководителей экспедиции начался период новых испытаний, во многом даже более суровых, чем их двухгодичный, смертельно-опасный дрейф во льдах.

Завистники и недоброжелатели Вейрехта и Пайера - штабные военные, чиновники, придворная знать, богатые члены Королевского Географического общества, которые не участвовали ни в одной экспедиции и в лучшем случае отъезжали только на лечебные воды, так вот - вся эта

mirknig.com

довольно многочисленная свора интриганов, недовольная тем, что император Франц-Иосиф произвёл каких-то "голодранцев-лейтенантов" в высшее сословие австрийского дворянства (например, Пайеру и всем его потомкам было даровано право на звание рыцаря. А его имя стало звучать так: Юлиус Иоганес Людовикус Риптер фон Пайер), начала массированную, тайную и грязную атаку на величие подвига Австро-Венгерской Полярной экспедиции и значимость открытия для человечества и науки неизвестного архипелага в далёком студёном море.

Подкупленные борзописцы печатали статьи, что карты Пайера и Вейпрехта так называемой Земли Франца-Иосифа, весьма и весьма неточны, береговые линии ведут в никуда. А то, что оба эти новоиспечённые кавалеры рассказывают в салонах о своих муках и невзгодах, звучит, пожалуй, уж слишком фантастично и является плодом воспалённого воображения. К тому же, вся эта дорогостоящая экспедиция, по существу, не имеет ни научной ценности, ни даже какого-либо смысла. Что толку для империи от нескольких безжизненных ледяных скал где-то у полюса, до которых и добраться-то не представляется возможным.

Годами позже чешский писатель Ярослав Гашек в бессмертной сатирической книге о бравом солдате Швейке, прекрасно передал устами своих героев суть этих голословных обвинений. Вот отрывок из этой книги:

- Помнится, поговаривали, что у Австрии есть заморские колонии, - проронил Швейк, - где-то на севере. Какая-то там

Земля императора Франца-Иосифа.

- Бросьте это, ребята, - вмешался один из конвойных. - Нынче вести разговор о какой-то Земле императора Франца-Иосифа опасно. Самое лучшее - не

называйте имени.

- А вы взгляните на карту, - перебил его вольноопределяющийся. - На самом деле существует Земля нашего всемилостивейшего монарха. По данным статистики, там одни льды, которые и вывозятся на ледоколах, принадлежащих пражским холодильникам.

Наша ледяная промышленность заслужила и за границей высокую оценку и уважение, так как предприятие это весьма доходное, хотя и опасное. Наибольшую опасность при экспортировании льда с Земли Франца-Иосифа представляет переправа льда через Полярный круг. Можете себе представить? -

Конвойный пробормотал что-то невнятное, а начальник конвоя подошёл ближе и стал слушать объяснение вольноопределяющегося.

Тот с глубокомысленным видом продолжал:

- Эта единственная австрийская колония может снабдить льдом всю Европу и является крупным экономическим фактором. Конечно, колонизация продвигается медленно, так как колонисты частью вовсе не желают туда ехать, а частью замерзают там. Тем не менее, с улучшением климатических условий, в которых очень заинтересованы министерства торговли и иностранных дел, появляется надежда, что обширные ледниковые площади будут надлежащим образом использованы.

После постройки нескольких отелей туда будут привлечены массы туристов. Необходимо, конечно, для удобства проложить туристские тропинки и дорожки между льдинами и нарисовать на ледниках туристские знаки. Единственным затруднением остаются эскимосы, которые тормозят работу наших местных органов. -

Капрал слушал с интересом. Это был солдат сверхсрочной службы, в прошлом батрак, человек крутой и недалёкий, старавшийся нахвататься всего, о чем не имел никакого понятия. Идеалом его было дослужиться до фельдфебеля.

- Не хотят подлецы эскимосы учиться немецкому

mirknig.com

языку, - продолжал говорить вольноопределяющийся, - хотя министерство просвещения, господин капрал, не останавливаясь перед расходами и человеческими жертвами, выстроило для них школы. Тогда замёрзло пять архитекторов-строителей и...

- Каменщики спаслись, - перебил его Швейк. - Они отогревались тем, что курили трубки.

- Не все, - возразил вольноопределяющийся, - с двумя случилось несчастье. Они забыли, что надо затягиваться, трубки у них потухли, пришлось бедняг закопать в лёд.

Но школу в конце концов всё-таки выстроили. Построена она была из ледяных кирпичей с железобетоном. Очень прочно получается!

Тогда эскимосы развели вокруг всей школы костры из обломков затёртых льдами торговых судов и осуществили свой план.

Лёд, на котором стояла школа, растаял, и вся школа провалилась в море вместе с директором и представителем правительства, который на следующий день должен был присутствовать при торжественном освящении школы.

В этот ужасный момент было слышно только, как представитель правительства, находясь уже по горло в воде, крикнул: - Gott strafe England!

Теперь туда, наверно, пошлют войска, чтобы навести у эскимосов порядок.

Само собой, воевать с ними трудно. Больше всего нашему войску будут вредить их дрессированные белые медведи.

- Этого ещё не хватало, - глубокомысленно заметил капрал.

ГЛАВА 11

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЙПРЕХТА

БСарл Вейпрехт старался не обращать внимания на всю грязь интриганов. Да и времени отвечать на злые и голословные выпады у него нет

Он в расцвете творческих сил и занят делом: читает лекции по проблемам океанографии, метеорологии, земного магнетизма и навигации в университетах и военных академиях Австро-Венгрии, Германии, Франции.

Одна за другой выходят в свет его научные статьи, обобщающие опыт полярных исследований.

Его книги "Практическое руководство по наблюдению полярных сияний" и "Метаморфозы льда" переводятся на европейские языки.

Вейпрехт спешит... Ему только 35. Кажется, вся жизнь впереди.

Но он чувствует, как туберкулез - коварная болезнь многих моряков и полярников, опасный вирус которой крепко засел в его организме, начинает стремительно разрушать лёгкие и печень. Несмотря на усилия лучших врачей,

безудержный кашель и кровотечения не прекращаются.

Порой он просто задыхается. И продолжает работу над своим главным трудом - книгой "Будущая полярная экспедиция и её надёжный результат".

В этой работе он излагает своё новое видение развития науки о Земле и океанах, которое во многом резко отличается от всего предыдущего опыта.

- Изучение Арктики, - пишет он, - сегодня деградировало

до бессмысленной игры в самопожертвование, а теперь иссякает в беспощадной погоне за новыми широтными рекордами в интересах национального тщеславия.

Настало время порвать с такими традициями и избрать в науке иные пути, которые больше всего приличествует природе и человеку. Ведь служить науке и прогрессу должно не всё новыми материальными и человеческими жертвами, не всё новыми полярными экспедициями навстречу гибели, а системою наблюдательных станций, полярных обсерваторий, которые обеспечат описанию арктических явлений постоянство, а людям - максимум безопасности.

Пока главными мотивами исследований останутся националистическое честолюбие чисто открывательской экспедиции и мучительное покорение всех ледяных пустынь, для науки не будет места.

Эти же, по сути своей, революционные идеи о взаимоотношении науки и общества, он в яркой, образной форме излагает под гром жарких аплодисментов большей части делегатов 48 конгресса германских врачей и естествоиспытателей в

городе Граце.

- Заверяю Вас, господа, что этими высказываниями я отнюдь не стремлюсь умалить заслуги моих арктических предшественников, ведь мало кто способен лучше, чем я, оценить принесённые ими жертвы.

Публично излагая эти принципы, я обвиняю себя и выношу приговор части моих собственных успехов, достигнутых тяжким трудом.

Суть плана новых научных исследований Вейпрехта в следующем:

- Наша планета образована твёрдым телом Земли, мировым океаном (гидросферой), атмосферой (воздушной оболочкой) и магнитосферой.

Все вместе они составляют среду, в которой существует человечество, среду, от которой мы целиком зависим. Поэтому изучению законов, по которым живёт и развивается Земля, - кардинальная задача науки.

Эту задачу решает геофизика - комплекс наук, которые исследуют физические процессы нашей планеты в целом или в масштабе её отдельных крупных регионов.

Объект исследования планетарной геофизики неделим. Изучаемые ею явления - глубинное состояние недр Земли и извержения вулканов, ураганы и землетрясения, полярные сияния и приливы, оледенение и магнитные бури, океанские течения и подвижки земной коры - не признают государственных границ.

Они - общепланетарны.

Вейпрехт обращается ко всем учёным мира с призывом объединить свои усилия и средства. Он пишет:

- Новые знания по геофизике резко ограничены из-за отсутствия одновременных наблюдений в разных точках Земли, которые бы позволили нам сделать сравнения.

Но это будет возможно лишь, когда страны, считающие себя передовыми в отношении научного прогресса, решатся работать вместе, сообщая, полностью исключив всякое национальное соперничество.

***

Призыв учёного был понят. Начинается интенсивная подготовка к Первому Международному Полярному Году.

Он прошёл в период с августа 1882 года по август 1883 г. В основе его программы лежало изучение погоды в высоких широтах Севера, сильно влияющего на климат всей Земли, движения дрейфующих льдов, исследование геомагнитных явлений и полярных сияний.

В первом за всю историю науки международном сотрудничестве приняли участие 12 стран.

mirknig.com

Было организовано 13 прекрасно оснащённых по тем временам научных станций на Северном и две станции на Южном полушариях.

Во время Полярного Года состоялись многочисленные экспедиции: Россия детально изучала острова Новой Земли и устье реки Лена, Германия исследовала Баффинову Землю - самый северный остров Канадского арктического архипелага, австрийцы - норвежский остров Ян-Майнен, лежащий в тысяче километров от самой Норвегии.

Шведы трудились на Шпицбергене, датчане исследовали Гренландию, а голландская экспедиция работала на острове Диксон и на судах в Карском море.

Север Канады изучала крупная английская экспедиция, а американцы исследовали Аляску и залив Леди Франклин канадского озера Хейвен на острове Элсмир.

По запасам чистой пресной воды это озеро - самое крупное в мире за полярным кругом. Его площадь 542 квадратных километра.

Тяготы и испытания учёных, которыми сопровождалась эта работа в суровых условиях Арктики, были не бесплодны.

Уникальные, во многом бесценные результаты наблюдений

всех экспедиций обработала специальная общая комиссия, и они были опубликованы в 36-ти томах.

Это был своеобразный научный подвиг учёных многих стран мира, который продвинул далеко вперёд науку о Земле и дал мощный толчок в понимании важности международного сотрудничества.

К сожалению, Карл Вейпрехт не дожил до этих дней. Сражённый кровавыми приступами чахотки, он умер по дороге к матери в великое герцогство Гессен незадолго до начала своего детища - Первого Международного Полярного года.

ГЛАВА 11

ЛУЧШИЙ ПОГОНЩИК СОБАЧЬИХ УПРЯЖЕК

Совсем по иному сложилась судьба Юлиуса Пайера - друга, преданного и надёжного соратника Вейпрехта в его основных полярных изысканиях.

Пайер слышит и глубоко переживает злопыхательские выпады в свой адрес.

Он борется с нелепыми рассказами, пытается как-то опровергнуть грязные слухи и обвинения чиновников всех мастей, чувствует себя глубоко оскорблённым.

Даже на торжественном заседании Географического общества, когда Юлиус Пайер рассказывал о горестях их ледяного, трагического санного похода, кто-то из недоброжелателей выкрикнул:

- Если бы это была правда! Его земля - выдумка!

Какой ему прок от того, что в Вене входят в моду Пайеровские шляпы и галстуки Вейпрехта, что местные рестораторы открывают новые заведения с неизвестными ранее экзотическими названиями "Вечные льды", "Северное сияние", "Земля Франца-Иосифа"?

Зачем ему восторги улицы, если в аристократических салонах, и даже в армии, ставится под сомнение само существование земли, которую они с Вейпрехтом открыли и с такими муками нанесли на карту?

Кому нужно, что эскимосы присвоили Пайеру звание **"Лучший погонщик собачьих упряжек, родившийся за пределами Полярного круга"**, которым он очень гордился?

mirknig.com

Разочарованный и полный решимости Пайер увольняется из императорской армии и покидает любимую Вену. У него нет проблемы чем заниматься дальше, к чему приложить свои молодые силы...

Одарённый во многом, он решает стать художником и едет учиться сначала в Мюнхен, в Королевскую академию живописи, потом во Францию.

С такой же одержимостью, с какой он искал в Ледовитом океане тёплое море Петермана и новые земли, Пайер терпеливо изучает теперь учение о цвете, анатомию и перспективу. И рисует, рисует, рисует...

Рисует и пишет картины о том, с чем была связана вся его, полная опасности и открытий, предыдущая жизнь.

За эти годы он только один раз вновь становится предметом салонных разговоров: красавица Фанни Клан, жена одного из франкфуртских банкиров и племянница барона Ротшильда, оставляет мужа ради Пайера и вскоре дарит ему двух прелестных малышей: Алису и Юлиуса.

- Ох, и ловелас этот богемский кавалер! - шипят недоброжелатели. А Пайер просто любит свою жену и детей. Теперь он модный и известный художник.

В Париже у него огромная студия, здесь его ошеломляющие, гигантские полотна в десятки квадратных метров: горные хребты с сияющими ледниками, трагедии различных арктических экспедиций.

Его картины - это широко распахнутые окна в другой, малоизвестный и порой ужасный полярный мир, который он хорошо знает и до сих пор ощущает каждой клеточкой своего тела.

Там, среди бесконечных паковых смертельных льдов, ползут изнурённые, оборванные фигуры.

Там, занесённые снегом, лежат превратившиеся в ледышки, мёртвые тела товарищей Джона Франклина - долгожданная пожива обезумевших от голода волков и медведей.

Ужасы и холод льдов, мрак бесконечной полярной ночи и яркие всполохи сияний - всё это много лет видели и запечатлели в памяти глаза Пайера, и потому все картины

выписаны им с таким мастерством и правдоподобием, что посетителей мастерской пробирает дрожь и становится страшно.

Пайеру присуждают золотые медали на выставках живописи в Париже, Лондоне, Берлине.

Но север, белое ледяное безмолвие дают о себе знать - художник слепнет на один глаз. Он долго пребывает в отчаянии и депрессии.

Память о товарищах, образы его спутников по беспримерному дрейфу "Тебетгофа" и многомесячная, мучительная дорога во льдах к Новой Земле, к спасению, возвращают Пайера к работе.

И на полотнах появляются в натуральную величину Вейпрехт, механик Кржиж, лейтенант Орёл, доктор Кепес, матросы...

По существу, Пайер начинает писать собственную драму.

Продать эти фантастические по размерам и в то же время жизненные картины невероятно трудно: его полотнам нужны огромные залы и выставочные пространства.

Со дня спасения экипажа "Тебетгофа" прошло 16 лет.

Мучительная, постоянная ностальгия по Северу гложет художника.

Он возвращается в Вену, читает лекции об изучении Арктики и начинает работать над самым большим полотном в своей жизни - сценой их бегства с Севера, тяжёлый, мучительный путь домой по льду среди торосов.

Свою картину он назвал "Возврата нет".

Это апофеоз жизни Вейпрехта.

Он - самая крупная фигура композиции.

В правой руке Библия, левая направлена в сторону открытой ими земли.

Морской и ледовый начальник стоит перед скорченными на снегу садящими и лежащими людьми - праведник, который утешает измученных и отчаявшихся людей и закликает их оставить веру, что можно спастись, вернувшись на покинутый корабль, вернувшись в прошлое...

Возврата нет!

milkknig.com

Единственная надежда - путь только вперёд, путь через льды и новые невыносимые страдания.

Вместе с этой картиной Пайер закончил ещё один этап своей жизни.

Он прощается с воспоминаниями и начинает готовиться к новым арктическим походам.

Он мечтает непременно побывать и в Антарктике, пройти по её ледовым шельфам. А пока копит силы и тренируется в бесконечных походах по Альпам и Пиренеям.

1228 лекций прочёл он до своей кончины. Пайер скрупулёзно ведёт реестр: сколько людей пришло на лекцию, где и в какой аудитории она прочитана, сумма гонорара.

Своим восторженным слушателям он сообщает, что обязательно достигнет Северного полюса на специально построенной для этого похода подо льдом исследовательской подводной лодке. Отправится из Киля, по приборам дойдёт до места. Здесь он заложит взрывные заряды, пробьёт многометровый лёд и всплывёт на вершине мира с Австро-Венгерским флагом, флагом своей родины.

Мечта учёного и художника не осуществилась.

В мае 1912 года апоплексический удар превратил великого

mirknig.com

полярника и художника севера в беспомощного старца. Но до этого он уже знал, что путь его и Вейпрехта в высоких широтах Арктики продолжили другие учёные и мореходы.

Знал он и то, что в существовании открытой ими Земли Франца-Иосифа уже давно никто не сомневается. Там успели зазимовать норвежец Фритьоф Нансен и английская экспедиция Джексона.

На рубеже веков архипелаг исследовала экспедиция графа Абруцци. Именно она нашла на мысе Флигели в каменной пирамиде послание Австро-Венгерской Полярной экспедиции и заложила в ней и свою капсулу с посланием к будущим исследователям суровой Арктики.

Но в одночасье новые экспедиции перестали посещать архипелаг - на полях Европы началась кровавая бойня Первой Мировой войны, в которую были втянуты 38 государств всех континентов. А раз война - тут уже не до новых полярных экспедиций...

Впрочем, сражаясь на два фронта и терпя одно поражение за другим от русских войск, Австро-Венгрия в столь тяжёлой для себя ситуации достойно проводила в последний путь своего героя и первооткрывателя Земли Франца-Иосифа - Юлиуса Пайера.

4 сентября 1915 года его с большими почестями и при огромном стечении народа предают земле в столице империи.

Интересно: разбирая его обширные архивы, в одном из сундуков, в котором Пайер бережно хранил свою меховую одежду, родственники обнаружили неизвестную записную книжку, в которую он заносил свои самые сокровенные мысли.

Так вот, в ней среди сотен афоризмов, ярких мыслей, многочисленных рисунков и набросков, найдены чётко сформулированные предсказания грядущих исторических событий.

Пайер пишет, что в России в скором времени произойдёт революция, а вслед за ней жесточайшее царевбийство и гибель членов семьи русского императора.

Он предсказывает освобождение Польши, а затем

Гражданскую войну в России с миллионами жертв и вспышками эпидемических болезней.

Ещё он предвидит в будущем всеобщий финансовый крах европейских государств и полный паралич мировой экономики и торговли. А в итоге - конец света, сожжение всей нашей планеты как позорного пятна цивилизации в Солнечной системе...

Психологи говорят, что эти предсказания - бред воспалённого, больного мозга человека, разбитого параличом. Но ведь многое из того, что Пайер поведал на своих тайных страничках, действительно, произошло.

То и дело вспыхивающие войны, постоянные экономические кризисы, бархатные, оранжевые и мусульманские революции всё сильнее и сильнее потрясают уже не отдельные страны, а целые континенты...

Может быть, человечество, не понимая того, действительно, шаг за шагом движется к своему неизбежному Армагеддону, который предсказали жрецы народа Майя.

ГЛАВА 17

ИМЕНА НА КАРТЕ АРХИПЕЛАГА

В библиотеке я увлечённо поглощал страницу за страницей удивительную, полную жертв, трагедий и озарений историю открытия и исследования архипелага Земля Франца-Иосифа.

Казалось, судьба преподнесла мне самый дорогой и ценный подарок в жизни - если не пережить, то хотя бы прочувствовать маленькую толику тех испытаний, которые выпали на долю его первооткрывателей и исследователей.

У меня был такой огромный подъём душевных сил от предстоящей работы, что весьма объёмный сценарий будущего фильма я написал буквально за неделю, вместо месяца по плану.

Но я даже предположить не мог, что кроме обсерватории на острове Хейса, где нам предстояла, не скрою, довольно опасная и трудная работа, мне удастся побывать и на других островах Земли Франца-Иосифа. И даже на самом краешке земли русской, в том месте, до которого Пайер дошёл на собачьих упряжках весной 1874 года.

В Институте Арктики и Антарктики, которому было поручено экипировать нашу съёмочную группу одеждой полярников и обеспечить радиосвязь студии с островом Хейса, мне подарили две роскошные карты: одну - всего полярного бассейна, другую, в более крупном масштабе - только архипелага Земля Франца-Иосифа.

Дома, бережно расстелив эту карту на столе, я стал тщательно изучать названия и расположение островов и проливов архипелага.

В большинстве своём вся его пёстрая топонимика была мне совершенно не знакома.

Бог ты мой, каких только иностранных названий тут не было: острова Грэм-Бэлл, Ева-Лиз, Солсбери и Циглера, Земли Георга и Александра, острова Гукера, Грили и Джексона.

Названия проливов звучали ещё экзотичнее: Аллен-Юнг, Вандербильта, Маркама, Де-Брюйне, Неймайера.

Разумеется, среди них попадалось немало и русских названий: заливы Макарова и Ермака, мысы Седова, Альбанова и Шиллинга, ледник Кропоткина...

Всё это говорило о том, что в исследовании архипелага принимали участие многие страны мира, и имена их лучших представителей легли на карту этого далёкого ледяного архипелага, своего рода Малой Антарктиды.

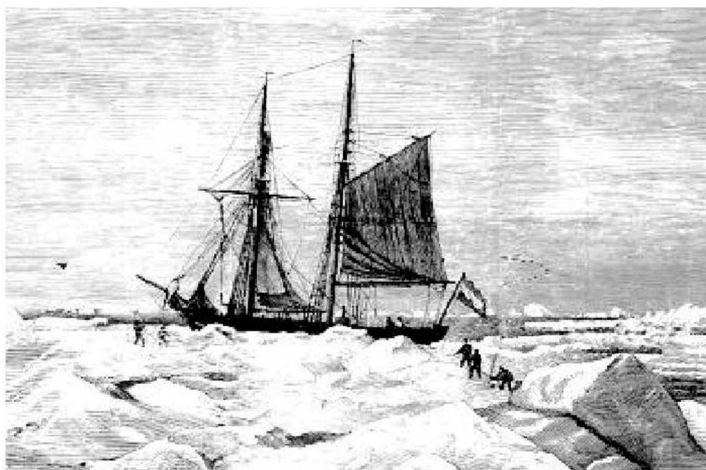
Всего через 5 лет после открытия Земли Франца-Иосифа к её берегам подошло голландское исследовательское судно

"Виллен Баренц", капитаном которого был опытный полярник Де-Брюйне. Уже несколько лет подряд "Виллен Баренц" проводил гидрологические работы в Баренцевом море.

Капитан знал об открытии австрийцев. Ледовая обстановка в тот год была благоприятна, и Де-Брюйне решил посетить эти новые земли и сделать там по случаю необходимые промеры.

Корабль круто развернулся к северу и через несколько дней вошёл в широкий пролив (на современных картах архипелага он носит его имя - пролив Де-Брюйне), который плавно перешёл в более узкий, где Де-Брюйне обнаружил большой остров, отсутствующий на карте Пайера.

Капитан замерил его точное местонахождение, очертил примерные контуры и написал: **остров Гукера** - в честь Президента Королевского общества Британии Джона Долтона Гукера.

Джозеф Долтон Гукер был кумиром Де-Брюйне.

В 7 лет Джозеф начал посещать лекции по медицине своего отца в Университете города Глазго, в 22 года стал доктором медицины и сразу же отправился врачом со знаменитым капитаном Кларком Россом в Антарктические

моря, к Южному магнитному полюсу

4 года длилось это беспримерное, тяжёлое плавание на корабле "Эребус" с экспедициями вглубь Индии, Непала, Австралии, Новой Зеландии, Тасмании.

Гукер в эту и в последующие экспедиции в разных частях земли собрал уникальные коллекции растений, открыл и описал сотни их новых видов. Больше трёхсот из них носят его имя.

Но то растения. Их знают лишь ботаники. А вот теперь имя Гукера будут знать все.

И не беда, что это - до основания промёрзший остров, практически весь покрытый гигантским ледником. На карту мира имя Гукера теперь вписано навечно!

Де-Брюйне даже не подозревал, что уже в скором времени остров Гукера станет одним из самым известных на архипелаге

Почему? Об этом я подробно расскажу позднее, поскольку некоторое везение закинуло и меня на его обледенелое побережье.

А пока капитан Де-Брюйне, значительно подправив карту архипелага Земля Франца-Иосифа, ушёл на юг продолжать свои гидрологические работы.

Земли, открытые австрийцами, влекли к себе всё новых и новых исследователей.

Суровые испытания не останавливали их.

Шаг за шагом они пробивались на север, на запад и на восток Земли Франца-Иосифа, и на карту ложились острова и проливы архипелага, которые не достигли или не заметили под покровом снега и льда Вейпрехт и Пайер.

ГЛАВА 18

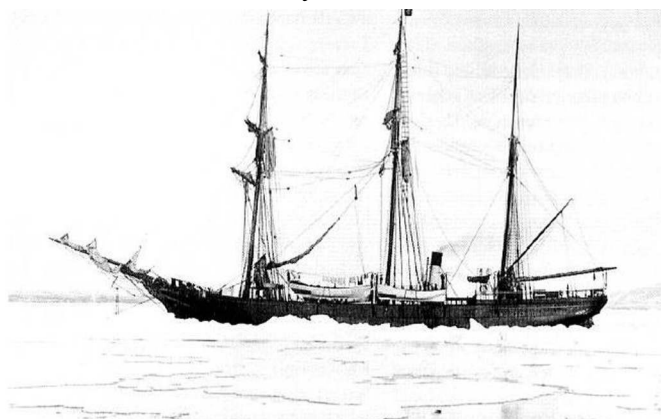
ОДЕРЖИМЫЙ АРКТИКОЙ

В августе 1880 года маршрут "Виллена Баренца" повторила специально подготовленная для плавания во льдах паровая яхта "Эйра" водоизмещением 360 тонн.

Её хозяин и капитан, шотландец Ли Смит, был не только богатым человеком, способным профинансировать такую дорогостоящую экспедицию.

Он был одержим Арктикой и слыл её знатоком: только на Шпицберген Ли Смит организовал пять крупных экспедиций, и в каждой из них принял непосредственное участие.

Две недели "Эйра" курсировала вдоль южных берегов архипелага. Ли Смит нанёс на карту новые, не отмеченные ранее места: мыс Гранта, мыс Кроутер, мыс Ниль, залив Грэй. Это были имена его спутников.

Судно Ли-Смита "Эйра".

Вскоре "Эйра" вошла в широкий Британский канал, по обеим сторонам которого лежали большие и малые острова Земли Франца-Иосифа.

Те, что были на западе, составляли примерно треть площади

всего архипелага и ещё никем не посещались.

По существу, Ли Смит открыл совершенно новые земли.

Так как к северу от его маршрута стояли сплошные льды. Ли Смит не рискнул подняться выше по параллелям.

Он решил посетить остров Вильчека в надежде найти обломки знаменитого "Тегетгофа".

Увы, в той исторической точке, где австрийцы 6 лет назад оставили свое многострадальное судно, не было абсолютно никаких следов разыгравшейся здесь трагедии.

Более того, в этом году вокруг острова Вильчека плескалась бирюзовая океанская вода без каких-либо признаков льда. Будь сейчас на борту яхты Пайер, он, наверняка, поверил бы теперь в существование "тёплого моря Петермана".

Экспедиция Ли Смита вдоль берегов архипелага принесла науке много новых сведений об этой малодоступной земле: постоянно велись метеорологические наблюдения, а ботаник В. Грант собрал коллекцию растений. В ней оказалось почти 30 видов цветковых и несколько - лишайников.

Пайер описал только три вида.

А на мысе южной части острова Нортбрук, в крохотном оазисе растаявшего за лето льда, Грант обнаружил совсем "южные" растения - снежные лютики и полярные маки. Именно поэтому мыс вполне обоснованно был наречен именем богини цветов и весны Флоры.

Грант собрал и значительную коллекцию горных пород архипелага. Её украсили два найденных белемнита - типичных представителей отряда вымерших беспозвоночных животных, похожих на современных кальмаров. Жили они в далёком юрском периоде, в эпоху расцвета динозавров.

Можно было с большой долей уверенности предположить, что 200 миллионов лет назад какая-то часть архипелага Земля Франца-Иосифа была дном тёплого Великого Пермского моря. Все эти сборы значительно обогатили уникальные сокровища Британского музея.

О плавании яхты "Эйра" на специальном заседании Королевского географического общества подробно доложил его секретарь сэр Клемент Маркам.

Свой интересный доклад он с воодушевлением закончил так:

- Открытия мистера Ли Смита начали новую и, будем надеяться, блистательную и плодотворную главу в славной истории арктических исследований.

Вполне естественно, что после такого признания Ли Смит решил сам же и продолжить эту главу. Он сразу начал готовить "Эйру" к новому походу на архипелаг..

21 августа следующего года яхта беспрепятственно по чистой воде подошла к мысу Флора и бросила здесь якорь. Ничто не предвещало беды. Яркое светило солнце, погода была сравнительно тёплой и безветренной.

И вдруг, буквально в одночасье, всё круто изменилось

На севере, неизвестно откуда, появилось гигантское ледяное поле. Оно простиралось во все стороны до самого горизонта и быстро приближалось к острову. Команда не успела даже сняться с якоря. Ледяное поле двинулось на "Эйру" и всей своей мощью прижало яхту к берегу.

Затрещала обшивка прочнейшего корпуса, внутри судна с пушечным грохотом лопались переборки и образовалась пробоина. Ли Смит понимает: "Эйра" обречена, и даёт команду спасать в первую очередь шлюпки и необходимое для выживания имущество и продукты.

Через 2 часа яхта сделала свой последний вздох и погрузилась в воду, выпустив огромный воздушный пузырь.

Над водой остались торчать только концы её мачт.

25 человек оказались на льду буквально в преддверии жестокой полярной зимы с её мраком, свирепыми ураганами и парализующим волю холодом.

Чтобы выжить, нужно было торопиться. Всё спасённое имущество было переправлено на берег.

Камни, мох, доски - всё пошло в дело.

Через несколько дней жилище длиной 11 метров и шириной три с половиной было готово. Крышей послужил чудом спасённый парус из толстого брезента.

В домике было очень тесно, передвигаться в нём можно было только согнувшись: высота хижины составляла всего полтора метра. И всё же это было более или менее надёжное укрытие от напастей коварного севера.

Вынужденным робинзонам удалось подстрелить несколько белых медведей и моржей. Так что запас свежего мяса и моржовый жир, которым отапливали и освещали хижину, давали надежду на благополучный исход зимовки.

К счастью, из трюма "Эйры" удалось выбросить на лёд несколько охапок заготовленной заранее и высушенной ложечно й травы.

Это растение, его обычно называют арктическим хреном, высотой до 40 сантиметров, в основном произрастает на побережье Ледовитого океана и в народной медицине очень высоко ценится за свои уникальные лечебные свойства. Водный настой травы - лучшее профилактическое средство от смертельно опасной болезни севера - цинги.

У дома сложили кучу плавника - всё, что могли собрать на морском берегу.

Не знали тогда зимовщики, что совсем рядом с ними, всего в нескольких километрах от хижины, будущие исследователи севера найдут лежащие буквально на поверхности залежи великолепного каменного угля.

Зима прошла в тщательной подготовке шлюпок к дальнему плаванию, отборе необходимого запаса продовольствия, в починке одежды.

26 июня, как только лёд начал трещать, расходиться и образовались первые большие промоины, шлюпки, по шесть человек в каждой, двинулись к Новой Земле.

42 дня люди то тащили шлюпки через торосы, то пробирались в них вперёд по узким проходам между льдинами. Им повезло, они преодолели свой путь по суровому океану на полтора месяца быстрее австрийцев.

В заливе Маточкин Шар Ли Смит и его команду ждали сразу три судна спасательной экспедиции, которые готовились идти на поиски пропавших в разные части Земли Франца-Иосифа.

Как вспоминал один из капитанов, когда офицеры и матросы "Эйры" поднялась на борт его судна, их едва не приняли за негров - так черны они были от грязи и чада сгоравшей в очаге хижины ворвани.

Вся эта проблема сполна компенсировалось тем, что ни один человек экспедиции Ли Смита не погиб и никто не пострадал от какой-либо тяжёлой болезни.

Как важен в такого рода экспедициях подбор людей, их психологическая совместимость, профессиональная подготовка и выдержка, о чём Ли Смит прекрасно знал и руководствовался именно этими критериями при подборе экипажа.

ГЛАВА 19

КТО ТАКОВ, ЭТОТ ФРЕДЕРИК ДЖЕКСОН?

Итак, за 8 лет уже две тяжелейшие полярные зимовки на архипелаге... Кто же следующий?

Следующих экспедиций было немало, успешных и полных трагедий. О каждой из них написаны книги, и заинтересованный читатель в любой библиотеке, отыскав на полках нужное издание, обязательно почерпнёт из него немало познавательного.

milkknig.com

И всё же, не могу не рассказать лишь об одном человеке, который в исследования Земли Франца-Иосифа внёс, пожалуй, наиболее весомый научный вклад.

Имя его - Фредерик Джексон.

Он провёл на архипелаге три года подряд, выдержал со своей небольшой командой три трудных зимовки, собрал и обработал огромный научный материал.

Результаты своей титанической работы Джексон изложил в 1889 году в прекрасно иллюстрированном двухтомнике "The Thousand days in the Arctic".

Фредерик Джексон.

К великому сожалению, этот уникальный, наиболее обширный и многогранный труд о Земле Франца-Иосифа до сих пор не переведён на русский язык.

Но самый большой подвиг Джексона - не научный, а чисто человеческий. Джексон фактически спас от неминуемой гибели в ледяном безбрежье Арктики несколько полярных экспедиций, в том числе и команду доктора Фритьофа Нансена после её неудачного похода к Северному полюсу.

Будь у меня малейшая возможность, на острове Вильчека (напомню - это был первый остров архипелага, открытый австрийской экспедицией) я бы поставил памятник Вейпрехту и Пайеру, а на мысе Флора острова Нортбург - Фредерику Джексону. Почему именно здесь, на этом острове и на этом мысе, ведь открыл их и так назвал не Джексон, а Ли Смит?

Начну рассказ издалика, чтобы читатель понял масштабность личности этого великого учёного и человека -

Фредерика Джексона. Тем более, что сведения о нём буквально по крупицам пришлось собирать в скудных на этот счёт источниках.

Итак, Фредерик Джексон родился в 1860 году в небогатой английской семье приходского священника.

Закончив колледж, в возрасте 19 лет, он уезжает в британский доминион - Австралию изучать технологию овцеводства и переработки шерсти.

Далёкий континент поразил молодого человека

своими размерами, богатством ландшафта, климатических зон и неизученностью. Юноша решил посвятить свою жизнь исследованиям труднодоступных земель, изучению их природы, геологии, и именно здесь совершает своё первое научное путешествие: с

весьма скудным снаряжением, сгорая от беспощадного солнца, он прошёл 1700 миль через практически необитаемую Великую Австралийскую пустыню.

Это проверочное, невыносимо тяжёлое испытание, было выдержано. Он преодолел все тяготы безводной пустыни, преодолел себя.

***

Но Фредерик понимает - без знаний он никогда не достигнет высот, к которым зовёт его сердце.

Юноша возвращается домой и поступает учиться в Эдинбургский университет на самое трудное отделение - медицинский факультет.

Он увлечённо посещает свои, обязательные медицинские и естественно-научные курсы, слушает непрофильные для него углублённые лекции по химии, юриспруденции, философии, литературе,.

В университете Джексона знают и как одарённого

mifknig.com

спортсмена: он занимается альпинизмом, гимнастикой, хорошо плавает, ходит на лыжах, мышцы его крепки и готовы для испытаний на прочность.

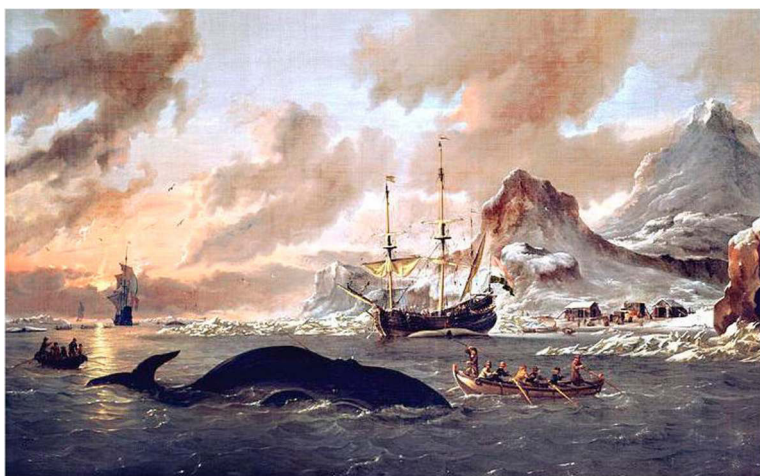
Через 5 лет, получив красный диплом доктора, в составе экспедиции богатого спортивного клуба он сразу же едет в Америку и несколько месяцев путешествует по жаркой и влажной Флориде и другим регионам, примыкающим к Мексиканскому заливу.

Чисто спортивный интерес Фредерик подкрепил подробными естественно-историческими наблюдениями, о которых с успехом доложил на заседании Королевского Географического общества.

Имя Фредерика Джексона отныне ни у кого из географов и естествоиспытателей не вызывало недоуменного вопроса:

- Кто таков, этот Джексон?

Уже в следующем, 1887 году, после тщательного отбора претендентов, Фредерика включают в должности хирурга в экипаж знаменитой арктической китобойной флотилии капитана Дэвида Грея.

Этот шестимесячный поход в арктические воды дал много молодому учёному. Он научился охотиться на моржей и тюленей, освоил разделку их туш и заготовку впрок мяса, увидел, как выслеживаются и забиваются киты, понял, какая

и какой конструкции одежда необходима полярнику.

В общем, капитан Дэвид Грэй был доволен своим доктором, а тот, в свою очередь, получил от него наглядные уроки и навыки поведения и выживания в высоких широтах севера.

В этом походе Джексону, благодаря своей природной смекалке и помощи матросов, удалось даже отловить взрослого белого медведя и живым доставить его в Англию.

Фредерик был сражён суровой красотой Арктики и вскоре вновь находит экспедицию, которая отправляется на север России.

Джексон подробно изучает остров Вайгач, лежащий за Полярным кругом между Баренцевым и Карским морями.

Остров не маленький - 3400 квадратных километров, 108 километров с севера на юг, почти 4 тысячи озёр, полных рыбы.

Горы, реки, водопады...

А ещё лежбища моржей и тюленей, огромные птичьи базары. Рай для путешественника и пытливого исследователя.

Зимой экспедиция перебралась на материк и совершила санный маршрут в три тысячи километров от берегов Карского моря через абсолютно неисследованную Большеземельскую тундру до реки Печора.

mirknig.com

Оттуда - через Русскую Лапландию к Норвежскому мысу Нордкап. Эта экспедиция стала генеральной репетицией Джексона перед осуществлением задуманного им плана. Его давно привлекал архипелаг Земля Франца-Иосифа.

20 лет прошло со времени открытия островов, а они всё ещё представляли из себя совершенно загадочное белое пятно на карте мира. Вот где хватит работы! И не на одну экспедицию...

Имя Фредерика Джексона знала уже вся Англия, и его благородный порыв финансово поддержал газетный магнат Сесил Хармсуорт за право первым опубликовать полярные дневники учёного.

ГЛАВА 20

ПОНИ НА ЛЕДНИКАХ И СОЛОННИНА ИЗ БОЧЕК

Экспедиция рассчитана на несколько лет непрерывных исследований. Главная её цель - всестороннее изучение Земли Франца-Иосифа. В частности, нужно было добраться до самой её оконечности и выяснить вопрос, как

далеко на север простирается эта земля и не является ли она самой близкой сушей к Северному полюсу. Если это так - она может стать своего рода стартовым трамплином для достижения

человеком вершины планеты - Северного полюса.

Состав экспедиции - 10 человек.

Геофизические исследования поручены А. Эрмитаджу, геологические - Р. Кейтлицу, минералогические - Д. Чайльдзу.

Трёхмачтовое парусно-паровое судно "Уинсдорф" с 32-мя членами экипажа должно доставить научную группу до архипелага, выгрузить снаряжение и вернуться в Англию.

В дальнейшем корабль будет ежегодно осуществлять только снабжение экспедиции без переброски её в новые районы архипелага.

А раз так - Фредерик Джексон решил в месте высадки экспедиции построить прочную и удобную базу для длительной работы, обработки полученных материалов, подготовки и проведения санных маршрутов по островам архипелага.

Хорошо оснащённая и сравнительно комфортная для жизни людей стационарная база - это был принципиально новый и разумный подход в деле изучения арктических районов, который в скором времени возьмут на вооружение все страны.

Именно стационарные, постоянные научные базы в высоких широтах, а потом и в Антарктиде, дадут мощный импульс в изучении и освоении полярных территорий.

Так что Джексона и в этом можно считать первопроходцем.

Его идея с блеском себя оправдала..

* * *

Зайдя ненадолго в северный посёлок Югорский Шар одноимённого пролива, соединяющего южные части Баренцева и Карского морей, "Уинсдорф" загрузился углём и взял на борт тридцать сибирских лаек, великолепно обученных для езды в упряжке.

Кроме проверенных веками собак, Джексон решил попробовать использовать для передвижения по льду и снегу совсем, казалось бы, неподходящих для этой цели животных: в трюме судна, в стойлах, жевали овёс и сено несколько низкорослых, но очень выносливых лошадей - пони.

Надо сразу сказать: пони прекрасно зарекомендовали себя в столь необычных и суровых условиях работы.

mirknig.com

В первых числах сентября, очень поздно для этих высоких широт, судно, наконец, бросило якорь у мыса Флора.

Именно здесь, на плоской каменной террасе, откуда

хорошо просматривался океан, Джексон и решил основать небольшую и первую на архипелаге, да и вообще в мире, стационарную полярную научную базу.

На берег переправили и быстро собрали точно пронумерованные брёвна большой жилой бревенчатой избы, срубленной русскими плотниками в Архангельске.

Вокруг неё на прочном фундаменте поставили ещё несколько утеплённых, непродуваемых строений из толстых досок для продовольствия, снаряжения и хранения будущих собранных коллекций.

Для пони сколотили небольшую конюшню с запасом фуража.

Так на берегу архипелага Земля Франца-Иосифа появился первый своеобразный жилой посёлок, которому дали название Эльмсвуд.

Фредерик был истинным англичанином. В их жилом доме стены были обиты мягким, приятным зелёным сукном.

Обеденный стол всегда накрывался белоснежной скатертью, за который он никогда не садился небритым и

непричёсанным.

От него всегда исходил запах лёгкого одеколона. В общем - педант.

Так вот, этот педант за три года сложнейших походов по архипелагу, не потерял ни одного сотрудника.

Ни одному из членов экспедиции не потребовалось серьёзное лечение...

Выгрузка снаряжения и необходимые строительные работы несколько затянулись, а когда были закончены, льды неожиданно закрыли "Уинсдорфу" выход в море. Судну пришлось оставаться на зимовку.

В течение всей первой зимы белые медведи постоянно подходили к жилым строениям.

До начала весны охотники убили почти 60 взрослых животных. Всегда свежее мясо было прекрасным средством противостояния цинге.

Но на судне нашлись два матроса, которые чувствовали

отвращение к мясу белых медведей и моржей и наотрез отказались принимать его в пищу, предпочитая годичную солонину из бочек.

Один из них, матрос Уатт, 52 лет отроду, скончался в жестоких муках. Второй чудом выжил.

Наступило короткое полярное лето.

Ледовая обстановка позволила "Уинсдорфу" покинуть мыс Флора только 3 июля. К этому времени Джексон уже вернулся из своей первой, многомесячной и очень успешной в научном отношении экспедиции по архипелагу.

С саними груза, которые тянули пони, его отряд сравнительно легко дошёл до острова Гукера и обследовал весь Британский канал, нанося на карту точные координаты и размеры островов, незамеченных его предшественниками.

Во всех знаковых местах Джексон ставил каменные

mirknig.com

пирамидки, вкладывая в специальные цилиндры короткие стандартные записки для будущих исследователей Земли Франца-Иосифа:

- Экспедиция Фредерика Джексона. Находимся (градусы широты и долготы, параметры погоды, состояние отряда).

Просьба к тем, кто обнаружит записку, передать её в Лондон по адресу мецената и вдохновителя экспедиции лорда Хармсуорта.

Оставив пони, Джексон пересел на шлюпки и, нанося на карту южные острова архипелага, двигался на запад.

Он подробно обследовал самый большой остров Земли Франца-Иосифа, площадью почти в 3000 квадратных километров - остров Земля Георга.

Здесь же он едва не поплатился и жизнью, осознав, что шлюпка, пусть даже самая остойчивая и крепкая - отнюдь не подходящее средство для плавания по Ледовитому океану даже вдоль берега.

Штормовой ветер как-то подхватил его безмоторное судёнышко и унёс в море, где многометровые холодные волны едва не разнесли её в щепки.

Только чудом Джексону и его спутникам удалось спастись и вернуться на базу в Эльмсвуд.

ГЛАВА 21

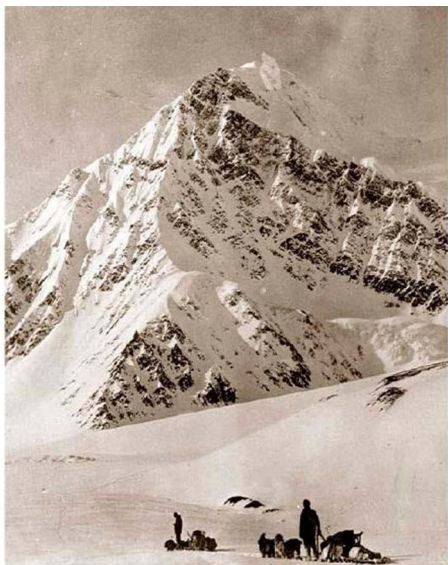
КТО СПАС НАНСЕНА

За три года тяжёлой, подвижнической работы на Земле Франца-Иосифа, экспедиция Джексона прошла по островам почти 2000 километров, достигла самой северной её точки, точно и подробно, с помощью новейших по тем временам приборов, нанесла на карты почти треть территории архипелага, исправила ошибки прежних исследователей этой

далёкой земли.

Экспедиция также провела обширные геофизические, геологические, гидробиологические и минералогические исследования и собрала большие разноплановые коллекции.

Практически на заре фотографии, в страшный холод, когда пальцы на морозе цепенеют в считанные секунды и совсем не слушаются команд, а плевков, ещё не долетев до земли, превращается в ледышку, Джексон сделал **множество** великолепных снимков, которые вошли потом в его книгу и наглядно проиллюстрировали не только суровую красоту островов архипелага, но

и титанический труд всей экспедиции.

***

В следующем году, после четвёртой зимовки, которая неумолимо надвигалась, Джексон, с полного согласия своей команды, хотел поделить её состав на две группы: одна продолжит изучение и картирование архипелага, вторая - с ним во главе попробует пробиться как можно дальше на север. И если улыбнётся Фортуна - достичь Северного полюса, быть там первыми!

Увы, экспедицию пришлось сворачивать.

Пришедший из Англии "Уинсдорф" привёз от сэра Сесила Хармсуорта - благодетеля и главного финансиста экспедиции, бумагу с коротким текстом:

- Благодарю за проделанную работу во благо Великобритании! Возвращайтесь!

Но прежде, чем отправиться домой, Фредерик

mirknig.com

Джексон выполнил на Земле Франца-Иосифа ещё одну благородную миссию, видимо, предназначенную ему самой судьбой.

Незадолго до отхода судна он спас от неминуемой гибели руководителя Норвежской полярной экспедиции на корабле "Фрам" Фритьофа Нансена и его верного спутника Ялмара Иохансена.

Эта трёхлетняя экспедиция (1893 - 1896 г.г.) стала существенным прорывом в методах полярных исследований: впервые в мировой практике небольшой экипаж сознательно вморозил специально построенное судно в паковые льды.

"Фрам" имел новейшую паровую машину, полный набор парусов и совершенно необычную, округлую форму, чтобы льды не сжимали корпус судна до его полного разрушения, а как бы выдавливали корабль на поверхность.

Запас угля и продовольствия рассчитан на 5 лет. Весь экипаж - 12 человек, 12 профессионалов, отобранных Нансеном лично.

Заявок же отправиться с ним в плавание было подано 600.

Изучая движения льда в полярном бассейне (например, брёвна, заготовленные в Сибири и вынесенные реками в море, не раз находили у берегов Гренландии), Нансен рассчитал, что ледовые массы перемещаются от

Новосибирских островов до Гренландии примерно за 700 суток. Дрейфуя вместе с ними, команда "Фрама" могла уверенно проводить целый комплекс гидрологических, гляциологических и климатических исследований бассейна Северного Ледовитого океана.

"Фрам" в столице Норвегии перед отходом в Арктику.

В России план Нансена встретил самое благожелательное отношение: Министерство иностранных дел оповестило власти всех северных губерний об этой экспедиции и распорядилось оказывать ей всестороннюю помощь в случае необходимости.

Россия также передала Нансену подробные карты всего своего полярного бассейна, а на Новосибирских островах Эдуард Васильевич Толль заложил для него несколько баз с углём, продовольствием и снаряжением на случай непредвиденных обстоятельств или катастрофы "Фрама". Он же купил на свои деньги и подарил Нансену 66 великолепных, выносливых остяцких и якутских собак.

Дело в том, что барон Э. Толль, к тому времени уже известный исследователь русского севера, знал о заветной мечте молодого учёного, который несколько лет назад с пятью спутниками, не имея собачьих упряжек, всё-таки преодолел дышащий звенящим холодом ледяной щит

огромной Гренландии.

Заветной же мечтой Нансена было дойти на собаках до Северного полюса.

В плане его экспедиции на "Фраме" читаем:

- Если следовать совету эскимосов и пробираться по океану с помощью каяков, саней и собак, то можно пройти значительные расстояния по таким областям, которые до сих пор считались совсем недоступными.

Таким образом можно путешествовать по плавучему льду даже в большом расстоянии от земли, даже когда лёд находится в движении, и я думаю, именно этим способом нужно пытаться проникнуть в великую неисследованную область, лежащую между Северо-Американским арктическим архипелагом и полюсом.

Фритьоф Нансен в своей каюте на "Фраме".

Толль догадывался, что во время дрейфа "Фрама" Нансен рискнёт совершить такое путешествие.

И не ошибся.

"Фрам" вмёрз в лёд и начал свой дрейф 20 сентября 1893 года на широте 78 градусов в районе острова Котельный архипелага Новосибирские острова.

Началась интенсивная научная работа.

mirknig.com

Например, подробнейшие метеорологические замеры проводились каждые 4 часа.

Через 8 месяцев судно достигло 81 градуса северной широты. Скорость дрейфа составляла 1,6 мили в сутки.

Даже в этот короткий экспедиционный период было сделано сенсационное открытие: на месте обширного, но мелководного полярного бассейна, как ранее традиционно считалось, обнаружился океан с глубинами почти в 4 километра!

Эти промерные работы на лютom морозе, а температура нередко доходила тогда до минус 40 градусов по Цельсию,

mirknig.com

оказались самыми трудоёмкими, где было необходимо участие всего экипажа. Бурение льда (толщина его вокруг судна доходила до 9 метров) проводилось каждые 10 дней, а промеры глубин - каждые 60 морских миль. Для достижения глубины 3800 метров лотом требовалось почти 3 часа.

16 ноября "Фрам" находился в 750 километрах от мыса Флигели, самой северной точки архипелага Земля Франца-Иосифа.

До полюса оставалось всего 780 километров. Но расчёты показали, что судно пройдёт слишком далеко от него. И Нансен объявляет команде, что вскоре покинет "Фрам" и отправится к Северному полюсу на собачьих упряжках.

Всю полноту власти и необходимые инструкции он передаёт капитану "Фрама" Свердрупу.

В свои спутники Нансен выбрал только одного человека - Ялмара Йохансена, самого опытного в экспедиции погонщика собак и прекрасного лыжника, и тот счёл за честь отправиться с начальником в трудный поход с практически непредсказуемым результатом.

14 марта 1895 года три тяжело гружённые нарты двинулись на север.

Запас продуктов для людей - на 120 дней, корм для собак - на 30.

С первого дня похода всё складывалось против Нансена и его спутника: постоянно дули сильные, порой штормовые встречные ветры, начисто скрадывая за счёт дрейфа льда пройденное расстояние.

В торосах собаки сильно уставали, грызли друг друга и постромки, не могли спать.

Нансен и Йохансен не раз попадали в коварные ловушки - проваливались сквозь молодой лёд. Их шерстяные костюмы, которые они предпочли из-за удобства и лёгкости традиционной одежде из волчьего и оленьего меха, после таких купаний превращались в жёсткие ледяные доспехи, обмораживая пальцы рук и ног.

Была ранняя весна, но температура каждодневно держалась в пределах между 30 - 40 градусами ниже нуля.

Собаки от перенапряжения и недоедания совсем взбесились и могли стать не только не управляемыми, но и просто опасными, превратившись в голодную стаю волков.

Нансен понимает: на этот раз им до полюса не дойти. Для следующей попытки достигнуть вершины земли нужно элементарно выжить.

На двадцать пятый день пути в дневник экспедиции ложится лаконичная запись :

- 8 апреля 1895 года. Достигли северной широты в 86 градусов, 13 минут, 36 секунд До Северного полюса 400 километров. Возвращаемся.

Единственным утешением для полярников было то, что в столь высоких широтах до них ещё никто не был. Ни один человек...

Искать "Фрам" в этой бесконечности ледяной пустыни было бессмысленно. Определившись по солнцу и приборам, Нансен с другом двинулись на юг, к ближайшей суше,

Ялмар Йохансен.

к спасительной Земле Франца-Иосифа.

Через несколько дней закончился корм для собак. Пришлось забить самых слабых животных и впервые за время похода досыта накормить оставшихся.

Свой рацион был тоже урезан до минимума: 50 граммов сливочного масла и 200 граммов хлеба в день. Запас ещё на 23 -25 суток.

Заканчивался и керосин. Правда, вскоре Нансену удалось подстрелить тюленя, не успевшего нырнуть в продушину льда, так что вместо керосиновой в ход пошла жировая лампа.

К началу июня - времени таяния льда - в живых оставалось всего 7 собак.

Температура иногда превышала нулевую - спать тогда приходилось в мокрых мешках, подложив под себя лыжи.

Это был невероятно тяжёлый путь. Но это была единственная дорога к спасению.

Теперь часто начали попадаться разводья и полыньи, которые путники с трудом преодолевали на каяках. Из-за недостатка места в лодках и бескормицы 7 августа пришлось прикончить двух последних собак: Кайфаса и Суггена.

Нансен записывает в дневник:

- Расстаться с последними собаками нам было крайне тяжело - мы сильно привязались к ним, а они к нам. Бедный Сугген был так трогательно послушен, а Кайфас... С каким гордым величием он делал свои последние шаги. Заколоть их, как других, мы были не в силах и пожертвовали на каждого по патрону. Иохансен, зайдя за ледяную глыбу, застрелил моего, а я - пса Иохансена.

Гибель собак едва не стоила путникам собственной жизни: вскоре в торосах они не заметили голодную медведицу, и та со спины напала на Иохансена.

Медведица, повалив человека на лёд, уже собиралась откусить ему голову, но Иохансен умудрился вывернуться и схватить её за горло. При этом он успел спокойно сказать:

- Мистер Нансен, Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать.

Раздался точный выстрел, зверь был напавал сражён

одной пулей - Нансен знал, куда стрелять.

К счастью, Иохансен отделался неглубокой царапиной на лице и лёгким ранением руки.

Не было счастья, да несчастье помогло. В тот день, разделав тушу, они досыта наелись парного сырого мяса и сделали необходимые заготовки на дальнейший путь по льду.

Только 10 августа, через 5 месяцев каждодневных мук и испытаний, люди достигли первых островов архипелага, которых не было на их карте. Один они назвали Белая земля. Соседний остров, покрытый ледником, Нансен принял за два и дал им имена жены и дочери: Евы и Лив.

Быстро наступающая полярная ночь неудержимо сокращала светлое время суток. Да и сил двигаться дальше почти не было.

28 августа отряд добрался до неизвестного острова, который они нарекли именем Джексона (Нансен встречался с Джексоном в 1890 году на Географическом конгрессе в Лондоне. Но сейчас он даже не подозревал, что арктическая база учёного находится всего в ста километрах. Норвежцы полагали, что кроме них на Земле Франца-Иосифа никого нет).

Мыс, где они решили перезимовать, теперь известен как мыс Норвегия. Судьба приготовила норвежским исследователям новые испытания: она забросила их на самый суровый остров архипелага, наименее пригодный для зимовки. Он открыт всем северным ветрам. Здесь зафиксированы и самые мощные ураганы, и самые низкие температуры - минус 52 градуса по Цельсию.

20 дней заложники севера сооружали себе своеобразную нору-берлогу в земле, отвоёвывая у промёрзшего грунта сантиметр за сантиметром и выворачивая из него камни. Рычагом служил обрезок полозьев нарт, киркой - огромный моржовый клык. Крышу соорудили тоже из шкуры моржа, по краям завалив её валунами.

Невольным полярным робинзонам всё-таки несколько подфартило: им опять удалось завалить огромного самца белого медведя и подстрелить моржа. Так что мяса для

зимовки вполне хватало. Главное было сберечь припасы от стай голодных песцов, которые тащили всё, что оставалось без присмотра буквально на минуту и хоть чуть-чуть пахло жиром. А его запахом был пропитан весь неказистый скарб - от верёвок и ремней для нартов до приборов и компаса.

Единственным средством отопления, света и приготовления пищи была небольшая жировая лампа, которая практически не гасилась. Это позволяло поддерживать температуру в землянке на уровне замерзания воды - около нуля градусов.

Часто, чтобы элементарно согреться, мужчины залезали в один спальный мешок. И Нансен как-то с юмором заметил своему верному спутнику:

- Теперь мы с тобой как братья. Можешь больше не называть меня "мистер". Обращайся просто: Фриттьоф.

Но Иохансен прекрасно понимал главенство своего начальника и никогда не нарушал принятой субординации.

Их страдания были безмерны: нескончаемая темнота полярной ночи, ограниченное пространство, жуткое физическое и духовное одиночество, полное отсутствие всего, без чего не может жить цивилизованный человек.

В своем дневнике Нансен оставит такую запись:

- Как хотелось нам иметь хотя бы одну книгу! Мы лежали и делились друг с другом, как славно жилось бы нам, если бы у нас было что почитать.

Во всей истории освоения севера эта зимовка не имела себе равных. Два обросших волосами человека, одетые в звериные шкуры, покрытые толстым слоем грязи от сгоравшей ворвани и, казалось, потерявшие человеческий облик, не только не согнулись перед трудностями, не пали духом, - наоборот, регулярно, изо дня в день, в пургу и в звенящий холод полярной ночи вели метеорологические наблюдения и заносили их в журнал уже почти не сгибающимися пальцами.

Они не думали о смерти. Они делали дело, которое им поручила Норвегия. И вслух мечтали, как рано или поздно встретят чей-нибудь парусник, где найдётся и картофель, и

свежеиспечённый хлеб, и бутылочка пива... А ещё горячая вода, чтобы, наконец, побриться и помыться. И мягкое, чистое бельё.

И... книги, книги...

А ещё их беспокоила мысль, что освободившийся ото льда "Фрам", вынесенный океанским течением к берегам Гренландии, вернётся домой без них и их будут считать пропавшими без вести в ледяных просторах бескрайней Арктики.

Только в середине февраля 1896 года Нансен и Иохансен увидели над горизонтом первые лучики животворного солнца, а на следующий день мимо их жилища пролетела стая люриков.

Это был настоящий праздник: птицы предвещали возвращение к весне, к свету, к теплу, а, значит, к жизни...

Но лишь через три месяца они смогли покинуть свое жилище.

12 июня едва не произошла катастрофа.

У них заканчивалось мясо, и скитальцы решили поохотиться на берегу океана, привязав каяки к валуну.

Привязали, видимо, некрепко. Неожиданно сильный штормовой порыв сорвал их с импровизированного якоря и понёс в море.

Понимая, что без каяков им не перебраться через водные преграды, а это равнозначно гибели, Нансен бросился в ледяную воду. Борясь с огромными волнами, он сумел не только поймать каяки, но и добраться с ними до берега, где его, совершенно обессиленного от усталости и переохлаждения, подхватил подмышки Иохансен.

Могучий организм, прежняя спортивная и физическая подготовка Нансена победили холод. Отогревшись, он быстро пришёл в себя без каких-либо последствий для здоровья. Это было настоящее чудо.

Через 3 дня новое испытание: на каяк Нансена напал морж и распорол борт. Нансен вновь оказался в воде один на один с очень опасным зверем, от клыков которого спасается бегством даже хозяин Арктики - белый медведь.

К счастью, морж не набросился на человека, а такое

mirknig.com

на севере случается довольно часто. Ещё раз боднув каяк клыком и переломив борт, он решил, что достаточно проучил "зверя", вторгнувшегося в ареал его обитания, и ушёл в глубину.

17 июня, остановившись на ночлег, Нансен, не спеша, готовил пищу и вдруг вздрогнул: на фоне криков птиц с близлежащего на скале базара до его ушей явственно доносились давно забытые звонкие голоса ездовых собак. Да, точно, лаяли как будто две собаки.

Иохансен на его зов выполз из палатки, внимательно прислушался, но потом отрицательно покачал головой:

- Нет, мистер Нансен, Вам это показалось. Откуда тут быть собакам?

- Это правда, неоткуда. Но я чувствую - на острове люди!

Нансен всё-таки решил сходить на разведку. И не ошибся. Тонкий, музыкальный слух не подвёл его. Вскоре среди торосов он увидел человека.

Вот как сам Нансен описывает эту встречу:

- С одной стороны стоял европеец в клетчатом английском костюме и высоких сапогах, гладко выбритый и подстриженный, благоухающий душистым мылом.

С другой, напротив него - одетый в грязные лохмотья, перемазанный сажей и ворванью дикарь, с длинными всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественный цвет его нигде не проступал.

И цивилизованный человек в клетчатом костюме спросил его:

- Уж не Нансен ли Вы⁹

- Да, - ответил Нансен.

- Чудовищно рад! Чудовищно рад, что это Вы! - выразил свой безмерный восторг англичанин.

Это был Фредерик Джексон.

Благодаря чистой случайности, или всё-таки providению, норвежцы пришли именно туда, где их ждало спасение - в посёлок Эльмсвуд на мысе Флора.

"Фрамовцы" были тепло встречены командой Джексона.

(Эту встречу через несколько дней реконструировал и снял для истории на фотопластинку сам Фредерик Джексон. На фотографии Ф. Джексон слева, Ф. Нансен справа).

Почти месяц Нансен и Иохансен провели на самом южном острове архипелага Нортбрук.

Отоспавшись и отмывшись от грязи, норвежцы сразу же включились в научную работу экспедиции англичан, занимаясь геологическими исследованиями.

Кроме того, сопоставление карт Джексона и Нансена позволило значительно уточнить размеры архипелага и его границы.

Оказалось, что в марте санная экспедиция **Джексона** не дошла до зимовья норвежцев всего 35 миль - у неё не было плавучих средств преодолеть обширное развоздьё.

И вот теперь судьба объединила их здесь, откуда Джексон должен отправиться на материк и никогда больше не возвращаться.

13 августа "Уинсдорф" с английским флагом на гот-мачте вошёл в северный норвежский порт Вардё. Нансен незамедлительно отправил обширную телеграмму премьер-министру страны Ф. Хагерупу о своём возвращении.

Последние строки были такие:

mirknig.com

- Прибытие "Фрама" ожидаю в этом году.

"Фрам" под командованием Свердруп, закончив свой беспрецедентный, 1041-дневный дрейф во льдах, не потеряв ни одного члена команды и проведя огромный комплекс научных исследований по плану и инструкциям Нансена, бросил свой якорь в Норвегии ровно через неделю.

ГЛАВА 22

МИССИЯ. ПРЕДПРЕДЕЛЁННАЯ СУДЬБОЙ

Все эти удивительные совпадения и как бы случайности лично меня наводят на мысль, что в природе, в масштабах Вселенной ничего случайного не происходит. Всё взаимосвязано и закономерно.

На примере жизни Джексона это хорошо прослеживается. Самой судьбой ему всё-таки была предопределена миссия спасителя. Судите сами.

Покинув мыс Флора, Джексон оставил в полной сохранности весь посёлок Эльмсвуд с большим запасом топлива, одежды и провианта. На стене жилого домика висело несколько карабинов, под ними лежали металлические коробки с патронами. В общем, здесь было всё необходимое для нормальной жизни и даже научной работы.

Джексон как будто предвидел, что Эльмсвуд станет путеводной и спасительной звездой тем, кто, изучая эту труднодоступную, суровую землю, будет нуждаться в помощи. Не встретить он Нансена со спутником, неизвестно, как сложилась бы судьба норвежцев...

Вскоре Эльмсвуд принял на вынужденную зимовку часть экспедиции американского миллионера У Циглера, главной целью которой было достижение на собачьих упряжках Северного полюса. Но судно Циглера "Америка"

было раздавлено льдами и затонуло в бухте Теплиц на самой северной оконечности архипелага Земля Франца-Иосифа.

39 человек высадились на лёд и провели на архипелаге 2 года, предприняв всё-таки в невероятно тяжёлых условиях несколько попыток покорить полюс, которые закончились полным провалом. Но, слава Богу, выжили практически все члены экспедиции. Погиб только один человек, да и то из-за болезни.

Чтобы выжить, вся многочисленная экспедиция, прежде всего обременённая проблемами с жильём и питанием, разделилась на три группы. Две остались на острове Рудольфа в сколоченных ранее домиках. Третьей, уже вконец истощённой и обессиленной, удалось добраться до спасительного Эльмсвуда, где они нашли всё, что предусмотрительно оставил для терпящих бедствие Джексон.

Летом к мысу Флора на барке "Терра Нова" подошла спасательная экспедиция Уильяма Чампа и взяла на борт всех зимовщиков. Были найдены и спасены все остальные участники экспедиции Циглера.

С тех пор мыс Флора и посёлок Эльмсвуд бывалые полярники образно стали называть "Международной спасательной арктической гостиницей Джексона".

Спасла она от неминуемой гибели и русских моряков.

В начале июля 1914 года в избу жилого дома посёлка Эльмсвуд буквально вползли два измождённых полярных скитальца: это были штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад с судна "Святая Анна" под командованием лейтенанта Георгия Брусилова.

В апреле 1914 года,

после почти двухлетнего дрейфа затёртой во льдах "Святой Анны", когда корабль находился на 83-м градусе северной широты и практически закончились продукты, было принято решение, что часть команды во главе со штурманом Альбановым покинет судно и попыбует добраться сначала до ближайшей земли, до архипелага Земля Франца-Иосифа. И если хватит сил - двигаться дальше, к спасительному мысу Флора, куда рано или поздно наверняка придёт какой-нибудь корабль.

Почти три месяца Альбанов и его спутники, с невероятным напряжением, преодолевая холод, болезни и апатию, тащили через ледники и проливы архипелага нарты с поклажей и лодками.

С Альбановым ушли 11 человек. До мыса Флора, до посёлка Эльмсвуд, дошли лишь двое. Здесь их и подобрал экипаж судна "Святой Фока" экспедиции Георгия Седова, который возвращался после неудачной попытки пройти Северным Ледовитым океаном из Архангельска в Берингов пролив, и дальше во Владивосток.

Но самого капитана на борту судна уже не было. Отправившись к вершине планеты на собачьих упряжках, он безвозвратно сгинул где-то в просторах острова Рудольфа той же Земли Франца-Иосифа.

(К Альбанову, к его командиру Брусилову и Седову я вернусь несколько позднее, поскольку очень много загадочного и необъяснимого остаётся в их действиях и поступках. А острова архипелага, где мне удалось побывать, до сих пор хранят их следы и их тайны).

Я думаю, читателю небезынтересно узнать и о дальнейшей судьбе Фредерика Джексона.

За свои исследования архипелага Земля Франца-Иосифа он был избран почётным членом Географических обществ Америки и Италии, от шведского короля Оскара получил рыцарство высшего, первого класса, был отмечен наградами многих стран.

Но вот о том, как отметили его подвижнический полярный труд общественность и учёные Британии, подданным которой он являлся, никаких сведений нет

Абсолютно никаких.

Зато в последующие годы он получил от английского правительства самые высшие награды. Но только боевые - за участие добровольцем в Англо-Бурской и Первой Мировой войнах, за героизм и ранения.

В 1925 - 1926 годах, на седьмом десятке лет жизни, этот неутомимый человек совершил ещё несколько трудных путешествий. Но уже не на север, а в... африканские тропики. Джексон исследовал окрестности озера Танганьика и вулканические горы Вирунда, пересёк всю Руанду, спустился по реке Конго от истоков до устья.

За глубокие исследования Африки международным научным сообществом он был избран в специальную комиссию Лиги Наций по исследованию условий жизни африканских народов.

Свою интересную, полную приключений жизнь, Джексон завершил в Лондоне. На стене церкви, у которой он похоронен, висит мемориальная доска:

- В память о Фредерике Джордже Джексоне майоре Восточного Суррейского полка, руководителе полярной экспедиции Джексона - Хармсуотра в 1894 - 1897 г.

Он открыл, нанёс на карту и назвал большую часть Земли Франца-Иосифа и спас доктора Нансена. Умер 13 марта 1938 года в возрасте 78 лет.

Думаю, что эти простые слова гораздо ценнее, чем все награды, звания, ордена и медали Джексона - учёного, путешественника, человека

ГЛАВА 18

ЗЕМЛЯ "TERRA NULLIUS"

Несмотря на то, что десятки людей погибли и канули в неизвестность на ледяных островах Земли Франца-Иосифа, архипелаг становится "Меккой" исследований севера и своеобразным трамплином на пути покорения полюса.

Буквально за считанные годы здесь побывало 11 крупных научных экспедиций.

Вслед за учёными в этот далёкий, суровый мир льда и холода проложили свои тропы и многочисленные промысловые экспедиции разных стран мира, хищнически отстреливая тысячи моржей, тюленей, белых медведей и китов.

Все затраты на такие дорогостоящие набегі окупались сторицей - так богат и, казалось, неистощим был животный мир этих затерянных островов великого Ледовитого океана.

Странно, но до 1914 года никто не пытался закрепить за собой права на национальную принадлежность Земли Франца-Иосифа. Ни Австро-Венгрия - первооткрыватель архипелага, ни Великобритания, ни Норвегия. Ни даже Россия, к территории которой эти острова были ближе всего

и как бы, естественным образом, должны входить в состав империи.

Было даже предложение придать Земле Франца-Иосифа статус "**TERRA NULLIUS**" - "ничейная земля".

Но началась Первая Мировая война, жестокая война за окончательный передел земли между крупнейшими капиталистическими странами, в которую ввязалась и Россия.

Теперь любой клочок ничейной суши, а тем более целый архипелаг, уже не мог быть ничьим, а приобретал не только научное и экономическое, но и стратегическое значение.

Так осенью 1914 года на мысе Флора острова Нортбук появился русский национальный флаг. Но сделано это было отнюдь не по решению императора Николая II или правительства России.

Флаг над островом по собственной инициативе поднял капитан первого ранга Исхак Ислямов, который на шхуне "Герта" был послан на поиски пропавшей экспедиции Г. Седова.

Ислямов предложил даже переименовать архипелаг, назвав его Землёй Романовых. Но никакого признания и тем более соответствующего закрепления документами Международного права эта инициатива не получила.

Ну а потом случились Февральская революция и Октябрьский переворот, долгая братоубийственная Гражданская война, страшный голод и разруха.

Новой Советской власти было не до далёких, покрытых ледниками северных островов.

И иностранные зверобои продолжали ежегодный беспрепятственный грабёж и уничтожение биологических

Капитан Исхак Ислямов.

ресурсов островов Земли Франца-Иосифа.

Только 15 апреля 1926 года Совет Народных Комиссаров СССР принял своевременный и очень важный документ:

- Постановление об объявлении территорий Союза Советских Социалистических Республик земель и островов в Северном Ледовитом океане.

Согласно этому документу территорией СССР объявлялись все земли и острова, открытые или могущие быть открытыми в пределах советского сектора Арктики.

Особо оговаривались права на Землю Франца-Иосифа...

Естественно, что этот документ вызвал бурный протест. Но не со стороны Австрии или Венгрии, разделившихся после окончания Первой Мировой войны и подписания Версальского договора на два самостоятельных государства. Свои права на архипелаг стала бурно отстаивать Норвегия.

И понятно почему: её зверобойные и рыболовецкие суда давно чувствовали себя на островах Земли Франца-Иосифа полноправными хозяевами.

Морской промысел в этом регионе играл важную роль в экономике Северной Норвегии, давал работу сотням моряков и вполне приличный достаток их семьям - король

Норвегии и парламент страны заботились о благах своих подданных.

Нашему северному соседу не хотелось терять контроль над островами архипелага. Незаконные плаванья норвежцев, добыча зверя и рыбы по-прежнему продолжались.

Не десятками - порой сотнями судов.

Советская сторона неоднократно указывала Норвегии на недопустимость подобных действий, и вскоре были приняты соответствующие меры.

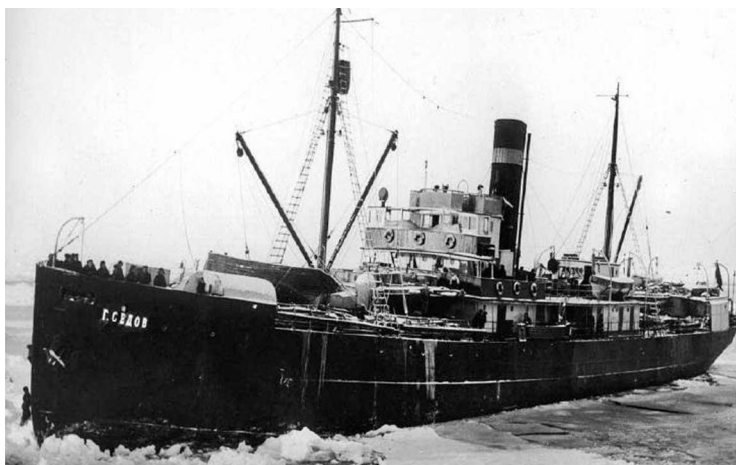
В июле 1928 года Совет народного хозяйства СССР утвердил план усиления научно-исследовательских работ в Арктике в связи с началом реализации огромного, долгосрочного проекта по освоению природных богатств севера.

Уже в следующем году на архипелаг Земля Франца-Иосиф отправился ледокольный пароход "Седов" под руководством известного математика, геофизика и географа профессора Отто Юльевича Шмидта - будущего начальника всесильной организации Главсевморпуть, на плечи которой легли все трудности и проблемы развития территорий за Полярным кругом.

Силами экспедиции в бухте Тихая на острове Гукера

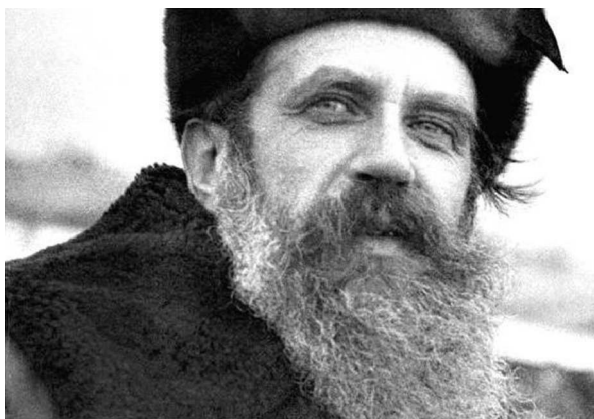
mirknig.com

за короткое северное лето была построена круглогодичная метеорологическая станция с мощным радиопередатчиком.

30 августа Отто Юльевич Шмидт, в ранге официального Правительственного комиссара Земли Франца-Иосифа, укрепил специально изготовленный железный флаг СССР и торжественно произнёс на митинге:

- В силу данных мне полномочий объявляю Землю Франца-Иосифа территорией полярных владений СССР.

О.Ю. Шмидт

(В моей коллекции марок есть уникальный почтовый блок, изданный тиражом всего 6 тысяч экземпляров. На нём - эта знаменитая фраза Отто Юльевича Шмидта, его портрет, карта всего Советского Севера, над которой всполохи полярного сияния. И красный флаг в центре Земли Франца-Иосифа. Очень горжусь, что владею таким раритетом).

Известие о советском флаге над архипелагом вызвало в Норвегии даже не бурю - цунами негодования.

Уже на следующий день после этого сообщения все норвежские газеты вышли с крупным заголовком:

- Оккупацию русскими Земли Франца-Иосифа следует рассматривать как насилие и как посягательство на норвежские интересы!

В ход было пущено сенсационное "доказательство" профессора, геолога Хорна.

Хорн по разрешению советского правительства недавно побывал на Земле Франца-Иосифа и утверждал, что этот архипелаг был открыт норвежскими промышленниками ещё в 1865 году, за 8 лет до австрийцев Вейпрехта и Пайера.

Он даже сообщил имена моряков, которые первыми побывали на неизвестной земле: это были шкипер Нильс Фредерик Ронбек и гарпунёр Айдиеви из рыбацкого городка Хаммерфеста.

В погоне за китами их судно отклонилось на восток от Шпицбергена, где они промышляли в тот год. Отклонились миль на 300 или чуть побольше.

Море, на удивление, было свободно ото льда, что позволило судну зайти так далеко.

И вскоре они увидели прямо по курсу скалы и утёсы неизвестной земли.

Это был остров с огромным лежбищем тюленей. Ронбек назвал его "Северо-Восточный Шпицберген", о чём сделал соответствующую запись в судовом журнале.

Но контуры новой земли не легли на карту, и по приходу в порт никто не был оповещён о фактически сенсационном открытии: ни местные портовые власти, ни правительство, ни даже падкие до сенсаций журналисты, с

которых можно было содрать ещё и деньги за подобную информацию. Профессор Хорн объяснил такой странный поступок первооткрывателей просто: все координаты новых богатых зверо-рыболовных районов сохранялись на каждом судне в строжайшей тайне.

А потом судовой журнал сгорел в случайном пожаре.

Вот почему первенство осталось за австрийцами.

В общем, инцидент между СССР и Норвегией как-то сам по себе затих. Норвежцам пришлось смириться.

В фондах Государственного архива РФ сохранились малоизвестные, но весьма интересные документы этого времени. Сразу же после признания Земли Франца-Иосифа за СССР, естественно, встал вопрос о переименовании архипелага. Негоже называть советскую территорию именем Австро-Венгерского императора, с которым Россия сражалась на фронтах Первой Мировой войны целых 4 года.

Для замены были предложены такие варианты: архипелаг Ломоносова или Память Ленина.

Совет Народных Комиссаров внёс свои названия: Земля Кропоткина, или, на худой конец - архипелаг Вейпрехта и Пайера.

В связи с кончиной в 1930 году Фритьофа Нансена, который в 20-е годы очень помог молодой Республике Советов в борьбе с голодом, Русское Географическое общество предложило присвоить архипелагу имя этого великого норвежского исследователя и гуманиста.

Да, конечно, большая часть карты архипелага Земля Франца-Иосифа "заселена" иностранцами, ибо здесь побывали экспедиции разных стран мира и, естественно, все оставили память о себе.

Но наряду с именами знаменитых людей, на карте, действительно, хватает имён меценатов, царствующих особ и принцев, всяких эрцгерцегов и обергофмейстеров, лордов, графов и баронов, всевозможных министров.

Однако право первооткрывателей давать названия - признано во всем мире.

И возобладал всё-таки здравый смысл. Решили оставить старое название - архипелаг Земля Франца-Иосифа.

ГЛАВА 18

БАЙКАЛ У СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Сразу после того, как над архипелагом Земля Франца-Иосифа был поднят советский флаг, началось планомерное, всестороннее изучение этих островов.

Особенно крупные экспедиции картографов, геологов и гидрографов были проведены в 50-60 годы.

На карте архипелага появилось множество новых названий в честь русских и советских учёных, моряков, лётчиков полярной авиации: заливы Ширшова, Делюгина, Матусевича, мысы академиков Визе и Карпинского, Молокова и Головина.

Карту островов Земли Франца - Иосифа время от времени приходится дополнять и исправлять. Мощь Северного Ледовитого океана, постоянно размывающего сушу, давление ледяных полей и подводных течений постепенно меняют береговую линию островов.

Вот совсем свежий пример со знаменитым мысом Флора, который уже не раз упоминался в моём повествовании.

В 2008 году ледокол "Ямал" проводил гидрографические

mirknig.com

работы в этом районе. Каково же было удивление капитана и штурмана, когда они обнаружили, что мыс Флора отделился широкой протокой от своего родителя - острова Нортбрук - и стал сам полноценным островом.

Так на карте архипелага появилось ещё одно новое название: остров Юрия Кучиева, в честь знаменитого полярного капитана.

17 марта 1977 года атомный ледокол "Арктика", которым он командовал, впервые в мире достиг в надводном плавании Северного полюса.

Земля Франца-Иосифа в летний период из космоса.

Итак, что же, с точки зрения географии, представляет собой архипелаг Земля Франца-Иосифа сегодня?

Это около двухсот очень больших и совсем малых островов общей площадью 16 тысяч квадратных километров.

По прямой - 800 километров от северной оконечности Новой земли, и примерно столько же - от Северного полюса. С севера на юг архипелага - 230 километров, с запада на восток - почти 400.

Территория, кажется, не так и велика, сопоставима с Албанией. Но земля эта поистине уникальна: 86 процентов её территории занято ледниками. По степени оледенения Земля Франца-Иосифа превосходит Гренландию и ни в чем

не уступает Антарктиде. Только по возрасту. Ледникам Антарктиды 20 миллионов лет, ледяным шапкам архипелага всего лишь миллион.

Теперь хорошо известно, что 200 миллионов лет назад на месте ЗФИ (общепринятая аббревиатура Земли Франца-Иосифа) плескалось тёплое море. На его берегах росли густые папоротниковые леса с хвощами высотой в десятки метров. Это было в палеозое.

Позднее, уже в эпоху мезозоя, море буквально стало вскипать - по трещинам из глубин земной коры начали прорываться мощные расплавленные потоки базальта. Так постепенно росли острова архипелага, на сотни метров возвышаясь над уровнем воды.

Миллион лет назад, когда во всем северном полушарии заметно похолодало, на этих базальтовых плато и скалах начали появляться ледники.

Толщина самых крупных из них сегодня достигает сотен метров. Языки этих ледников со всех сторон сползают к берегу океана и с жутким грохотом обрушиваются в воду тысячами огромных айсбергов.

Если смотреть с самолёта летом, когда сплошные ледяные

mirknig.com

поля отступают к северу, кажется, что по голубой поверхности океана, не спеша, плывут многочисленные стаи белоснежных лебедей весом в тысячи и тысячи тонн каждый.

По данным гляциологов, общий объём льда архипелага - 2500 кубических километров.

Даже представить себе трудно грандиозность такой цифры. Это 2250 миллиардов тонн чистой пресной воды, больше, чем в Байкале! Поистине природа щедро одарила Россию всем необходимым для процветания. Вот только распорядиться этим богатством по-хозяйски во благо всего народа мы никак не можем.

ГЛАВА 25

ЛИКИ МАЛОЙ АНТАРКТИДЫ

З Ф И не зря называют "Малой Антарктидой". Климат здесь очень суров. Зимой, в самом холодном месяце, температура падает порой до минус 50 градусов. Не по Фаренгейту, по Цельсию.

Если дует даже лёгкий ветерок, дышать в таких условиях без шерстяной маски невозможно.

От холода можно получить даже рак горла.

Полярная ночь на островах длится 125 суток. Метели со штормовыми ветрами до 40 метров в секунду - треть года. Полярный день - 140 суток, средняя температура июля около одного градуса тепла, практически у точки замерзания пресной воды.

И ещё влажность: 85 -90 процентов зимой, и до 85

летом. Это означает - туманы, туманы и ещё раз туманы, которые надолго обволакивают острова непробиваемой светом серой пеленой. Бывает так, что человек не видит пальцы своей вытянутой руки.

Солнце на архипелаге появляется в конце февраля. В марте уже не заходит. И вот что интересно. На острове Хейса, в обсерватории Кренкеля, этот первый месяц весны по многолетним метеорологическим данным - самый холодный и самый ветреный, в чём мы вскоре убедились и сами.

Неумолимо приближались сроки нашего отъезда. Институт Арктики и Антарктики, в ведении которого находилась обсерватория, в последний день февраля выделил нам время для радиосвязи со станцией.

Обсерватория им. Э.Т. Кренкеля на острове Хейса.

В центре - покрытое льдом уникальное озеро Космическое с пресной водой.

Проходимость сигналов была приличной, и мы с директором фильма Ефимом Фогелем не только заочно познакомились с начальником научной базы Леонидом Михайловичем Семенцовым, но и достаточно полно прояснили все составленные заранее вопросы.

Первое и главное: мы не сваливались внезапно на головы учёных, как это часто бывает.

Нас ждут и знают о важности и сути работы.

Мощности островной дизельной электростанции позволяют выделить на освещение при подводных съёмках до 40 киловатт. Если будет мало - можно на время запустить резервный агрегат. Нам вполне хватит и 20. А вот нужного кабеля в обсерватории нет. Придётся доставать и везти с собой самолётом.

Айсберги, в районе которых ныряли ленинградские биологи, из-за весьма холодного лета и забитости проливов льдом, так и застряли на шельфе. Стоят на прежнем месте, как белые скалы, даже не подтаяв.

От щита электростанции до айсбергов примерно 600 метров. Значит требуется огромная, километровая катушка кабеля. Это минимум тонна веса. Уже проблема. Как выяснилось. Ил-14, которым полетим с Диксона на Хейса, может взять только 900 килограммов полезного груза. Ладно, будем разбираться на месте.

Небольшой домик на саях из стальных труб, для удобства передвижения, есть у гидрологов. Если его утеплить - можно вполне использовать для водолазных спусков. Второй балок придётся делать самим. Доски и все необходимые материалы имеются.

Каждому члену группы обязательно иметь пару альпинистских очков с плотными цветными фильтрами, чтобы защитить глаза от сильных ветров и не заболеть "куриной слепотой".

Всем проверить зубы и санировать их. Если есть возможность - привезти жевательную резинку. Её стали выпускать в Прибалтике.

При работе на воздухе движение скул - это лучшее средство от обморожения лица. Ну, и конечно, необходимо иметь соответствующую тёплую одежду. Сейчас, к примеру, за стенами обсерваторского радиоцентра минус 32.

При скорости ветра 10 метров в секунду это равносильно 50 градусам мороза при штиле.

На этом связь с далёким островом архипелага Земля Франца-Иосифа закончилась.

В Ленинграде было минус 4.

mirknig.com

ГЛАВА 18

О ДИРЕКТОРАХ ФИЛЬМОВ, ГОРАЛАХ И ПАПИРОСАХ "БЕЛОМОРКАНАЛ"

Хак же, как и на кораблях идёт постоянная борьба за право переманить к себе лучшего повара, на киностудиях постоянно шли баталии за назначение директоров фильмов. Толковый, пробивной директор во многом предопределяет рабочий настрой группы.

Директор отвечает за всё: за железнодорожные и авиационные билеты, за размещение в гостиницах, за обеспечение транспортом, необходимым инвентарём и снаряжением, обеспечивает проведение съёмок. На нём вся хозяйственная часть группы, её финансовое обеспечение, забота, чтобы, наконец, все были сыты и здоровы.

Такой организатор производства, к тому же непоседа, знающий и любящий кино, при дефиците в нашей стране абсолютно всего и вся - был тогда сам на вес золота.

Год за годом, колеся по городам и весям страны, директора картин обзаводились обширными нужными связями, знакомыми и знакомыми знакомых.

Вся эта система взаимопомощи и выручки работала по чётко отработанной поколениями схеме: "Ты - мне, я - тебе". И практически никогда не давала сбоев.

Если я ехал в Москву по своим личным делам и мне нужна была приличная гостиница, я всегда шёл к старейшине наших директоров Толе Абугову. Сделав пару звонков в столицу, он, например, неожиданно предлагал:

- Хочешь, устрою в закрытую гостиницу КГБ? Там, на втором этаже, отличный буфет, привезёшь мне из него пару-тройку бутылок финского клюквенного ликёра. В Ленинграде его не достать. А в Москву отвезёшь барышне N из управления этой гостиницы небольшую коробку. Я тебе её к поезду доставлю. Идёт?

- Конечно, Толя! Чего спрашивать?!

Я-то прекрасно знал, что все мы, рядовые жители

mirknig.com

страны, были обречены: в какую гостиницу не обратиться, получишь стандартный ответ:

- К сожалению, свободных мест нет и в ближайшее время не предвидится.

В общем, в кино директор фильма - бесспорно, царь и Бог, надёжная опора режиссёра.

Проверенные тяжёлыми экспедициями симбиозы: режиссёр - директор фильма складываются порой годами.

Люди постепенно притираются друг к другу. Если взаимопонимание не налаживается, если возникает малейшее недоверие - это конец всей работе. Такая пара распадается навсегда.

Мы с Фогелем были примерно одного возраста, сняли вместе уже несколько картин, и я всегда мог положиться на своего директора.

Мелкие недоразумения между нами, конечно же, случались, в киношной работе всего не предусмотреть. Но в принципе, наш тандем работал слаженно, обстановка в группе всегда была доброжелательной, настроенной прежде всего на работу.

Если Ефим говорил, что в экспедицию надо брать таких-то осветителей или просить у начальника нашего гаража определённого шофёра - я всегда доверял его опыту и предпочтению. И ни разу не ошибся.

Оба мы не любили праздных выпивок и заядлых курильщиков. И тех, и других на студии хватало.

Ну, с любителями распить на двоих или на троих для "расслабона" после съёмок - понятно. Не раз студии приходилось "выручать" своих из спецприёмников и "обезьянников" во всех концах нашей необъятной и одинаково пьющей страны.

А вот курить - это, позвольте, скажете вы, в рабочее время никакой должностной инструкцией не возбраняется.

Так-то оно так. Но бывают ситуации, когда одна папироса, выкуренная не вовремя и не к месту, начисто уничтожает многодневный труд всего коллектива.

Был у меня такой случай, на картине "Биосферные заповедники Советского Союза."

В Сихотэ-Алиньском заповеднике, что протянулся на сотни километров вдоль крутого, скалистого побережья Японского моря, мы должны были снять эпизод о редчайшем краснокнижном животном - горале.

И хотя охота на него и отлов запрещены ещё с 1924 года, вид этот и сегодня на грани полного исчезновения, как, к слову, и дальневосточные тигр, леопард и красный волк. Специалисты утверждают: горалов во всем Приморье осталось едва ли несколько сотен. Ничтожно мало.

Внешне горал напоминает небольшого лохматенького домашнего козла на коротких, но очень крепких ногах. Длина тела - чуть больше метра, вес до 40 килограммов.

Самая крупная популяция горалов обитает к северу от бухты Терней, в скальном массиве Абрек, где горный хребет стеной в несколько сот метров почти вертикально обрывается к морю.

Скалы эти называют лазами, ибо подняться на них, да и то с величайшим риском, может только опытный скалолаз.

К счастью, скалолазам сюда путь заказан, и потому горал чувствует себя здесь полным хозяином.

Он легко скачет по этим кручам, на которые и смотреть-то страшно, совершая прыжки до двух метров в

высоту. Ходят горалы небольшими семьями: 4-7 особей. Самцы за самок между собой не бьются насмерть, как горные козлы. Попугают друг друга и договорятся мирно.

Горал совсем не переносит неволю. Эти животные не выживают даже в крупнейших зоопарках мира, где и питание, и жизненное пространство максимально приближены к естественной среде обитания.

Их стихия - вольная жизнь среди отвесных скал. Там они находят свое неприхотливое, скудное пропитание: крохотные пятачки травы и кедрового стланика.

Ни волки, ни тигры - главные враги горалов, охотиться здесь, на этих смертельных обрывах, не рискуют - терпеливо, неделями поджидают у мест водопоя. Чаще всего безрезультатно - нюх у горала, как у хорошей ищейки.

На этом моя группа и погорела.

От рыболовецкой бригады в посёлке Терней, где мы поселились, до скал Абрека километров сорок. Добраться туда можно только морем.

Дело было в конце августа. Японское море изрядно штормило. Семь дней вместе с молодым егерем и одновременно научным сотрудником заповедника, биологом Сашей - фамилию его запомнил, мы ждали погоды.

Наконец валкий, неуклюжий бот, с привязанным к корме плоскодонным катером (на нём, закончив съёмки, мы должны были возвратиться в посёлок) отвалил от пирса и, с трудом преодолевая всё ещё сильный встречный ветер и полутораметровые волны, затархтел к северу.

На узенькую береговую кромку Абрека, из-за мощных нагонных валов, мы буквально выбросились друг за другом, едва не потеряв катер - упустили фал.

Хорошо, что новой прибойной волной его просто зашвырнуло на берег. Тут-то мы его уже морю не отдали. Две камеры, оптика и аккумуляторы, обмотанные свитерами и запасной одеждой, были в рюкзаках, за нашими спинами.

А вот железный яуф с продуктами спасти не удалось: тушёнку, макароны, чай, сахар в секунду, пока мы крепили катер, смыло с береговой полосы.

- Растяпы! - пожурил нас Саша. - Продукты при такой

высадке надо размещать отдельно. Я предупреждал. Хорошо ещё катер не потеряли, да сами живы и без увечий.

Ладно, часа через 4 доберёмся до моего отеля - там с прошлого месячного наблюдения кое-какие запасы остались. Да и у меня в сидоре кое-что есть. С голоду не умрём.

Саша - один из немногих специалистов в стране, изучающий горалов. Он знает о них буквально всё, ибо большую часть года, и зимой, и летом, наблюдает за жизнью этих животных в природе.

На вершине Абрека, в одной из скальных расщелин, Саша сколотил крохотную избушку, куда от моря, в далёкий обход основных мест кормёжки и обитания горалов, ведёт многокилометровая, головокружительная, едва заметная тропка.

Здесь, на Абреке, его основной дом, здесь он готовит свою кандидатскую диссертацию. В разных местах скал, куда Саша спускается на верёвках, для наблюдения у него оборудованы хорошо замаскированные схроны.

Наше восхождение к домику заняло не 4, а целых 7 часов. Всё-таки вес аппаратуры и аккумуляторов на этой горной "тропе камикадзе" давал о себе знать. Мышцы ног одеревенели, и каждый шаг навверх вызывал довольно сильную боль. Но ничего, дошли...

На маленькой буржуйке сварганили пшённую кашу, заправленную подсолнечным маслом. Весь следующий день отдыхали, приходили в себя и готовили аппаратуру к съёмкам.

На листке бумаги из-под пакета крупы Саша условно изобразил место нашей работы.

- Так, у вас две камеры. Это замечательно. Тогда будем снимать сразу с двух точек. Вот здесь довольно узкий проход между скалами. По нему утром, часов в 7, горалы выходят пастись на склоны Абрека.

А вот тут у меня замаскированная ветками кедра наблюдательная вышка. Здесь можно даже расставить штатив и работать вполне комфортно. Отсюда я снимаю горалов длиннофокусной оптикой. Отличные кадры получаются.

Как я понял, на вышке будет снимать оператор Серёжа Каледин с ассистентом. Главное - полная тишина. И без резких движений.

Комары замучают - это на Абреке проблема, настоящие вампиры. Ваш крем вряд ли поможет. Терпите. И ни в коем случае не курить. Серёжа, это я тебе, как единственному курящему в группе. Проверено. Малейший запах табака, и горалы на кормёжку не выйдут. Будут искать другие места, куда моя дорожка ещё не протоптана...

Теперь вторая точка, примерно вот здесь. Метрах в трёхстах от первой. Тут есть на скале удобная полочка для двоих. Меня и Игоря вы спустите сюда на верёвках, и для безопасности мы привяжемся к густому можжевельниковому кусту, корни которого намертво вцепились в скальные расщелины. Никакими силами их оттуда не выдрать.

Страховка полностью гарантирована. Я сюда с фотокорреспондентами, которые не дрейфили, несколько раз спускался. Горалы любят это место. Тут повсюду крохотные пятячки сочной травки. Много карнизов, на которые они запрыгивать обожают... Роскошное место для съёмки.

Так, завтра выходим затемно, часа в 4. В полшестого будем на месте, успеем закрепиться. А дальше - только ждать.

...И вот мы с Сашей стоим на узкой каменной полке, с которой хорошо просматривается склон Абрека со стороны моря. Дует приличный бриз. Это нам на руку - ветер отгоняет комаров. Вниз стараюсь не смотреть, кружится голова.

Звук прибойных волн сюда практически не доносится - так высоко.

Камера завёрнута в ватник, чтобы заглушить шум работающего мотора, и удобно лежит на своеобразном бруствере. Можжевельниковый куст хорошо прикрывает нас со стороны выхода стада. Палец правой руки на пусковой кнопке... Ждём...

Солнце в лёгкой дымке поднимается из-за спины слева. Свет очень мягкий, рассеянный. То, что надо.

Где-то в половине восьмого появилась первая семейка с двумя молодыми козлятами.

Постояв на вершине скалы несколько минут, внимательно оценив обстановку, самка, прыгая с карниза на карниз, спустилась метров на 30 вниз. Горалята в точности повторили все её прыжки.

И почти след в след.

Я успел снять один приличный план мамыши...

Самец же не последовал за семьёй. Он почему-то напрягся и развернулся в сторон}' наблюдательной вышки, где снимал Каледин. Что-то внезапно явно обеспокоило животное.

Насторожилась и самка с детёнышами. Горалята перестали щипать траву. Замерев и прижавшись к скале, они не сводили с матери глаз.

Самец, между тем, что-то высматривал и, видимо, принюхивался. Я осторожно повернул турель, чтобы более длиннофокусным объективом снять напряжённую позу горала, но нажать кнопку мотора не успел. Самец издал резкий звук опасности, быстро развернулся и сиганул прочь. В две секунды самка с горалятами взлетела наверх, и вся семейка исчезла из поля видимости.

- Эх, что-то не так пошло, - раздосадованно сказал Саша. - Что-то или кто-то спугнул самца. Явно, не тигр и не волк. Они людей боятся. Обходят стороной. А человека горал подпускает метров на 500, на предел выстрела браконьера.

mirknig.com

- Что, и тут, в запретной зоне, на горалов охотятся?

- Бывает... Пробираются и в заповедник. Рога горала и мускусные железы в Китае ценятся больше, чем золото. А любители нажиться на природе всегда находятся. Так, будем выяснять, что случилось. Ждать возвращения горалов бесполезно. Несколько дней они сюда носа не покажут. А может и недель.

Саша вытащил из большого нагрудного кармана фальшвейер, дёрнул над головой торчащий шнурок - красная ракета с шипением взмыла над скалами Абрека. Это был условный сигнал окончания работы. По нему Каледин с ассистентом Валерой Гибнером должны были помочь нам вытащить наверх аппаратуру и подняться самим.

Через час мы были у наблюдательной вышки. Каледин практически тоже ничего снять не успел, только план выхода горалов на вершину Абрека.

Саша внимательно посмотрел на оператора и спросил:

- Курил?

- Нет. Как можно, ты же запретил.

- Странно... Очень странно...

И тут, буквально в метре от вышки, Саша заметил вмятый в землю каблуком сапога окуроч. Это был хабарик "Беломорканала". Именно эти папиросы, и никакие другие, только и признавал Каледин.

"Беломорканал" ещё с довоенных времён завоевал себе славу самых крепких в Европе, если не в мире, папирос из-за чудовищного содержания в табаке канцерогенных, пахучих смол - 30 миллиграммов в одной папиросе.

Папиросы эти, по задумке производителей, должны были напоминать людям крепость карельских скал, сквозь которые сотни тысяч доходяг, измученных голодом и холодом узников Гулага, за двадцать рекордных месяцев кайлом, кувалдой и лопатой пробили канал длиной в 227 километров. Панамский канал длиной в 80 километров, к примеру, строился 20 лет с применением всей мощи технических средств.

Саша пальцем подковырнул окуроч, очистил от земли и показал оператору:

- В наших дальних краях ленинградский "Беломор" не продаётся. Да, ребята... Ну ладно, это моя работа. Но вы-то на кой лях пёрлись сюда с аппаратурой за тысячи километров, чтобы вот так втоптать все наши старания и усилия не в грязь - так в землю, наплевать на мои слова ?!

Саша был жутко расстроен. Я не знал куда деться от стыда. Помню, что тогда довольно резко сказал своему оператору:

- Сергей, как только доберёмся до Владивостока, немедленно отправишься в Ленинград. С работой справимся без тебя... Извини, Саша, если можешь.

- Да ладно, - огорчённо махнул он рукой. - Чего теперь волосы на голове драть. Я думаю, оставаться нам здесь бессмысленно. Возвращаемся в Терней, на базу. У вас есть на студии музей?

- Есть.

Саша аккуратно завернул окурок в бумагу и протянул его мне со словами:

- Вот, посчитайте теперь, во сколько обошлась вам эта экспедиция: самолёт, гостиница, транспорт, зарплата, суточные, впустую потраченное время... Поместите в свой музей этот экспонат и напишите: самый дорогой окурочок. Цена ему столько-то тысяч рублей.

При этом разговоре Каледин даже не покраснел. Ни одного слова извинения мы от него не услышали. Наоборот, он преспокойно вытащил свою пачку "Беломорканала", наработанным лёгким щелчком лихо выбил папиросу и демонстративно закурил.

Больше мы с Калединым на тропах кинопроизводства никогда не пересекались.

Но при разборе "полётов" у начальника производства от оператора досталось и мне: что методы моей работы на износ аморальны, что он не намерен вставать ни свет, ни заря и без завтрака тащиться в горы ещё два часа, потом сидеть в засаде, практически не двигаясь, и кормить своей кровью комаров. Много чего ещё было сказано в мой адрес...

Да, каюсь. Не до обедов и завтраков было порой. Да, у нас не было тогда сеток от комаров. Да, спать нужно было в

неудобных спальных мешках.

Но ведь все мы были в одинаковых условиях, все знали, что едут не на дальневосточный курорт на берег Японского моря, а в небезопасную тайгу Арсеньева и Дерсу Узала с комарами, тиграми и энцефалитными клещами.

Кстати, от клещей нам пришлось каждому сделать по три довольно болезненные специальные прививки.

Что говорить, разный народ работал на студии. Разный. И потому учился и я находить консенсус с подчинёнными, но и обжигался не раз.

А что же с не снятым эпизодом? Выручил мой товарищ, режиссёр Юра Климов. Два года назад ему удалось снять горалов в другой части Дальнего Востока, в Лозовском заповеднике. Юра разрешил взять фрагменты из своей картины "Приморская тайга".

Эти перемонтированные кадры и спасли меня.

ГЛАВА 27

СЕКРЕТНОЕ МАСЛО ОКБ-122 И "ТАЙНЫ" БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА

Буквально через несколько дней после нашей радиосвязи с островом Хейса, Ефим под расписку вручал членам нашей киностудии дефицит из дефицитов - новёхонькие комплекты спецодежды, пошитые для полярников и зимовщиков Антарктиды.

Каждый комплект включал в себя нежнейшее хлопковое нижнее бельё, носки, рейтузы и свитер из верблюжьей шерсти.

Дальше шли утеплённые ватные комбинезоны на лямках, такая же длиннополая куртка с капюшоном, шерстяная вязаная маска на голову по шею, с вырезами для глаз и рта.

На всё это шикарное одеяние сверху, на удивление легко, натягивался ветрозащитный голубой комбинезон из тончайшей искусственной ткани, напоминающей капрон. Завершали комплект меховые двупалые рукавицы и, конечно же, традиционные для северян, удобные в носке унты и кожаные мягкие сапоги, выстланные внутри мехом.

Всё это богатство мы развезли по домам, чтобы к отлёту подогнать под себя: где-то подогнуть, где-то подкоротить, где-то укрепить добавочным швом или "липучкой".

Цех съёмочной техники подготовил нам три комплекта ручных кинокамер "Конвас-автомат": два аппарата для подводных съёмок и один для природы.

Всю аппаратуру пришлось разбирать до винтиков, тщательно снимать керосином стандартную смазку, которая уже при морозе в 25-30 градусов превращалась в густую массу и заклинивала работу камер.

На одном из военных аэродромов под Сиверской несколько лет назад техники подарили мне небольшой пузырёк с тогда ещё совершенно секретным маслом под кодом ОКБ-122.

Точка его замерзания была ниже 70 градусов.

Как и для кино, проблема со смазкой была и у лётчиков военной и особенно Полярной авиации. Полярная авиация обслуживала не только Арктику, но и все советские Антарктические станции.

Надёжная и часто единственно возможная воздушная связь между ними порой прерывалась на несколько месяцев. Но совсем не из-за того, что наступала антарктическая ночь.

Всему бедой был жуткий холод. Например, на внутриконтинентальной советской станции "Восток", которая находится буквально в точке Южного магнитного полюса, температура зимой минус 60 градусов - практически норма. Здесь же, в зиму 1983 года, ртутный столбик опустился до отметки минус 89,2 градуса.

Дышать при таких экстремальных условиях совершенно невозможно. Даже якутские лайки с сибирского "Полюса холода" Оймякон здесь не выживают.

mirknig.com

Пасует и техника.

Уже при температуре минус 60 градусов полёты самолётов становятся смертельно опасными - замерзает масло в моторах.

Вот почему эту баночку с волшебным маслом ОКБ-122 я хранил как настоящее сокровище. Теперь и ему пришёл свой срок.

Надо отметить - эта суперсмазка не подвела. Ни разу, ни одну нашу камеру мороз не заклинивал. Аппаратура работала надёжно, как дорогие швейцарские часы ручной сборки.

Так же тщательно была подготовлена и испытана вся подводная аппаратура. На месте что-то доводить до ума будет уже некогда.

(Пока эта книга готовилась к печати, из Антарктиды пришло сенсационное сообщение - в районе японской станции "Купол Фудзи", которая находится недалеко от российской станции "Восток", 8 декабря 2013 года температура упала до минус 92,2 градуса. Это самая низкая температура из всех когда-либо зафиксированных на земле).

В столярном цехе студии мы заказали прочные деревянные ящики с большими номерами на каждом. В них тщательно упаковали водолазные костюмы, акваланги, осветительные

приборы, инструмент для оперативного ремонта, капроновые фалы разной толщины. В общем, всё необходимое для работы.

Набралось немало - 15 тяжелых ящиков. Вместе с привезённой с завода "Севкабель" огромной катушкой кабеля и весом наших тел получалось почти три тонны.

До Диксона одним рейсом нас спокойно забрасывал транспортный самолёт АН-32.. А вот с Диксона до Земли Франца-Иосифа уже требовалось три рейса знаменитым, надёжным тружеником Севера - ИЛ-14.

Итак, мы были готовы к вылету. Осталась последняя формальность - получить необходимые печати для въезда в пограничную зону. Практически полёт в любую точку страны выше Северного Полярного круга требовал в те годы разрешения Пограничной службы, которая входила в ведомство КГБ.

Эта мнимая секретность с довоенных времён, когда осваивался и отстраивался портами Северный Морской путь, была полным анахронизмом.

Огромный штат лейтенантов, капитанов, майоров за немалые деньги сидел в городах и посёлках страны, строжайше выполняя устаревшие инструкции. Нам, например, на все воздушные съёмки требовалось письменное разрешение местного органа КГБ. С крыши дома снять панораму деревни - проблема. Как же - точная азимутальная привязка местности для вражеских ракет.

Вы, читатели, наверняка скажете: что за чушь такая, снимали бы без всякого разрешения. Не могут же органы к каждой киногруппе своего смотрящего приставить. Так-то оно так. Снять могли. И снимали порой, когда был не просто удачный кадр, а кадр - сказка!

А вот оставить этот материал в фильме удавалось редко, с надеждой на русский авось.

Едва закончив работу над фильмом, мы должны были везти его на просмотр военному цензору с монтажным листом - подробным описанием каждого плана фильма с точностью до одного кадра. А каждый кадр - это всего лишь 16 миллиметров плёнки.

У цензора огромные талмуды на все случаи жизни: это нельзя показывать в сельском хозяйстве, это - в фильмах о геологии. А вот тут у вас новый отечественный станок с программным управлением снят, а где разрешение Первого (по сути - секретного) отдела предприятия?

И это вместо того, чтобы гордиться таким оборудованием, всячески рекламировать его и продвигать на рынки мира. Это реальная валюта для страны, на которую можно купить то, чего у нас не производят.

Оказывается, нельзя. Как же, подобное - сознательный подрыв научного и экономического могущества Советского Союза и его независимости от загнивающего Запада.

После детальной сверки изображения в фильме с монтажным листом, на каждой его странице ставился специальный штамп: - **Проверено**

Только после этого картина могла выйти на экраны.

Но нередко бывали случаи - из-за мнимой секретности заставляли убрать или переснимать целые эпизоды...

Потенциальные противники СССР со своих военных орбитальных и геостационарных спутников уже много лет в режиме непрерывного наблюдения получали всю необходимую информацию вплоть до номеров машин на дорогах страны. А нам всё ещё говорили: - Ни-з-з-я! -

Дело порой доходило до курьёзных ситуаций. Чтобы разъяснить их абсурдность, я вынужденно возвращусь к тому же Беломорско-Балтийскому каналу. Очень меня это задело тогда. По картине "Белое море - не белое пятно" нам нужно было снять прохождение судов через шлюзы этого канала и выход их в море.

Уже на первом же шлюзе в городке Повенец, о котором строители - заключённые говорили: - Повенец - тут и свету конец -, произошёл ступор. Начальник шлюза, мужик вполне адекватный и любящий кино, огорчённо развёл руками:

- Да я вас, ребята, на любой проходящий корабль подсажу. Но я должен в папку бумажку подколоть, что вам разрешены съёмки канала.

Я же такое распоряжение сам дать не могу. Для этого

есть специальный уполномоченный. И сидит он не в Медвежьегорске, в Управлении каналом, а почему-то в Кандалакше. А это от нас 500 вёрст по железной дороге. Хотя понимаю, в Кандалакше жить удобнее - город большой, снабжение получше.

- Ну что ж, - говорю, - это правда, - без бумажки в нашей стране человек, и впрямь, букашка. Дело привычное. Надо ехать в Кандалакшу.

Отправляемся туда с директором фильма. В местном отделении КГБ состоялась вполне доброжелательная беседа с офицером в штатском: кто мы, с какой киностудии, что снимаем. Проверил документы, куда-то позвонил, с кем-то что-то согласовал и выдал бумагу с разрешением съёмок по всей трассе канала, но с одним условием: не показывать ширину шлюзов канала и его самого в самых узких местах.

За несколько лет до войны для укрепления Северного флота с заводов Ленинграда по каналу в условиях строжайшей секретности перегоняли тральщики, торпедные катера, новейшие дизель-электрические подводные лодки типа "Декабрист" водоизмещением 900 тонн и длиной 76 метров.

В основном, именно для этих, военных целей, а не для перевозки мирных грузов, как тогда освещалась советской прессой необходимость строительства канала, подручные Сталина загнали на строительство "Беломорканала" сотни тысяч заключённых.

По ширине канала и длине шлюзов можно было определить типы всех военных кораблей, которые способны сами пройти по каналу или могли быть перевезены на специальных баржах. На 19-ти шлюзах этого сооружения было около сотни уникальных, но очень дешёвых технических решений, которые советская власть решила тщательно охранять и скрывать. Вот для чего были разработаны специальные инструкции вплоть до такой (излагаю в упрощённом виде со слов капитанов, с которыми впоследствии не раз прошёл по этой водной системе):

- Во время прохождения судном шлюзов в рубке должны находиться только рулевой и капитан. Все окна в каютах и кубриках должны быть задраены и закрыты светонепроницаемыми шторками. Никто не должен находиться на палубе.

Ну, и так далее, в таком же духе.

Так вот, эти давно устаревшие инструкции, за нарушение которых в сталинские времена можно было реально схлопотать тюремный срок, и в 60-е, и в 70-е годы никто отменять не собирался. А может, просто забыли об их существовании. Но раз не отменены - они действовали.

Вот и мы получили такое предписание.

Я перед поездкой, конечно, проштудировал некоторый
mirknig.com

материал о канале и, убирая разрешение в кейс, решил подколоть сотрудника органов:

- А знаете, в популярной литературе о канале точно указаны размеры Беломорских шлюзов: длина 135, ширина 14 метров, глубина после реконструкции 5 метров.

Кому надо - достаточная информация для выводов.

На каскаде шлюзов построено 5 электростанций. Могу точно сказать, какой мощности каждая. Напор воды на южном склоне канала 69 метров. На северном 103.

Что касается грузов - пропускная способность чуть больше двух миллионов тонн в год. К чему все эти игры в секретность ? Враг не дремлет?

- Враг всегда не дремлет, - с улыбкой, но назидательно погрозил нам пальцем уполномоченный. - А бережёного Бог бережёт. Отменяют инструкцию - снимайте, ребята, сколько душе угодно и где угодно.

Отменили всё же эти инструкции по каналу, кажется, в конце горбачёвской перестройки или в самом начале ельцинского безумия, когда новейшие крейсера и подводные лодки начали безжалостно резать на металл.

Какие тут секреты, если чуть ли не всю советскую заграничную агентуру с явками и адресами официально выдали западным спецслужбам, а новейшие технологические разработки с чертежами и расчётами за бесценок (нужно было спасать семьи буквально от голода) распродавали всем, кто мог заплатить?!

Сегодня по Беломорско-Балтийскому каналу, через карельские озёра дивной красоты, на белоснежных круизных судах возят из Ленинграда и Москвы иностранных туристов в жемчужину русского севера - к святыням Соловецкого монастыря. Музыка играет, щёлкают фотоаппараты, видеокамеры и снимающие телефоны у каждого. Прекрасный отдых... Весело... По-русски: лепота! Всё, кажется, разрешилось на благо людям.

Но не отпускает меня канал и сегодня. Исторические повороты непредсказуемы, но накрепко связывают прошлое с настоящим, и их специально не придумаешь.

Читаю, недавно сообщение: - Компания "Донской

mirknig.com

табак" начала выпуск папирос "Беломорканал" в новой упаковке - в красивых металлических коробочках со схемой канала. В коробке 18 папирос, цена 2 доллара. Папиросы будут продаваться в магазинах системы Дьюти Фри и для иностранных туристов на круизных судах.

Поинтересовался: если папиросы в основном для иностранцев, будет ли в коробочку вложена хотя бы краткая памятка об истории строительства канала. Коли плывут по нему - пусть знают: кто строил, как строили, во имя каких целей...

Нет, ничего подобного производитель папирос не предусматривает. Пусть лучше туристы красотой канала любуются.

Ну, конечно, зачем иностранцам знать, что на дне и в стенах канала почти 200 тысяч заключённых сталинского ГУЛАГа своё последнее пристанище нашли.

Зачем им знать, что великий пролетарский писатель Максим Горький и 119 лучших представителей интеллигенции страны и мира, в числе которых были Алексей Толстой, Валентин Катаев, Михаил Зощенко, Бруно Ясенский, Вера Инбер, проплыв по каналу, сотворили величайшую (пользуюсь лагерным жаргоном) туфту: в 1934 году, к XVII съезду партии издали 600-страничную памятную книгу о великом, трудовом подвиге "каналоармейцев", о "'перековке" сотен тысяч уголовников, бандитов, воров и политических заключённых в полноценных граждан советской страны.

Ах, какая могла бы получиться памятка для папирос "Беломорканал" в суперновой упаковке!

Я бы начал её с высокого панегирика каналу Максима Горького, которого подручные Сталина отравили уже через два года после выхода книги.

Вот что писал автор нетленного "Буревестника":

- Канал прорежет Карелию от Белого моря до Балтийского и прежде дикий край заживёт культурно и богато. Карелия будет форпостом Советского Союза на границе с фашистской Финляндией.

Ещё в 1931 году советские пароходы шли 17 суток

mirknig.com

из Архангельска в Ленинград. Не слишком ли много, чтобы фактически преодолеть расстояние всего в 600 километров? Из Финского залива в Белое море нужно идти через зоны капиталистических государств.

Но достаточно рассечь каналом 240 километров камней и болот, чтобы открыть прямой путь.

Канал свяжет Балтику с северными морями, станет головным участком великого Северного Морского пути: Ленинград - Повенец - Сорока - Мыс Челюскин - Берингов пролив - Владивосток. Он открывает для Советского Союза новые экономические перспективы: хлеб, соль, нефть, металл, машины, рыба, апатит пойдут по каналу.

После Горького, на мой взгляд, в памятке обязательно должны идти воспоминания А. Аверченко о том, что ели и пили заключённые-каналоармейцы, коротко - ЗК. Вернее то, что показали писателям начальники и охранники БелБалтЛага.

- Я ошалел от увиденного достатка ударников стройки. На больших блюдах под прозрачной толщиной заливного лежали осетровые рыбины.

На узких тарелках купались в жире кусочки теши и сёмги, балыка... Большое количество тарелок было завалено кольцами колбас, свежайшей ветчиной, сыром. Пламенела свежая редиска...

По словам Аверченко, вырисовывалась даже не своеобразная Потёмкинская деревня, а по-настоящему райская жизнь заключённых. Короли так не питались.

И подобную "лапшу" цвет советской интеллигенции беззастенчиво повесил на уши своему народу и западному миру. Раз так, продолжим нашу памятку воспоминаниями тех, кто сам прошёл школу перевоспитания БелБалтЛага, поясним, чем в действительности кормили своих узников сталинские сатрапы.

Из дневника заключённого Фимы Жиганца:

- В язык каналаармейцев очень быстро вошло словечко "аммонал", обозначающее 400-500 граммов хлеба - пайку в суточном рационе заключённого, в который входила ещё небольшая миска супа - жидкая баланда из морской капусты или, в лучшем случае, из совсем протухшей рыбы.

Вообще-то "аммонал" - это взрывчатая смесь аммиачной селитры, алюминиевого порошка, угля, парафина и

mirknig.com

других добавок. Аммоналом раскалывают крепчайшие скальные массивы. Арестантское же племя назвало пайку "аммоналом" по двум причинам. Первая: хлеб этот по виду и впрямь напоминал брусок аммонала, был отвратительным на вкус и по цвету.

С другой стороны, употребление этой подобной пластилину смеси (её можно было разрезать только мокрым ножом) приводило к страшным, нестерпимым болям в желудке и жуткому кровавому поносу - желудок при этом изнутри буквально взрывался с соответствующими звуками, которые ни ослабить, ни приглушить было невозможно.

К словам Фимы Жиганца я бы добавил несколько строчек из воспоминаний, например, Д. **Витковского** - сидельца лагеря СЛОН - Соловецкого лагеря особого назначения.

СЛОН в начале 1932 года в полном составе отправили

КАНАЛОАРМЕЕЦ

из "рая" в "ад": с лесоповала Соловков (здесь за несколько месяцев непосильного труда и голода человек превращался в инвалида-доходягу), на строительство Беломорканала, где часто смерть была лучшим исходом в судьбе каторжанина. Вот живая картинка ежедневного трудового "подвига" заключённых, записанная ээком Д. Витковским:

-...После окончания рабочего дня по всей трассе

mirknig.com

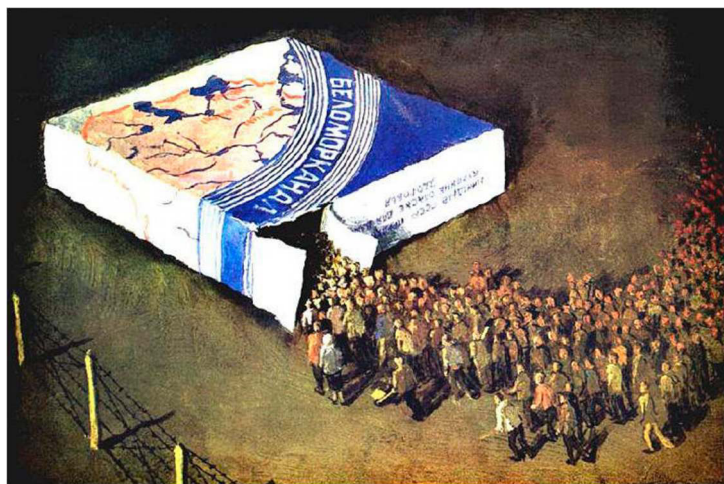
канала остаются десятки трупов. Снег запорашивает их лица. Кто-то скорчился над опрокинутой тачкой, спрятал обмороженные руки в рукава и так окошел весь. Кто-то застыл с головой, вобранной в колени. Там замёрзли двое, прислонясь друг к другу спинами.

Это - крестьянские ребята, лучшие работники, каких только можно представить. Их посылают на канал сразу десятками тысяч, да стараются, чтоб на один лагпункт никто не попал со своим батькой. Разлучают. И сразу дают им зимой такую норму на гальках и валунах, которую и летом не выполнишь.

Они по-деревенски отдают все силы, быстро слабеют - и вот замерзают, обнявшись по двое.

Ночью едут сани и собирают их. Возчики бросают трупы на сани с деревянным стуком.

А летом от неприбранных вовремя трупов - уже кости. Кости вместе с мелкой галькой смешиваются в бетономешалках. Так попадают они в бетон от первого шлюза в Повенце до последнего в Беломорске...

Страшно даже читать подобное.

А ведь сотни тысяч людей прошли через этот ад...

Закончил бы я информацию для иностранных туристов, (да и курящей обычный, дешёвый "Беломорканал" молодёжи

русской нужно пошире глаза открыть на истинную историю родной страны), четырьмя строками неизвестного мне поэта:

- Диск Луны над водою встал,
Поднимает волна ил...
Измеряется Беломорканал
Километрами из могил...

Ау, бизнесмены "Донского табака", готовы ли вы вложить в каждую коробочку нового "Беломорканала" подобную памятку? Если готовы, честь вам и хвала. При необходимости - обращайтесь.

Рад буду помочь в её составлении или хотя бы в сборе нужного материала. Причём, абсолютно бесплатно.

Возвращаюсь вновь к нашей экспедиции. Но вынужденно буду сходить с главной тропы повествования ещё не раз, поскольку считаю подобные отходы ручейками, которые постоянно подпитывают главное русло реки, не давая ей засохнуть. Даже маленькая, казалось бы, совсем незначительная история, порой может вызвать у человека душевный отклик, и он захочет узнать об этом событии больше. И начнёт сам копать, искать новые материалы...

Вот, с надеждой на это и пишу, опираясь на память и страницы своих дневников.

ГЛАВА 28

ЛЕДЯНОЙ "ПОГРЕБ" КАРСКОГО МОРЯ

Наконец-то все сборы и формальности закончены. 17 марта Ефим привёз из Большого Дома на Литейном наши паспорта с необходимыми печатями. Документы Максима Осповата вернули: он не сотрудник нашей киностудии, только временно прикомандированный к киногруппе. К тому

mirknig.com

же не имеет ленинградской прописки и, значит, должен все разрешения оформлять через свой Институт зоологии в Карелии.

К нашему отлёту на Землю Франца-Иосифа из Ленинграда, а он был назначен через пять дней, на 22 марта, Макс явно не успевал разрешить свою проблему.

Мы присовокупили к студийному грузу его личные вещи, снабдили деньгами на последующий проезд до Диксона и налегке, с напутствиями: - Догоняй, брат, как можешь, - проводили на Мурманский поезд.

Временное отсутствие Максима на архипелаге очень осложняло нашу работу - подготовка к основным подводным съёмкам, а это две-три недели, могла проходить и без его участия.

Но более значительная по срокам задержка нашего подводника-биолога могла остановить всю работу. К тому же крупные планы обитателей морского дна мы должны были снимать на поверхности, в специальных морских аквариумах - сделать это в естественной среде, да ещё на дне Ледовитого океана, практически невозможно. И тут без знаний и опыта Максима нам было не обойтись. Для этих целей в наших ящиках было тщательно упаковано всё необходимое оборудование его, уже испытанной Арктикой, аквариальной.

Легко сказать: - Догоняй, Максим.

На деле это было возможно только до Диксона. Только до него и можно было купить авиационный билет. А дальше - на острова Северного Ледовитого океана, где небольшими группами работали метеорологи, биологи, в общем, люди науки, никаких билетов никогда отродясь не было, как и регулярных, плановых рейсов авиации.

На полярные острова самолёты летали только по заказам министерств и ведомств. Тут уж кому как повезёт. Есть местечко, летят мимо - тебя обязательно прихватят, - таков неписанный закон северного братства.

А сколько ждать самолёта до нужной точки - тут даже Богу неизвестно. И ещё - непредсказуемая северная погода. Задует, заметёт, завоет арктическая пурга, когда из тёплого дома носа не высунуть, всё - сиди на печи, грызи калачи.

И сидели. Порой долгими неделями. Но всегда, рано или поздно, начинали летать самолёты Полярной авиации, находилась оказия.

К тому же, многие лётчики работали на северных трассах годами, в лицо знали большинство островитян и учёных. Никогда в беде не оставляли.

Нас предупредили: АН-32 - самолёт транспортный, грузовой. Полетим без комфорта. За бортом будет минус 35 - минус 40 градусов. Так что одеваться надо сразу по-северному.

С утра 22 марта всё экспедиционное хозяйство киногруппы - пронумерованные ящики, мы разместили в одном из ангаров грузового терминала Ленинградского аэропорта. Ровно в полночь из гостиницы прибыл экипаж нашего самолёта - пилоты отдыхали после рейса из Воркуты, а до этого они летали на Украину.

Увидев своих будущих пассажиров в новёхоньких полярных костюмах, (блатники какие-то, не иначе) экипаж заинтересовался конечной целью нашего маршрута.

Узнав, что будем работать на архипелаге Земля Франца-Иосифа, да ещё и проводить киносъёмки на дне Ледовитого океана, лётчики прониклись к нам полным доверием и попросили, по возможности, заказать их борт на обратный путь - интересно узнать, чем наша полярная одиссея закончится, что мы там, на дне океана, найдём и увидим. А если удастся, и за доброй кружечкой пива вместе посидеть.

Тщательно взвешиваем весь груз. Одна катушка кабеля потянула почти на тонну... Всего груза - 2850 килограммов. Командир делает соответствующую запись в журнале и удовлетворенно качает головой:

- Отлично, ребята. Топлива у нас под завязку. С вашим хозяйством без посадки спокойно дотянем до Амдермы. Там заправимся, ну и до Диксона останется всего полтора - два часа лёту. Так что днём 23-го будем на Таймыре. Грузимся, парни.

Четыре ходки электрокара до стоянки самолёта. Всё на борту. Катушку с кабелем погрузчик осторожно вдвигает в

чрево "Аннушки" плашмя. Крепим её накрепко к двум бортам прочными ремнями. Рассаживаемся на складных скамьях для десантников. Защищаем ремни безопасности. Командир показывает большой палец правой руки:

- Всё, ребята! Поехали!

В половине третьего ночи плавно взлетаем без особого надрыва двигателей и тряски на полосе.

Под нами безбрежный океан разноцветных огней, чётко просматривается 12-километровая строгая линия Московского проспекта... Поднимаемся выше, и облака постепенно закрывают прекрасную ночную панораму северной столицы. Теперь видим только чёрное небо с россыпью звёзд, которые, кажется, стоят на месте - так мала наша скорость в 500 километров в час по сравнению с масштабами пространства за бортом, где нет ни начала, ни конца.

До Амдермы шесть часов полёта. Ровный гул моторов не мешает - травим анекдоты, вспоминаем смешные случаи из нашей экспедиционной жизни. Где-то на полпути подкрепились горячим чёрным кофе с бутербродами.

Но усталость и напряжение прошедшего дня берут своё. Глаза самопроизвольно закрываются.

В наших костюмах тепло, чувствуешь себя как в мягком, уютном коконе. Теперь под ровный, монотонный, убаюкивающий гул моторов можно и поспать. Что мы и делаем, проваливаясь в тягучую дремоту.

Внезапно неприятный, кричащий и бьющий по нервам звуковой сигнал заставляет всех выйти из сонного оцепенения. Штурман открывает дверь пилотской кабины, кричит:

- Амдерма, ребята! Просыпайтесь. Через 15 минут садимся. Температура минус 27...

Солнце с правого борта через иллюминаторы заливает режущим светом весь салон.

Самолёт плавно разворачивается в сторону Карского моря. Летим между Европой и Азией, вдоль северных отрогов Полярного Урала - живописным хребтом Ной-Хой из чёрных базальтовых пиков.

Красота эта необыкновенная открывается летом. Я пролетал над этими местами, видел.

А сейчас ещё разгар зимы, сколько хватает глаз - снег, снег и снег... Только кое-где из-под него торчат чёрные точки особо острых вершин.

Береговую границу Карского моря определяем только по высоким силуэтам замерших до лета портовых кранов

Под крылом проносятся двухэтажные домики посёлка. Делаем крутой разворот над морем, и через минуты колёса "Аннушки" бодро побежали по бетонке арктического аэродрома.

Едва заглушили моторы - к нам уже подкатывает заправщик. Через задний грузовой люк выходим вместе с экипажем. Командир предупреждает:

- Через час взлетаем. Не разбегайтесь, хотя, впрочем, и некуда... Две тонны накачаешь? - это уже к водителю заправщика.

- Как скажешь, командир. Могу и все три. Перебоев с топливом у нас пока нет. Вот в Братске корешок по армии работает. Там да, просто беда. Свой нефтеперегонный завод, а пассажиры дальневосточных транзитных рейсов по несколько дней сидят. Нефти в стране - залейся, а керосина и бензина нет

Целину распахали, тридцать миллионов гектаров - зерно в Канаде покупаем. Куда всё девается? Сталина на нашу власть нет. Иосиф бы быстро порядок навёл...

- Навёл бы, да время его, видно, ещё не пришло. А сменщиков толковых нет, - не то с сожалением, не то с сарказмом подхватил разговор штурман. - Андропов вон пытался порядок навести - да Бог, видно, против был.

Тут, на севере, от Архангельска до Норильска столько лагерей наткано - на полстраны хватит барачных заборов из колючки. Подремонтировать слегка - и извольте: готовы к приёму! Всё для человека, всё во имя человека... Мудрый мужик был Некрасов. Далеко заглянул в грядущее России: "Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе"...

Откуда-то бесшумно вынырнул зелёный кузнечик - двукрылый "кукурузник", плавно приземлился и, круто развернувшись, покотился прямо к зданию аэропорта и замер буквально в нескольких метрах от его входа.

- Вот это VIP обслуживание! У вас что там, буфет с бесплатной едой и горячительными напитками? - с иронией спросил я водителя заправщика. - Ишь как пассажиры рванули в здание, чуть в дверях не застряли. Может, околели в полёте?

- Да нет, - усмехнулся он, плавно закрывая какой-то вентиль. - Это - по заявке трудящихся. Всем хорош малыш - "Антонушка". Да вот беда - швыряет его ветром в наших широтах, а туалета в самолёте не предусмотрено... Кому приспичит в полёте, даже по малой нужде - всё, деться некуда. А из дальних точек - три-четыре часа лёту без посадки... Если одни мужики летят - счастье. Второй пилот, может, смилуется: дверь откроет и на страховке постоит Главное, чтобы не против ветра... Ну, а коли пассажиры обоего пола - тогда терпи, сколько сил хватит. Зато после посадки доставят прямо к входу в "лечебницу". Вот как сейчас... Ну всё, командир. Ровно две тонны. Распишись, что принял.

... Мы снова в полете. Ровно гудят оба мотора. Летим выше облаков по прямой, вдоль берега Карского моря, к

Таймыру. Лица ребят покраснелись - слегка прихватил утренний морозец.

- Захарыч, - обратился ко мне Майер, - ты говорил, что бывал в Амдерме. Расскажи, что за местечко такое. Может, и не придётся больше посетить его.

- Да особо нечего рассказывать. Был я здесь пять лет назад, всего несколько дней. Заскочил по дороге в Норильск, - хотел снять сюжет для научного киноальманаха о местных флюоритовых шахтах, но не удалось. Законсервировали их.

-А-а-м-дер-ма-а-а... - протянул Майер. - Название какое тягучее... Напоминает плавный набег океанской волны на берег.

- Есть что-то похожее, правда. Но Амдерма в переводе с ненецкого языка означает - лежбище моржей. Здесь, на Югорском полуострове, их многочисленные гаремы испокон веков плодились и жир нагуливали. Места тут дикие, холодные. Амдерма на девяти холмах стоит, круглый год продувается вся океаном. Лёд в заливах и бухтах держится 8 месяцев и больше. Забивает их. Потому Карское море моряки не зря называют "ледяным погребом Арктики".

Самолёты, обслуживающие дальние и арктические трассы, обычно садятся здесь для дозаправки. Есть причал даже для крупных океанских кораблей, работает большой метеорологический центр с мощной радиостанцией, нефтегазоразведочная экспедиция, комплексная мерзлотная лаборатория. Вот о её работе и исследованиях Якутской мерзлотной станции хочу в перспективе отдельный фильм снять.

Сорок процентов территории нашей страны за Полярным кругом лежит, это зона вечной мерзлоты. Строить здесь что-либо, дороги прокладывать по отработанным технологиям средней полосы - гиблое дело. Мерзлота коварна и непредсказуема. Я видел под Норильском скрученные в узел железнодорожные рельсы - вот какой силой эта мерзлота обладает. Так что тут, в Амдерме, самое место для такой мерзлотной лаборатории. Её исследования всей стране нужны, как был нужен и флюорит. Его до начала тридцатых годов Советский Союз за границей покупал, пока

в этих местах северных отрогов Урала богатые подземные жилы не нашли.

Первая шахта в 1934 году заработала. Она и дала жизнь посёлку Амдерма. До него здесь только редкие чумы оленеводов да охотников на морского зверя стояли.

- Флюорит, что за зверь такой? Название знакомое, а для чего, для каких целей этот минерал нужен ?

- Вообще-то флюорит, или плавиковый шпат, мы со школьной скамьи знаем по урокам химии. Именно этот минерал, смешанный в определённой пропорции с серной кислотой, разъедает и растворяет нерастворимое - стекло, травит его.

Но больше всего плавиковый шпат нужен для металлургической промышленности. Его небольшие добавки в шихту руды значительно очищают металл, отделяя его от шлака.

Кристаллы этого удивительного минерала, который может быть любого цвета и любого оттенка, от ярко-жёлтого до нежно-голубого или абсолютно чёрного, геологи до сих пор называют "цветком земли". Даже при лёгком нагревании флюорит начинает светиться, меняя, как полярное сияние, свои нежные оттенки. За это редкостное свойство у астрологов, чародеев и магов флюорит стоит на первом месте среди всех камней и кристаллов.

Широко использовался флюорит и в народной медицине. Его удивительные лечебные свойства ещё десять веков назад хорошо знал Абу Али ибн Сина.

- Это врач Авиценна?

- Да, но не только врач. Авиценна написал сотни книг по геологии, математике, истории, философии, химии... А вот главным трудом своей жизни, он, действительно, считал трактат по медицине, который назвал "Книга исцеления". Много страниц посвящается в ней флюориту, который очень сильно воздействует на иммунную систему человека, резко стимулирует регенерацию клеток, особенно клеток кожи. Язвы, колотые раны, герпес, болезни двигательной системы - со всеми этими тяжёлыми недугами справлялись наши предки с помощью флюорита.

Забыли мы сегодня наставления Авиценны и других самородков "старины далёкой"... Химией себя травим. Композиты, смеси создаём, которых в природе нет. А раз в природе нет - надо сто, тысячу раз проверить и подумать, прежде чем для лечения использовать... Половина населения Земного шара уже аллергией страдает.

- Захарыч, ладно, не пугай. Лучше скажи, откуда ты все эти тонкости о флюорите знаешь⁹ Ты в семье геологов родился?

- Нет Друг у меня геолог. Большой специалист по редким минералам и цветным камням. Все горы страны облазит. От него и нахватался, когда решил первый раз Амдерму посетить. Вот ещё вспомнил.

В Древнем Риме самую дорогую посуду делали из флюорита. Цена небольших ваз доходила до ста тысяч динариев. А один динарий равнялся 4 граммам чистого золота - считайте, сколько такая вазочка стоила.

- Что ж ты раньше нам об этом не рассказал. Эх, не задержались мы в Амдерме, - шутливо стукнул себя по колену Майер. - Пошустрили бы в этих старых шахтах. Может, и нашли бы чего - кусок флюорита стоимостью в несколько килограммов золота. А то на нашу зарплату не разгуляешься. Сегодня получка, а завтра уже аванс ждёшь. Захарыч, Захарыч, плохо ты заботишься о материальном благополучии своих подопечных.

- Огорчу тебя, Саша: теперь такие кристаллы искать под землёй не надо. Научились искусственно выращивать. Довольно дёшево. Любых размеров и расцветок. Их в лазерной технике широко используют - можно получать лучи заранее заданного цвета.

Ну а где лазеры - там на первом месте армия... В головках самонаводящихся ракет специальные флюоритовые линзы - один из главных элементов. Вот что такое флюорит сегодня. И многое о его редкостных свойствах человеку, видимо, ещё только предстоит узнать.

Так за разговором об Амдерме и флюорите мы незаметно преодолели последнюю часть нашего маршрута. Мы подлетали к Диксону.

ГЛАВА 29

ПОЧЕМУ ПОСЁЛОК ДИКСОН НАЗВАН ИМЕНЕМ ШВЕДСКОГО МИЛЛИ АРДЕРА

В советские времена о Диксоне знал, наверняка, каждый школьник. Ещё бы - самый северный порт страны.

В газетах и на телевидении посёлок этот всегда называли только в превосходной степени: Северные ворота Сибири, Жемчужина побережья Карского моря, столица Арктики...

Насчёт жемчужины и столицы, конечно, явный перебор. Норильск - да, это похоже на столицу Севера, своеобразный маленький Ленинград. Особенно красив центр города, его Комсомольская площадь.

Но не о вполне цивилизованном, хотя и очень суровом Норильске, почему-то пела молодёжь страны, которая строила БАМ, высокогорные электростанции на Нарыне, обустроивала целинные земли.

Молодёжь пела о более приземлённом и простом: о геологах и запахах тайги, о Диксоне.

Знаменитая "Морзянка" в исполнении Владимира Трошина была одной из самых популярных песен:

mirknig.com

Поёт морзянка за стеной высоким дискантом.
Кругом снега, хоть сотни вёрст исколеси.
Четвёртый день пурга качается над Диксоном,
Но только ты об этом лучше песню расспроси.
Палатки звёздами мохнатыми усеяны,
Их дальний свет ты в своём сердце сбереги.
Я тоже мог бы рассказать тебе о севере,
Но лучше ты об этом песню расспроси.

Ну, насчёт палаток - это из области фантазий автора слов песни, некий художественный образ. Никогда, бывая на Диксоне, палаток не видел.

Какие палатки, когда ни деревья, ни кустарники здесь не растут... Ледяное дыхание Арктики выдерживают только мхи да лишайники. Правда, летом тундра ненадолго оживает. Над пробившейся травкой возвышаются головки пушицы и ярко-жёлтых полярных маков. Грибов и ягод хватает и людям, и зверям, и птицам.

Диксон - обычный, стандартный северный посёлок-труженик. Никаких архитектурных и строительных изысков. Все предельно просто и функционально: двух-трёхэтажные дома-коробки без балконов, ничем не мощённые улицы, трубы отопления над землёй в деревянных утеплённых коробах, чтоб от мороза не разрывались.

Зимой, когда посёлок заваливает снегом, по этим коробам ходят. Снег лежит более 9 месяцев в году.

Население - около пяти тысяч человек. Всё, что южнее Диксона, местные называют - материк. В моих записях есть страничка: **Рекорды Диксона.**

Вот они.

Самая низкая температура зафиксирована в феврале 1960 года - минус 52.

Самая высокая - в августе 1955, плюс 31.

Самая высокая скорость ветра - 40 метров в секунду. Это почти 150 километров в час.

Штилей практически не бывает.

Полярный день длится сто пять суток. Но солнца обычно не видно; чистых, ясных дней в году всего 26.

mirknig.com

Максимальное количество осадков выпало в 1970 году - 290 сантиметров.

Да, трёхметровый столб дождя и снега свалился тогда за год на головы жителей посёлка, почти два человеческих роста. И это не в тропиках, не в горах - на побережье Северного Ледовитого океана.

Вообще-то Диксон - не только сам посёлок. Это ещё и остров с одноимённым названием, отделённый от материка проливом шириной в полтора километра.

Остров Диксон - представляет собой довольно плоскую гигантскую, в 25 квадратных километров скалу, которая возвышается над океаном почти на 50 метров. Своеобразный гранитный "Титаник" в Енисейском заливе Карского моря.

На палубе этого огромного каменного "судна" построен современный аэродром, способный принимать даже большегрузные "Антей".

На острове расположены: Диксонское управление гидрометеослужбы, мощный радиоцентр и геофизическая обсерватория - служба погоды огромного сектора Арктики.

Здесь начинаются воздушные трассы на большие и маленькие метеостанции, разбросанные по островам и архипелагам Ледовитого океана.

С Диксона во все стороны постоянно уходят самолёты ледовой разведки, определяя наилучшие пути для ледоколов с караванами транспортных судов. Здесь штаб морских операций всего Западного сектора Арктики.

Остров Диксон со всей своей рабочей инфраструктурой, школой, магазином, жилыми домами - это западная часть посёлка.

В восточной, на материке, расположен самый северный порт России. Там же администрация посёлка, суд, больница, угольная ТЭЦ, казармы погранзащиты.

Есть даже небольшая картинная галерея.

Зимой остров и материк связывает расчищенная ледовая дорога. По ней ходят автобусы и гусеничные вездеходы.

Летом эту "дорогу жизни" обслуживает небольшой пассажирский катер.

В межсезонье бывают дни, когда из одной части Диксона в другую можно попасть только вертолётom.

Жить здесь можно, но климат, холод и мрак полярной ночи выдерживают не все. Север отбирает сильнейших. Этот генный материал даёт крепкое потомство.

На Диксоне немало людей, которые родились здесь и связывают своё будущее только с севером. Уходят в армию или уезжают учиться. Потом обязательно возвращаются.

И ещё. Если уж говорить о Диксоне как о столице, то это, бесспорно, настоящая столица Полярной почты. Письма, бандероли и посылки доставляются отсюда "методом сброса" на 76 больших и маленьких полярных метеостанций, раскиданных по безграничным просторам Ледовитого океана.

Теперь о самом названии - посёлок Диксон. Думаю, большинство людей, особенно на материке, никогда не задавались вопросом, а что означает Диксон. Слово, явно, не русского происхождения. Так оно и есть.

Диксон - фамилия человека, который никогда не был в этих местах.

Оскар Диксон жил в Швеции, занимался обширной торговлей и в 19 веке был самым состоятельным человеком этой страны. Гораздо богаче даже короля.

По нынешним меркам Диксон - миллиардер.

И если бы в те времена выходил журнал "Форбс", он, несомненно, занимал бы самые верхние строчки списка сверхбогатых людей планеты.

Современные российские олигархи, ограбившие свой народ, походя скупают во всех концах мира самые дорогие имения и замки,

Оскар Диксон.

строят для своей улады гигантские яхты .

Оскар Диксон и тогда мог позволить себе купить самый дорогой дворец мира. Но у него было лишь одно скромное имение под Стокгольмом.

Кроме занятия торговлей, Диксон строил и корабли. Самые прочные и самые современные с технической точки зрения. Строил не для себя. Для науки.

Оскар Диксон был членом Королевской академии наук. Его всепоглощающая страсть - исследование Севера. Ледники Гренландии, Шпицберген, Северный полюс - сюда, в эти неизвестные ледяные просторы, был устремлён его взор.

40 лет, до самого ухода из жизни в 1897 году, на его средства сюда снаряжались самые рискованные экспедиции и шли корабли с учёными на борту. 40 лет он финансировал науку изучения севера, поддерживал устремления молодых учёных. Диксон имел очень прочные связи с промышленниками и купцами русского севера. Он мечтал открыть постоянный торговый путь от берегов Скандинавии до устья великих рек: Лены, Оби, Енисея.

Такая морская дорога отвечала и устремлениям Российской империи, ибо давала широкий выход сибирским товарам в Европу.

Но лёд, лёд и только лёд был главным препятствием на этом пути. Казалось, мечта эта никогда не осуществится.

И всё же, год за годом, теряя суда, затёртые льдами, жертвуя жизнью, милью за милей отвоёвывал человек у Северного Ледовитого океана.

В 1875 года шведскому судну "Превен" впервые удалось пройти путь от Скандинавского полуострова до устья Енисея. Продвинуться так далеко на Восток за одну летнюю навигацию ещё не удавалось никому. Возглавлял эту экспедицию известный учёный Нильс Адольф Эрик Норденшельд.

Западнее устья Енисея Норденшельд обнаружил и нанёс на карту глубокую, подковообразную бухту, удобную для стоянки судов. Сама природа вылепила всё так, что её первооткрыватель написал в судовом журнале:

- Эта гавань - лучшая на всём северном берегу Азии и со временем будет очень важна для сибирской торговли.

Бухта была названа именем Диксона - человека, который профинансировал и благословил этот северный

mirknig.com

поход. Первые дома появились здесь летом 1915 года.

А 7 сентября заработала арктическая радиостанция, передавая по цепи других станций сводки погоды в геофизическую обсерваторию Петербурга. Этот день и считается днём основания Диксона.

Но никак не укладывается в голове: ни в посёлке, ни на острове, нет даже крохотной мемориальной доски с упоминанием имени Норденшельда. А ведь именно он, спустя буквально несколько лет, совершил во имя России, во имя науки свой исторический подвиг, сравнимый с открытием Антарктиды.

Норденшельд стал первым человеком в мире, который покорит Северный Ледовитый океан и прошёл путь от берегов Норвегии до Аляски. Сбылась мечта Ломоносова и многих поколений мореходов. Северный Морской путь был отвоеван у природы.

Сегодня два государства борются за некий приоритет.

Эрик Норденшельд.

Финны считают Норденшельда своим самым известным гражданином и покорителем Севера, шведы — самым выдающимся учёным Швеции всех времён.

Интересно, Россия с таким же успехом может заявить, что Норденшельд — плоть от плоти и её учёный, поскольку родился, вырос и закончил университет в Российской империи. Но почему-то не заявляет.

Вот я и хочу, в пределах моих скудных изысканий, посвятить Эрику Норденшельду несколько страниц этой книги, чтобы и ты, читатель, чуть-чуть расширил горизонт своих познаний и проникся уважением к этому, действительно, великому исследователю Арктики и полноправному гражданину сразу трёх государств.

ГЛАВА 29

ЭРИК НОРДЕИШЕЛЬД, АЛЕКСАНДР СИБИРЯКОВ И КАРТЫ ПТОЛЕМЕЯ

Адольф Эрик Нордеишельд родился в 1832 году в Гельсингфорсе - столице Великого Княжества Финляндского, которое после окончания русско-шведской войны (1808 - 1809 г.г.) вошло в состав Российской империи с сохранением своей Конституции и основных законов.

Он был третьим из семи детей в аристократической шведской семье Норденшельдов. Его родитель - Нильс Норденшельд считался отцом Финской минералогии.

Именно отец стал для Эрика главным учителем.

С юного возраста мальчик принимал участие в его тяжёлых и далеко не безопасных экспедициях. От природы очень острый и цепкий ум Эрика быстро впитывал в себя знания. Уже в 13 лет он научился находить и определять нужные образцы минералов, пополняя огромную коллекцию отца, находящуюся в их родовом имении.

mirknig.com

и еще - у них в доме была шикарная оиолиотека с книгами буквально по всем отраслям знаний. Чтение книг стало для Эрика лучшим времяпрепровождением.

Выбор жизненного пути был однозначен - только наука, безграничные просторы познания.

Поступив в Хельсинский университет, Эрик начал изучать математику, химию, геологию и минералогию.

В 23 года он издал свой первый научный труд. Это была крупная обобщающая работа, книга "Описание минералов, встречающихся в Финляндии".

Эрик Норденшельд получает докторскую степень. Казалось, дверь в большую науку для него открыта: его ждала профессорская кафедра в университете, прекрасно оснащённые лаборатории, интересные экспедиции.

Но молодой, новоиспечённый доктор Норденшельд в гражданском обществе Финляндии слыл "леваком" и при возведении в высшую учёную степень, обращаясь к общей истории Швеции и Финляндии, выразил надежду на более тесное укрепление связей между двумя странами.

А вот возможности Финляндии под властью России подверг тогда, скорее всего по молодости лет, некоторому сомнению.

Многие из присутствовавших на этой торжественной

церемонии далеко не разделяли мнение доктора Норденшельда, да и все свои самые выдающиеся научные достижения и открытия в недалёком будущем учёный без колебаний положит на алтарь России.

Но слово - не воробей, вылетит - не поймаешь. Генерал-губернатор Великого Княжества Финляндского граф Фёдор Фёдорович Берг потребовал от Норденшельда извинений.

Тот выбрал другой путь - просто уехал в Швецию.

И уж, конечно, никоим образом Норденшельд не собирался возглавить в другой скандинавской стране национальную оппозицию. У него и в мыслях этого не было.

Он просто хотел продолжить там успешно начатую научную карьеру. Дело в том, что у его отца в Швеции были очень крепкие связи, и Эрик своими знаниями и упорством быстро занял подобающее место в научной элите страны.

В лице профессора естествознания Густава Мосандера и пионера полярных исследований в Швеции профессора Свена Ловена молодой учёный приобрел своих покровителей и учителей. Они помогли ему устроиться в экспедицию Отто Торелла, которая направлялась для детального обследования и картирования западного побережья Шпицбергена.

Шпицберген, или Грумант - это не остров, как многие считают. Это полярный архипелаг в Норвежском море из одиннадцати гигантских островов и россыпи маленьких общей площадью больше 60 тысяч квадратных километров, самая северная часть королевства Норвегия.

Половину территории Шпицбергена занимают огромные ледники.

Во фьордах этого малоизученного архипелага Норденшельд

собрал уникальную коллекцию
окаменелых остатков
многочисленных растений
третичного периода.

Научная значимость его работы была столь высока, что во вторую экспедицию на Шпицберген Торелл назначил Норденшельда руководителем абсолютно всех геологических исследований и главным картографом. Уже в 1861 году научное сообщество Швеции

единогласно избирает 29-летнего Норденшельда в Королевскую Академию наук.

Он становится самым молодым её членом, а незадолго

mirknig.com

до этого получает весьма почётную должность заведующего огромным минералогическим отделом Национального музея естествознания, которую бессменно будет занимать 43 года, до самой своей смерти.

За несколько экспедиционных лет Эрик Норденшельд вместе с отцом собрал самую большую в мире коллекцию минералов Скандинавских стран, которая и сегодня является научной гордостью Швеции.

Не порывал Норденшельд и с родной Финляндией. Там по-прежнему работал его отец, там было его родовое гнездо. После смены генерал-губернатора Финляндии он мог посещать страну, когда хотел. В одну из поездок Эрик познакомился с баронессой Анной Маннергейм, которая стала его преданной супругой и путеводной звездой.

Анна была дочерью президента Надворного суда города Выборга графа Густава Маннергейма. Генерал-лейтенант Русской Императорской армии Густав Эмиль Маннергейм, будущий маршал и Президент Финляндии, приходился ему родным племянником.

Эрику Норденшельду не раз предлагали вернуться в родной Хельсинки университет, стать куратором физико-математического факультета.

Но он успел к тому времени подцепить опасный вирус - Эрик заболел севером, и работа в Национальном музее Швеции позволяла молодому учёному принимать активное участие во всех значимых полярных экспедициях.

Так третья шведская экспедиция на Шпицберген проходила уже под начальством самого Норденшельда. Главной её целью теперь было обследование южных и юго-западных частей архипелага и составление наиболее точных карт.

Всё было выполнено наилучшим образом, и это побудило правительство выделить Норденшельду корабль "София" для новых исследований Шпицбергена. Деньги на снаряжение и оборудование собрали шведские меценаты, близкие к Королевскому дому.

Среди них был и торговец Оскар Диксон. В лице Норденшельда Диксон нашёл человека, которому мог

доверить исполнение своей мечты - открыть торговый морской путь с русской Сибирью.

Начиная с этой экспедиции Диксон взял на себя большую часть затрат на все последующие путешествия и исследования Норденшельда.

В состав четвёртой Полярной экспедиции на Шпицберген вошли 8 учёных различных специальностей, в следствие чего и научные результаты её оказались весьма богатыми. А на острове Медвежьем, в районе которого промышляла китов Северная Гренландская компания, экспедиция открыла огромные залежи великолепного по качеству угля и собрала значительную коллекцию минералов.

Занимаясь гидрологическими промерами, учёные обнаружили на глубине 2650 саженей богатую активную животную жизнь, о которой прежде наука даже не подозревала. Да и сама глубина океана в этом районе впечатляла - больше шести километров.

Через два года Норденшельд возглавил новую крупную экспедицию. Но уже в Гренландию.

Кроме богатой ботанической коллекции учёные собрали редкостные окаменелости мелового и третичного периодов. Их изучение позволяло значительно расширить сведения об истории развития Земли в самые отдалённые времена и

подтвердить теорию Дарвина об эволюции животного мира, вокруг которой разгорелись отнюдь не мирные баталии и в учёных кругах, и между передовой наукой и служителями церкви.

На южном берегу гренландского острова Диско Норденшельда ждала вообще удивительная, непредсказуемая находка.

Будучи прежде всего геологом, он обратил внимание на странные, гигантские валуны чёрного цвета, не похожие на окружающие скальные породы. К тому же, поверхность камней была, явно, оплавлена. Неужели метеориты - посланники космических просторов?

Если да, то это сенсационная находка - три метеорита весом приблизительно в 500, 300 и 90 центнеров! Величайшие метеориты из всех найденных на земле!

- А как же знаменитый Чёрный камень в святой Мекке - родине Мухаммеда, поклониться которому ежегодно приезжают и приходят миллионы мусульман со всех концов мира? - наверняка спросите вы. - Ведь считается, что на Земле это самый крупный метеорит - весом почти 5 тысяч тонн?

Считается, но это заблуждение.

На самом деле Чёрный камень, предположительно метеоритного происхождения, состоит из трёх намертво скреплённых воедино частей площадью всего 15 на 20 сантиметров.

Обрамлённый в серебро, он вмонтирован на высоте полутора метров в гигантский обычный отполированный каменный куб, высота которого 15 метров. В периметре этот своеобразный постамент для святыни - 12 на 10 метров.

Такая глыба, действительно, весит около 5 тысяч тонн, но никакого отношения к метеориту она не имеет. Это журналистские бредни.

Камни, найденные Норденшельдом в Гренландии, были действительно очень похожи на метеориты. Они состояли почти из чистого железа, а содержание в них никеля было значительно больше, чем в любом известном минерале на земле.

Вот только непонятно, как эти огромные метеориты там оказались, почему отсутствуют гигантские кратеры, естественные для такого рода пришельцев?!

При столкновении же с Землёй метеорита весом в 50 тонн, могла произойти вообще вселенская катастрофа... Точного ответа на свои вопросы и сомнения Норденшельда тогда не нашёл.

Тайна гренландских находок Норденшельда была разгадана другими учёными несколько позднее. Благодаря тончайшим анализам, выяснилось, что эти камни всё же не имеют космического происхождения, но зато не менее уникальны для науки, чем метеориты - посланцы далёких миров Вселенной.

Оказалось, что эти "метеориты" представляют поразительное сходство с теми породами, которые образуют внутренность земного шара.

Во время формирования Гренландии чудовищная энергия Земли выдавила из её бездонных глубин волны подобной расплавленной магмы почти из чистого железа. Аборигены Гренландии держали в тайне местонахождение подобных камней. Оказывается, не умея выплавлять металл, из их осколков они делали железные наконечники для орудий охоты и ножи.

Исследования метеоритов, найденных в разных частях планеты, показали, что кометы состоят из тех же элементов и в большинстве случаев из тех же минералов и горных пород, которые мы находим на Земле и особенно в её глубине.

Спектральный анализ однозначно показывает, что те же земные элементы входят в состав Солнца, звёзд и туманностей.

Таким образом во всей Вселенной, всюду, куда только проник взгляд человека, мы наблюдаем полное единство материи. Так что изучение структуры валунов Норденшельда на острове Диско открыли человечеству новые горизонты в познании окружающего нас мира.

(Интересно, но одни самых крупных метеоритов на Земле были найдены всё же именно в Гренландии. Первый такой оплавленный камень весом больше 30 тонн обнаружил

в 1894 году близ мыса Йорк американский исследователь лейтенант Роберт Пири).

Планируя свои экспедиции, Норденшельд никогда не стремился превзойти остальных учёных в продвижении на максимально высокие широты.

Его целью всегда были глубокие естественнонаучные, археологические и этнографические исследования и тщательный анализ полученных результатов.

Казалось, ему удавалось всё без особого напряжения воли, сил и риска.

На самом деле это было далеко не так. Каждая экспедиция проходила в экстремальных условиях: ураганные штормы, обледенение судов, опасность быть раздавленными льдами.

Так в одной из полярных экспедиций глыба льда основательно проломила корпус корабля. Но экипаж не спасовал, не покинул судно на спасательных шлюпках.

Члены команды и учёные вместе решили сражаться за жизнь корабля и свои жизни до конца. Одиннадцать часов без перерыва и еды стояли они в ледяной воде, откачивая её из трюма. Пробоину удалось заделать, и через несколько дней корабль дошёл до ближайшего порта. Постоянно плавая в высоких широтах, изучая физику и динамику перемещения льдов и границы его сплошного распространения к югу, Эрик Норденшельд пришёл к однозначному выводу: при существующем уровне развития техники дойти до Северного полюса на корабле невозможно.

Однако он не ставил крест на попытке сделать это позднее, построив мощные суда, способные резать или крушить многометровой толщины лёд своим весом.

А пока таких кораблей не было, Норденшельд решил попытаться достичь манящего Северного полюса на санях.

В 1872 году он разбил зимний лагерь на оконечности Шпицбергена, ближе всего расположенной к полюсу

В качестве тягловой силы вместо собак Норденшельд впервые решил использовать неприхотливых и выносливых ездовых северных оленей. Но случилось непредвиденное. По недосмотру каюров, все олени сбежали из лагеря и отловить их не удалось.

"Пришла беда - отворай ворота" - гласит русская пословица. Два судна, которые везли в лагерь большую часть необходимого снаряжения и продуктов, накрепко застряли во льдах. Суточный рацион членов экспедиции Норденшельда был урезан до самого минимума. Началась цинга.

Трагическое положение шведов спас англичанин Ли Смит. Его шхуне удалось пробиться к стоянке Норденшельда и снабдить голодающих достаточным запасом продуктов.

Но временной шанс достичь Северного полюса был упущен.

После трагической смерти в снежную бурю одного из участников экспедиции, Норденшельд принял решение - оставить пока Северный полюс в покое и сосредоточить усилия на комплексном изучении этой части Шпицбергена.

В разных местах побережья экспедиция оборудовала три станции, которые вели широкие наблюдения в области

mirknig.com

метеорологии, астрономии, земного магнетизма и атмосферного электричества.

День за днём Норденшельд проводил точное картографирование береговой линии и близлежащих островов, изучал распространение и движение местных ледников, геологию этого района.

Экспедиция вернулась в Швецию с огромным и очень важным научным материалом, но главная цель столь дорогостоящего мероприятия - дойти до Северного полюса - не была выполнена.

Зато теперь наступило время повернуться лицом к России, к её безграничным северным просторам, к изысканию морского пути между портами Скандинавии и устьями великих сибирских рек.

Отец Норденшельда прошёл тысячи километров по северным сухопутным пределам Российской империи,

нанося на карты координаты открытых им месторождений руд и минералов. Имя его навечно вписано в историю

российской геологии.

Эрику предстояло увековечить своё имя в другом: сделать то, что не удалось осуществить выдающимся мореходам и землепроходцам прошлого: голландцу Виллему Баренцу, Семёну Дежнёву, Харитону Лаптеву, Семёну Челюскину.

Общаясь с норвежскими и шведскими охотниками и зверобоями, Норденшельд узнал, что их корабли не раз продвигались далеко на восток от островов Новая Земля, туда, где, по мнению учёных, лежат непроходимые ледяные поля.

- Раз такое возможно много севернее побережья, - предполагал Норденшельд, - значит, можно попытаться дойти и до Енисея, и даже до устья Лены.

Для пробной попытки пройти этот путь Оскар Диксон выделил ему свою лучшую парусную зверобойную шхуну "Превен".

Норденшельд не ринулся напролом через льды Карского моря. Он шёл очень медленно, наощупь, делая необходимые промеры глубин и навигационные измерения.

По пути, для уточнения карт и сбора геологических и ботанических коллекций, Норденшельд сделал научные остановки на Новой Земле, на острове Вайгач и полуострове Ямал.

15 августа "Превен" благополучно дошёл до устья Енисея и в восточной его части обнаружил великолепную бухту для стоянки, назвав ее "Порт Диксон", о чём вы уже прочитали выше в короткой справке о рождении посёлка Диксон.

На обратном пути в Швецию "Превен" без особого осложнения преодолел паковые льды Карского моря, благополучно прошёл через Югорский пролив, обычно до отказа забитый льдом, и вышел в Баренцево море, откуда до родных скандинавских берегов рукой подать.

Рейс "Превена" означал грандиозный прорыв в истории освоения Северного Морского пути. Но многие учёные и мореходы считали это плавание исключительно счастливой и крайне редкой случайностью, хотя сам

Норденшельд говорил:

- Будь у меня паровое судно, мы бы смогли дойти до Енисея на месяц раньше срока.

И он доказал свою правоту уже на следующий год.

Грузовой пароход "Имер", снаряжённый на средства Диксона, не только дошёл до Енисея, но и поднялся далеко вверх по этой могучей, глубоководной реке, дойдя до деревни Яковлевой.

Здесь он оставил заказанные товары для иркутского промышленника, щедрого мецената науки и образования Александра Михайловича Сибирякова, друга Оскара Диксона и партнёра по торговле.

Теперь Норденшельд был уверен: на паровом судне за одно лето, по свободным ото льда береговым водам Сибири, можно пройти от берегов Скандинавии до Берингова пролива и таким образом соединить морским путём два могучих океана - Тихий с Атлантическим.

Он считал: прогретые воды великих сибирских рек Оби, Енисея и Лены способны летом отодвинуть кромку льдов на сотни километров от их устья...

Следуя от одной реки к другой, зная глубины океана и гидрологические особенности побережья Сибири, Северный Морской путь проложить вполне реально.

Идею Норденшельда горячо поддержали значительными средствами король и общественность Швеции.

Огромные деньги на закупку всего необходимого для нового сквозного плавания по Северо-Восточному проходу выделили Оскар Диксон и А.М. Сибиряков.

Норденшельд хотел не просто пройти этот путь, а исследовать не известные до того огромные морские акватории, прилегающие в береговой зоне Сибири, используя все доступные технические средства.

Для этого в состав экспедиции были приглашены ведущие учёные: зоолог А. Стуксберг, ботаник Ф. Чельман, геофизик А. Ховгард (датчанин), гидрограф В. Бове (итальянец), врач Э. Альмквист.

Русское Географическое общество, исходя из того, что экспедиция вдоль северных берегов Евразии "представляет для нашего отечества высокий интерес", направило в экспедицию поручика русской гвардии лейтенанта Оскара Нордквиста.

Он стал не только прекрасным переводчиком при общении с коренными народами Сибири, но и принял самое деятельное участие во многих научных наблюдениях.

Норденшельда интересовало буквально всё: метеорология района, магнетизм, зоология, ботаника, палеонтология. Он мечтал собрать коллекцию водорослей Ледовитого океана и найти останки мамонта.

Правительство страны предоставило полярной экспедиции новый промысловый китобойный пароход "Вега" водоизмещением 357 тонн, сделанный из крепчайших пород Дуба.

Судно имело самую современную паровую машину мощностью 60 лошадиных сил, которая позволяла при полной загрузке двигаться по чистой воде со скоростью 7 миль (13 км.) в час. По тем временам весьма приличная скорость. На всякий случай "Вега" несла и полное парусное оснащение.

Запас продовольствия и тёплой одежды на 2 года. Офицерский состав и команда (30 человек) - отбирались по конкурсу, все опытные моряки шведского военного флота и

зверобои.

Перед походом Норденшельд собрал и тщательно проработал с коллегами всю возможную информацию о районах, которые предстояло пройти "Вега": карты, отчёты прежних полярных морских и сухопутных экспедиций.

В этом ему значительно помог меценат Александр Михайлович Сибиряков.

Сибиряков в России был передовым и очень известным человеком своего времени. Эту известность придало ему не богатство, которое он получил от отца и значительно приумножил благодаря врождённой предприимчивости и своим многогранным талантам. Александр Михайлович был дольщиком многочисленных золотопромышленных

А.М. Сибиряков.

компаний, владел большим стеклоделательным заводом и огромной, с новейшим оборудованием, писчебумажной фабрикой. По рекам Сибири плавали десятки его пароходов, развивая промышленный и экономический потенциал этой огромной части России.

Как умный, рачительный предприниматель Александр Сибиряков хорошо видел все факторы, которые тормозили развитие края.

С его помощью был основан и построен первый сибирский университет в Томске, оснащённый всем необходимым. Он выкупил огромную, в несколько тысяч томов, библиотеку В.А. Жуковского, которая стала основой одной из лучших университетских библиотек мира.

Сибиряков выделял именные стипендии лучшим студентам, открывал школы для детей народностей севера.

Но большую часть своего огромного капитала Александр Михайлович вкладывал в проекты по изучению водных путей, которые должны были упростить доставку

грузов из Сибири в европейскую часть России, на Дальний Восток. Ежегодно он снаряжал экспедиции, которые комплексно исследовали устья Печоры, Оби, Енисея, Лены, Амура и прилегающие к ним районы.

Все эти бесценные сведения, вместе с метеорологическими наблюдениями и подробными сводками о состоянии льдов на побережье Ледовитого океана в разные годы, Сибиряков передал Норденшельду.

4 июля 1878 года "Вега" при огромном стечении ликующего народа покинула Гётеборг.

1 августа судно без осложнений прошло пролив Югорский Шар и вышло в Карское море.

Несколько дней занял переход до бухты Порт Диксон, которой Норденшельд ещё три года назад предсказал мощное развитие в самом недалёком будущем.

Здесь он уточнил карты береговой линии и близлежащих островов, выполнил комплекс гидрологических измерений. 10 августа отправились дальше, к мысу Челюскина, который вопреки всяким опасениям, был благополучно пройден.

В конце августа "Вега" достигла устья Лены, где на её пути стали встречаться первые, пока ещё неопасные для мореплавания, льдины.

mirknig.com

Продвигаясь вдоль побережья всё дальше на восток, экспедиция ни на один день не прекращала научную работу, делая необходимые остановки, поэтому в Чукотское море судно входило в самом преддверии зимы.

До Берингова пролива, до главной цели плавания, оставалось ничтожных 222 километра, двое суток пути.

Но здесь, на мелководье восточной части залива Колючина, буквально рядом с берегом, "Вега" оказалась накрепко затёртой во льдах.

Стало ясно - придётся зимовать.

Всего несколько сэкономленных дней, затраченных ранее на науку, решили бы благополучный исход плавания этого года. Впрочем, Норденшельд предполагал такой поворот событий.

Суровая зимовка длилась девять месяцев. Почти год, 269 дней, "Вега" была открыта всем арктическим ветрам, подвергнута мощным подвижкам льда и в любой момент могла быть просто раздавлена им, как грецкий орех в

дверном проёме.

Но команда была едина и абсолютно во всём доверяла своему начальнику: никаких роптаний на судьбу, никаких тяжёлых заболеваний. Лучший лекарь - это чёткое расписание каждого дня, хорошее питание и работа...

Да, работа. При шквальном ветре, при температуре, падающей до отметки в минус сорок градусов.

Весь обширный район залива Колючин на Чукотском полуострове был абсолютно белым пятном на карте России.

Зимовка предоставила учёным полный простор для серьёзной исследовательской работы, изучению животного и растительного мира этого затерянного в безбрежных просторах Ледовитого океана уголка Земли.

В течение зимы Норденшельду удалось добраться до нескольких редких поселений на берегу Чукотского моря, в которых он собрал уникальный этнографический материал, щедро поделив его впоследствии между Россией и Швецией.

Только в середине июля следующего, 1879 года, лёд залива Колючин с трудом, нехотя, выпустил "Бега" из своих смертельно опасных объятий.

20 июля, миновав мыс Дежнёва, экспедиция вошла в Берингов пролив и направилась к берегам Японии.

Далее "Вега", обогнув Азию, через Суэцкий канал вышла в Средиземное море и по Атлантическому океану триумфально вернулась в Швецию.

По пути следования Норденшельда и его команду горячо приветствовали во всех промежуточных портах мира.

Успех плавания "Беги" был справедливо воспринят как **величайшая победа человечества над суровой природой Арктики.**

В ознаменовании этого события была учреждена очень престижная золотая медаль "**ВЕГА**", которой Шведское Королевское общество антропологии и этнографии

до сих пор ежегодно награждает лиц, внёсших значительный вклад в географические исследования.

Сам Норденшельд получил титул барона.

Весь научный мир считал его лучшим знатоком Арктики.

Успех исторического похода "Беги" вдохновил на новые полярные исследования выдающихся людей эпохи: Фритьофа Нансена, Руала Амундсена, Эдуарда Толля.

Норденшельд был первопроходцем и в другом. Обладая обширными знаниями о природе Земли, он выдвинул идею о создании заповедников и национальных парков для сохранения различных уголков планеты в их первозданном виде.

Завершив свои экспедиции, Эрик Норденшельд серьёзно занялся сбором и изучением древних географических книг и карт - делом, которое начал задолго до своих походов по изысканию Северного Морского пути.

Его коллекция карт и географических атласов насчитывала 24 тысячи подлинных раритетов.

Центральное место в них занимали уникальные карты, составленные в 15-м веке на основе трудов античного философа, математика, астронома и географа Клавдия Птолемея.

Вдумайтесь: Птолемей жил во втором столетии Новой эры, почти две тысячи лет назад.

Он написал десятки философских и научных книг. Его - **ГЕОГРАФИЯ** - была гордостью Александрийской библиотеки.

К ней Птолемей приложил исполненный на великолепной шёлковой бумаге подробный атлас Земли с указанием точных координат всех известных на то время городов и поселений Мира.

После смерти Норденшельда встал насущный вопрос о сохранности его уникальной коллекции.

Родственники хотели продать её по частям, поскольку купить собрание полностью было не по карману ни национальным библиотекам, ни крупным университетам Скандинавии даже в складчину.

***

Карта Белого моря XVII века из коллекции Норденшельда.

Средства на покупку и издание пятитомного каталога карт выделил российский император Николай II. Вся коллекция была передана в дар Императорскому Александровскому университету в Хельсинки.

Сегодня коллекция Норденшельда включена в программу ЮНЕСКО **"Память мира"** как уникальное сокровище мировой культуры.

Несколько лет назад Швеция, Финляндия и многие страны широко отметили 175-летие со дня рождения Э. Норденшельда: газеты, журналы, телевидение рассказывали о научном подвиге этого человека, его огромном вкладе в общечеловеческую культуру, на разных языках были переизданы его многочисленные книги об освоении суровой Арктики.

Государственный монетный двор Финляндии увековечил память Норденшельда выпуском специальной серебряной монеты номиналом в 10 Евро, которая сразу же стала желанным мировым раритетом.

На её аверсе великий швед, великий финн, а для меня ещё и великий россиянин - Нильс Эрик Норденшельд, крепко держит руль "Беги".

mirknig.com

На оборотной стороне - льды, льды и льды, уходящие за горизонт бесконечности...

Очень лаконичная символика: вопреки всем трудностям и опасностям, человек упорно идёт вперёд, прокладывая путь к новым знаниям.

К сожалению, в самой России человек, который проложил вдоль её берегов Великий Северный Морской путь и только одним этим уже прославил своё имя и в науке, и в истории мира, такой почести не удостоился.

О нём, кроме доклада в Географическом обществе, даже не вспомнили. Впрочем, удивляться нечему.

У России - непредсказуемое не только будущее, но и прошлое. Как только наступает период новой власти - история переписывается в угоду понятиям её главных "престоло начальников".

Уходят в небытие великие умы России. На сцене появляются пустобрёхи-политики, потерявшие в погоне за личным обогащением совесть и честь, служители церкви божьей не со словами прощения, утешения и любви к ближнему - с яростным, звериным оскалом нетерпимости к инакомыслящим.

Не до Норденшельдов им, не до Лаптевых и Седовых.

Но в тот мартовский полдень 1985 года, когда мы приземлились на заснеженную, промёрзшую полосу Диксонского аэродрома, всё в нашей стране было совсем, совсем иначе.

ГЛАВА 31

ВАТСОН, Я ТЕБЯ НЕ УЗНАЮ

Едва опустилась задняя, грузовая аппарель "Аннушки", и мы вышли на свежий воздух, к самолёту подлетел зелёный "Уазик" с нарядом пограничников в потёртых временах сибирских полушубках и автоматами на груди.

Что за честь нам такая - отдельный патруль?

mirknig.com

Старший лейтенант представился и спросил:

- Кто у вас главный, ребята? У кого документы?

Ефим открыл свой портфель, протянул пачку наших паспортов, "охранные грамоты" Госкино и Комитета по гидрометеорологии, командировочные удостоверения. Проверив все необходимые разрешения и печати, сверив для формальности наши физиономии с паспортными, офицер

ооратился к нам:

- Добро пожаловать на Диксон, удачного перелёта до Хейса и, естественно, успешных киносъёмок.

Наслышаны, что и под водой будете работать, - и уже обратился прямо к Майеру:

- У меня от командира разговор к Вам, Саша. Если не ошибаюсь, Вы старший водолазный специалист

- Ну и глаз у тебя, старлей. Глаз-ватерпас. Не обидишься, если на ты перейдём?

- Чего обижаться? Я не генерал. На ты даже проще.

- Отлично. Шерлока Холмса не с тебя писали? Как определил-то?

- Дедукция, Саша. Дедукция, - рассмеялся офицер - Да и служба наша такая - держи глаз остро. Запоминай, сравнивай. Вот я и запомнил, и сравнил - паспорт и командировочное с указанием должности. Так что, Ватсон, всё элементарно просто. Теперь по существу. Когда будете возвращаться?

- По плану где-то в середине - конце мая. Самолётом, если повезёт. А нет - придётся куковать до осени. Корабль-снабженец должен подойти.

- Ну вот, если повезёт, на Диксоне можете задержаться на несколько дней? Дело для вас есть. В свободное от работы время, разумеется. Но по договору.

- Ефим Маркович, - обратился Майер к директору группы, - как ты на это смотришь?

mirknig.com

- Задержаться-то всегда причина найдётся. Справку возьмём - погода нелётная. Это всё-таки Диксон, не Сочи... Проблемы не будет. А что за дело?

- Да в начале зимы у нас машина под лёд провалилась. С ценным грузом. Почти у берега. Метров 50 пройти оставалось. До неё два вездехода ГТТ проскочили - ничего, лёд выдержал. А тут... Такая напасть случилась. Пробовали мы её со льда тросами подцепить и потом тракторами вытащить. Промучились только, ничего не получилось.

- А глубина какая? - спросил Майер.

- Метров 30, не больше.

- Надеюсь, в кузове не снаряды⁹

- Да какие снаряды? Я же сказал - ценный груз. Ватсон, я тебя не узнаю. Ну какой для нас, северян, ценный груз? Понимаешь, у командира друг в снабжении работает. Вот у него и провалилась машина. Комиссия приезжала - не верили. ОБХСС тоже липы не нашёл.

Профессиональных водолазов нанимать? Машина вместе с грузом того не стоит.

Списали всё, конечно. Снабженцу строгаача вкатили по партлинии за халатность.

Но груз-то на дне лежит. Наверняка, целёхонек. Сто ящиков со "Столичной", по двадцать бутылок в каждой. Зачем столько Посейдону дарить? Может, поможете поднять? Посмотрите, как там и что?

Хотите, на заставу сейчас поедем. Там всё и обсудите.

- 30 метров - глубина для нас ерундовая.

Мы вам эти ящики за пару часов на верёвках оттуда поднимем. Бутылочки будут как из холодильника, со слезой. Закуску хорошую готовьте. И трос куда надо подведём, чтобы машину вытянуть.

Но не сейчас. Сейчас нам каждый день дорог. Командиру передай: вернёмся с Хейса, обязательно поможем. Без всякого договора - дело житейское.

- Ну спасибо, ребята, - пожал нам руки старший лейтенант. - Выручите - начальство в долгу не останется. А вот и машина за вами, наверное. Из Гидромете лужбы.

В отличие от Амдермы, погода на Диксоне была

отноудь не "ах". Дул ветер со снежной позёмкой. Причём, его довольно сильные порывы чувствовались то слева, то справа, то спереди, то сзади.

Определить направление ветра было просто невозможно.

Казалось, вся роза ветров Арктики одновременно обхватывает каменный корабль Диксона.

Тем не менее, ветер как будто и не мешал вовсе работе аэропорта: ровно гудели прогреваемые моторы, в два подготовленных к взлёту ИЛ-14 садились пассажиры, медленно обшаривала серое небо огромная антенна локатора.

- С прибытием! - выскочил из кабины подъехавшего открытого грузовика коренастый мужчина в куртке-аляске и меховой шапке и поздоровался с каждым за руку.

- Меня Фёдор Иванович звать. Я здесь полномочный представитель нашего министерства (по его просьбе имя и отчество изменены).

Приказано вас встретить, поселить в гостиницу и как можно скорее переправить на архипелаг.

У нас в конторе пока, как в армии: дисциплина и субординация. Ещё со времён Ивана Дмитриевича Папанина, начальника Севморпути.

Но дом, с нуля выстроенный Шмидтом и им, к сожалению, постепенно ветшает.

Хочу с вами на Хейса пятидесятилитровый бидон сметаны отправить - наличку не дают. А по "безналу" её купить нельзя. Ладно, что-нибудь придумаем.

Так, ребята, освобождаем по-быстрому самолёт и экипаж, грузим оборудование в кузов и перевозим его в ангар. Тут недалеко.

Нормальной выгрузке мешала катушка с кабелем, перегораживая весь выход из самолёта.

Без лишних слов мы напряглись, поставили её "на попа" и уже легко скатили вниз.

- Эту чушку-хрюшку пока оставьте. Я автопогрузчик пришлю. Он перевезёт.

За двадцать минут мы перегрузили в кузов все экспедиционные ящики, записали в телефонную книжку командира наши ленинградские адреса и, поблагодарив за полёт, тепло попрощались с экипажем с надеждой встретиться на обратном пути.

Лётчики решили переночевать не в аэропортовской гостинице, а на материке, где жил друг бортмеханика и где их ждал горячий домашний борщ и рукотворные сибирские пельмени.

Мы же направились к ангару, куда подкатила наша машина.

Через час шустрый Фёдор Иванович сдал нас дежурной по гостинице и сразу же уехал с Ефимом в отдел перевозок, чтобы определиться с переброской группы на остров Хейса.

ГЛАВА 29

ВЕЛИКОЕ ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ СИДЕНИЕ НА ДИКСОНЕ

Двухэтажная гостиница при аэропорте была, скорее, временным общежитием для тех, кто ждал оказии -

попутного рейса на острова и дальние прибрежные посёлки. Были здесь и те, кто прилетел на Диксон день-два назад, были и долгожители. Те мучились несколько

недель. Главное - не прозевать, не прошляпить фортуну: днём надо быть всегда на месте. Приземлится на заправку какая-нибудь внеплановая птица залётная с военными или учёными, найдётся у них местечко - хватай рюкзак и поскорее на борт.

Следы поспешного отлёта были налицо и в нашей комнате: незаправленные постели, стопка книг на подоконнике, повсюду журналы "Крокодил" и "Огонёк", пара рубашек и мужские трусы на верёвке, протянутой через всю комнату, пустые бутылки из-под вина в углу у двери.

На столе, рядом с коричневым эмалированным чайником, на расстеленной газете осталась неразрезанная буханка чёрного хлеба, вскрытая банка консервов "Частик в томате" и едва начатый круг Польской полукопчёной колбасы.

- Мадам, - обратился к сопровождающей нас пожилой женщине-дежурной Майер, - мы не ошиблись ли адресом?

mirknig.com

Каюта вроде занята?

- Да, не-е-е-т, хлопцы, - махнула та рукой. - Живите спокойно. Тут три геолога полмесяца куковали. Они на острове Ушакова работают. Да кто туда от нас летает⁹? Это ж даль такая... И Бог не знает, поди где. Им с Тикси бы сподручнее, да вот сюда по случаю попали. Часа два назад оказия случилась. Какой-то большой генерал из Москвы летел в ту сторону. Приказал: - Мигом на борт! - Вот и сорвались, черти. Хорошо, хоть штаны не забыли... Сейчас мы вам бельишко сменим, со стола уберём.

Саша Панин потрогал чайник: - О, тёпленький ещё.

- Может, еду-то и не убирать? - спросила женщина. - Чего в столовую по холоду переться⁹ Минус 26 на дворе. Кипяточку вам принесу, свежего чайку заварите. Поклюёте с дороги, что от прежних: жильцов осталось, да и спать. С Ленинграда - то путь не близкий. Чай, всю ночь летели...

- Ну, мать, и добрая у тебя душа. Оставь, если самой не нужно.

- Пока работаю - прокормимся. Никто в стране от голода не умирает. Тем более на Диксоне.

Мы быстро скинули с себя унты и полярную одежду, в которой были наглухо, как астронавты в полёте, запакованы почти сутки, и натянули лёгкие тренировочные костюмы. Как это было приятно вновь ощутить свободу тела.

Несколько разминочных, несложных упражнений быстро восстановили гибкость рук и ног - кровь стремительно разбегалась по протокам, венам и капиллярам, наполняя силой и кислородом все животворные клетки организма. Стало понятно: наша одежда хорошо защищает от холода, но работать в ней будет непросто. (Вскоре мы в этом убедились на практике).

Через час комната была чисто прибрана, железные армейские кровати заправлены свежим бельём, на общий стол выложены из рюкзаков оставшиеся домашние припасы: котлеты, жареная курица, солёные огурчики.

Едва Майер вытащил свою заветную фляжку с разведённым до 40 градусов спиртом, на пороге появился Ефим с нашим диксонским куратором.

- Я вижу, ребята, вы основательно обустроились, - удовлетворённо констатировал он. - Но Великого Галлиполийского сидения, как у русской Белой армии в Турции, у вас, не получится. Пока погода позволяет - надо лететь. Завтра первая партия, послезавтра вторая. Третьим рейсом отправим только катушку с кабелем и одного сопровождающего. Распределите общий груз так, чтобы по тонне на полёт. Будет больше - не взлетите.

- Фёдор Иванович, всё сделаем в точности, не сомневайтесь. А сейчас как раз к столу. Без всяких отговорок и шу-шу - добро пожаловать к нашему шалашу, - любезно подставил ему стул Майер. - У нас традиция: перед началом съёмок - по маленькой рюмашечке для смазки организма и настроя на тяжёлую работу.

Федор Иванович оказался нормальным, понимающим мужиком - потёр ладони с мороза, без церемоний закинул на крючок свою аляску и посмотрел на часы:

- Так, 10 минут седьмого, рабочий день закончился. Теперь можно и организм немножко смазать, используя вашу терминологию.

Интересно, чем на архипелаге будете смазывать - в обсерватории сухой закон. Спиртное по строгой норме только на дни рождений и по большим праздникам. Даже с вами передать приятелям не могу. Не положено.

- Знаем, Иваныч, знаем... Заранее информированы. Но мы же не алкаши закоренелые. Принимаем только для здоровья. По сто граммчиков с получки и аванса - совсем не грех. А в холод лютый - и сам Бог велел. К тому же, на нас запрет не распространяется. Мы на особом положении. По закону. Инструкция такая есть, как для моряков-подводников. Им красное вино каждый день положено: от радиации, от стресса в замкнутом пространстве.

Нам тоже врачи красное вино рекомендуют после работы в холодной воде. Мы из него глинтвейн варим. Для согревания лучшего средства нет. В запасе у нас тридцать литров прекрасного грузинского вина. К сожалению, всё тщательно упаковано и находится в багаже. Так что сегодня придётся обойтись рецептом любимого народом.

Нобелевского лауреата по химии Дмитрия Ивановича Менделеева.

А выпить предлагаю сначала за философа Вольтера. Он могикинин не только в вопросах философии, но и в понимании насущных потребностей личности.

Майер понемножку разливал из фляжки в наши подставленные стаканы "огненную жидкость" и продолжал:

- Так вот, великий Вольтер о глинтвейне сказал великие слова. Точно их не помню, но смысл передам: "Напиток, согревающий душу и тело. Он приводит в действие все извилины мозга, возрождает человека". Очень правильные и мудрые слова. А скандинавы, северные народы, с пелёнок знают, что горячий глинтвейн избавляет от болезней и оттягивает старость. От себя добавлю, что и русская Менделеевка в определённых дозах не хуже. Ну, вперёд, подводники-гардемарины.

Мы сдвинули стаканы... Приятное тепло растеклось по телу...

После второго захода фляжка опустела, да больше и не хотелось. Усталость тянула завалиться на кровать и предаться приятным объятиям Морфея.

- Спасибо за приём и угощение, ребята, - поднялся раскрасневшийся Фёдор Иванович. - Всё путём. Отдыхайте. Завтра сбор в девять утра у ангара. Самолёт подгоним прямо к нему.

Перед отходом ко сну, за хорошо заваренным индийским чаем "Три слона", мы составили график отлёта и по номерам ящиков определили примерный груз для каждого рейса. Первыми на остров Хейса для ориентации на местности отправлялись главные подводники: Майер и Игорь Юров. С ними директор фильма Ефим Фогель.

Со вторым рейсом - Володя Рулёв, оператор Саша Рачков и мастер на все руки, инженер-электрик Саша Панин. Я добровольно остался сопровождать самый драгоценный и неподъёмный груз - электрический кабель.

- Ну, Захарыч, если погода вдруг испортится и ты застрянешь на Диксоне, не горюй, - решил подколоть меня Ефим. - На материке есть женское общежитие. Там и

приласкают и накормят - только объявись. Это мне Фёдор Иванович на всякий непредвиденный случай рассказал. Хороший мужик, хозяйственный. Здесь у него всё схвачено. Так что не пропадёшь.

- Нет, Ефим, - шутливо погрозил пальцем Фогелю Майер. - Ты мне режиссёра не сбивай с пути истинного. Закончим съёмки, вернёмся на Диксон, поднимем машину с ценным грузом со дна Карского моря, - тогда и к девочкам пойдём такое событие отметить. Но смотри, узнает твоя Галина об этом походе - без глаз останешься, выцарапает их, чтоб на молодух не заглядывался.

Так, с лёгким, необидным трёпом, мы кинули жребий кому на какой кровати спать и, быстро разобрав постели, в считанные минуты провалились в глубокий сон...

ГЛАВА 33

ГРАЖДАНЕ ОБРАДОВАЛИСЬ РАНО

Утром погода не изменилась, солнце так и не вышло из серой пелены. Но это тягучее покрывало висело довольно высоко над океаном, и видимость была в пределах нескольких километров. Во всяком случае, большие и маленькие постройки на другом берегу пролива хорошо просматривались.

Ветер тоже немного стих - дым из трубы поселковой котельной не очень резко отклонялся в сторону. Пока нам везло. Погода была лётной.

Самолёт уже подогнали к ангару, командир сидел в кабине на своём месте и занимался предполётной подготовкой, бортмеханик осматривал узлы машины и шасси снаружи.

Майер с Юровым по приставной лесенке поднялись в самолёт.

Мы из ангара подтаскивали наши довольно тяжёлые ящики до его борта, под команду - раз, два, три - резко

mirknig.com

поднимали их до уровня двери, где ребята подхватывали груз и втаскивали в салон, ровно распределяя его по указанию второго пилота.

Вся операция погрузки заняла не более получаса.

Со своим огромным рюкзаком за плечами к Юрову присоединился третий отлетающий Ефим Фогель.

Механик самолёта напоследок не очень сильно, просто по традиции, видимо, попинал мягкими унтами покрышки шасси, и, напевая слова популярной песенки:

- Всё хорошо, прекрасная маркиза. Всё хорошо, всё хорошо! - поднялся в самолёт и уже оттуда, плавно закрывая дверь, крикнул нам:

- От винта, ребята. Ждите, к вечеру вернёмся.

Мы отошли от самолёта в сторону, дежурный по полётам оттащил на тросиках колодки из-под шасси и, став впереди машины, поднятым вверх большим пальцем правой руки дал добро запустить двигатели.

Резко чихнув, набирая обороты, сначала заработал один мотор. Через секунды заработал второй. Пропеллеры с яростью погнали из-под самолёта снежную пургу.

Основательно прогрев моторы, командир слегка отпустил тормоза. ИЛ-14, почувствовав мощь набранных оборотов, слегка подался вперёд, готовый ринуться в полёт. Но послушный воле человека, мягко покатил к свободной сейчас взлётной полосе.

В конце её самолёт круто развернулся против ветра, немного постоял, собираясь с силами, дал, наконец, полный форсаж моторам и помчался в сторону океана.

Плавно оторвавшись от земли, машина с некоторым надрывом набирала высоту и вскоре исчезла из виду, войдя в непроницаемую пелену серого неба. Постепенно стих и гул моторов.

- Дело сделано, - удовлетворённо сказал наш куратор.

- Погода по трассе хорошая. Будем надеяться, что и завтра, и, дай Бог послезавтра, никаких ЧП не произойдёт. Отдыхайте. Скоро столовая откроется. Не ресторан, конечно, но наши повара тоже готовят вполне прилично.

Так в действительности и оказалось.

mirknig.com

Мы плотно и вкусно пообедали, и по дороге в гостиницу решили заскочить в местный магазин прихватить что-нибудь на ужин.

К нашему удивлению в свободной продаже было несколько сортов колбасы, банки с тушёной, обилие импортных консервированных овощей и фруктов - всё то, что даже в нашем Ленинграде давно было традиционным дефицитом. А из столицы в близлежащие областные города, где мясом уже и не пахло, уходили так называемые "колбасные электрички".

Москва во избежание бунтов и народного недовольства (все революции начинаются со столиц) усиленно подкармливалась, выметая продовольственные прилавки всей страны.

Вот и приходилось народу из дальних и близких весей, где работали свои мясокомбинаты, за варёной колбасой и костями ездить в зажравшуюся столицу и выслушивать от москвичей обидные, незаслуженные обвинения:

- Понаехали тут. Как тараканы в магазины набились. Очереди из-за вас, ничего купить нельзя.

Да, это был уже близкий закат советской империи: трёхмиллионная армия, оцетинившиеся ракетами границы, десятки стран-нахлебников в Азии и Африке, неэффективное производство и всеобщий, развращающий пофигизм пожирала последние ресурсы страны.

Но Север пока ещё оставался стратегическим районом, был в зоне первостепенного внимания и поэтому сравнительно неплохо снабжался, хотя продавщица, заворачивая нам палку колбасы, посетовала:

- Вы удивляетесь, что у нас полукопчёная колбаса есть? Так не будет её - кто здесь работать останется. На одной местной рыбе не проживёшь. Но с каждым годом всё хуже и хуже становится.

Сначала Хрущ отпуска и полярки к зарплате урезал. Люди и побежали на материк. При Брежневе нам, правда, кое-что вернули. Но далеко не всё...

Мы попросили ещё буханку белого хлеба, пачку масла и пакет пряников.

Пока складывали продукты в прихваченную сетку и расплачивались, продавщица продолжала нас просвещать :

- Сейчас вот Горби прорвался к власти. Старые люди говорят:

- Меченый пришёл - быть беде .-

Не знаю, как у вас в больших городах, а у нас фамилию Горбачёв народ так расшифровывает: граждане обрадовались рано Брежнева Андропова Черненко ещё вспомните.

Горбачёв у нас кто по образованию - агроном, главным по сельскому хозяйству страны много лет был. А толку?

До него на Диксоне всегда были свежие овощи, фрукты, лимоны. Детишкам нашим это крайне необходимо.

А теперь что - одни консервы на полках. Да и те иностранные. Хотя нам грех жаловаться, по всей стране и этого счастья нет.

ГЛАВА 29

ТРИ МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ РАИСЫ ГОРБАЧЁВОЙ

К великому сожалению, наша собеседница была во многом права. При Горбачёве СССР бесспорно поднимал свой международный авторитет, но непродуманная, пресловутая "Перестройка" привела страну к полной анархии в экономике и умах людей, год за годом приближала нас к неминуемому коллапсу и гибели.

Пустые слова, за которыми не было никакого конкретного наполнения, лились рекой, и люди постепенно стали осознавать всю никчёмность для них горбачёвского словоблудия.

К тому же говорильня эта, полностью расходилась с реальностью. Большую часть времени проводя не дома, а за границей, Генсек, а потом и первый Президент СССР зарабатывал не только политический, но и вполне осязаемый материальный капитал.

Сначала, каюсь, и я поддался перестроечной эйфории: при раннем Горбачеве подул свежим ветром, размывая дух геронтологического Политбюро.

Генсек говорил по сути правильные слова. Замыслы его отвечали потаённым мыслям народа, чаяниям тех, кто вовсю костерил прежнюю власть на кухонных посиделках.

Но коли так, ты - слуга народа, должен первым показывать нравственную чистоту своих помыслов, дойдя до высот безграничной власти, быть образцом скромности в обыденной жизни.

Но Горбачёв оказался слабоватым мужиком, падким и на славу, и на блеск и звон золота.

Мало того, что он повсюду, где надо и где не надо, за государственный счёт с многочисленной охраной и свитой возил свою говорливую, драгоценную супругу - часто было непонятно, кто в стране вообще принимает решения: он или его жена.

mirknig.com

"Раиска - не только второе политбюро, но и к каждой бочке затычка," - так отзывался народ о Раисе Максимовне. К тому же Горбачёв, имея абсолютно всё, что досталось ему от прежних вождей, отгрохал себе на Чёрном море новую, не

хилую дачку в Форосе. Раиса Максимовна замучила строителей постоянными упрёками, придирадками и переделками.

Не гнушался глава великой страны и любой возможностью пополнить свои счета валютой. Чтобы не быть голословным, расскажу о том, с чем столкнулся сам.

В 1990 году КГБ, впервые за все 25 лет работы в кино, разрешил мне выехать в капиталистическую страну. До этого мне отказывали в съёмках даже на Советских Антарктических станциях, так как добираться в Антарктиду в те времена можно было только на судах, время от времени заходящих для пополнения пресной воды и свежего провианта в иностранные порты.

Так случилось, что этой первой страной стали для меня Соединённые Штаты Америки - главный политический и экономический противник СССР в годы продолжающейся ещё "холодной войны". По заказу нашего Министерства здравоохранения мы снимали в США документальный фильм "Здоровье американцев нашими глазами".

На всю работу в США - всего 10 дней, 4 города: Нью-Йорк, Вашингтон, Провиденс и Миннеаполис. Постоянные перелёты, съёмки в госпиталях, школах, ресторанах и магазинах, на стадионах и спортивных площадках, в семьях, в парках отдыха и просто на улицах: с 6 утра до глубокой ночи.

Это была, без преувеличения, работа "рабов на галерах" - повторяю любимое определение своей деятельности В.В. Путиным, нашим нынешним президентом.

Железный занавес упал, и простые американцы из среднего класса и рабочей среды, с которыми мы постоянно общались, увидели в нас не отравленных коммунистической идеологией монстров, а нормальных, похожих на них людей, со здравым мышлением и пониманием сложностей многополярного мира.

Но что меня поразило тогда - практически всеобщее и неумеренное восхищение американцев нашим лидером. Сами они постоянно спрашивали нас, а как народ Советского Союза воспринимает Горбачёва.

Мы ничего не скрывали, честно говорили, что его деятельность неоднозначна, что практического улучшения жизни народа не происходит. Даже наоборот. А его волюнтаристская "антиалкогольная" компания привела не только к настоящим народным бунтам и озверению людей, но и к уничтожению тысяч гектаров лучших виноградников в Грузии и Молдавии. В стране началось повальное, подпольное самогонование, из продажи исчез сахар, пришлось вводить на него талоны. Много претензий было к деятельности и реформам Горбачёва.

И вот мы прилетели в Миннеаполис, едем по прекрасному, многорядному шоссе и постоянно по его бокам видим огромные рекламные щиты с изображением главы СССР и водки "Горбачёвка". Ну, полный театр абсурда, зазеркалье какое-то. Провозглашается одно - делается другое, правда, на чужой территории.

Вот так: у нас на родине - настоящие битвы и мордобой у прилавков винных магазинов, торговля и спекуляция водкой из-под полы, а здесь - пышущий отменным здоровьем Михаил Сергеевич с улыбкой и стопкой в руках рекламирует зелье своего имени.

Человек, который нас встречал от Американского Института сердца, видя удивление на наших лицах, спросил:

- Что вас так поражает в этой рекламе? Город ждёт в скором времени визита Президента СССР. Какая-то компания

решила на этом прилично увеличить свой капитал.

Горбачёва у нас уважают и любят. Да и он на этой рекламе подзаработает. Миллион долларов - деньги вполне достойные.

- Миллион долларов за эти баннеры? - недоверчиво переспросил наш оператор и переводчик Виталий Познин. При нашей тогдашней зарплате около ста долларов в месяц это была совершенно фантастическая, заоблачная сумма. Впрочем, для рядового американца тоже.

- Да, миллион... Об этом газеты официально сообщили. А что, у вас в Советах за это не платят?

Впрочем, грех с завистью заглядывать в чужой карман, и мы как-то быстро ушли от этой темы. Но удивляться нам, видимо, не стоило.

Одно за другим в прессе появлялись сообщения, что Горбачёв рекламирует на Западе то новейшие компьютеры, то кожаные аксессуары, то Австрийские железные дороги, то Пиццу-Хат. Ходили слухи: кто-то видел за кордоном презервативы с его именем.

А тут ещё всплыл секретный договор дражайшей супруги Горбачева с американским издателем Мэрдоком: за её книгу "размышлений" о стране и любимом муже Раисе Максимовне причитался весомый гонорар в три миллиона долларов.

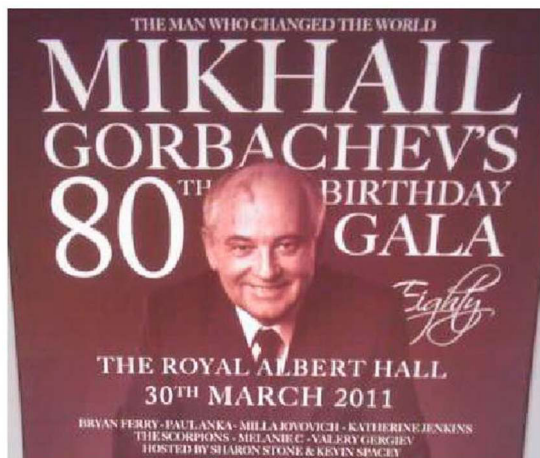

Издатели, оптовые продавцы книг, публицисты, политические обозреватели - все сходились в одном мнении: выручка от продажи ни в коей степени не покроет гонорар и расходы на издание. Оно заранее обречено на значительный убыток.

Это элементарная, скрытая взятка.

Вот только от кого и за что - мы так и не узнали до сих пор.

Но зато увидели по телевидению, с какой пышностью

в 2011 году "почётный немец" Горбачёв отметил в столице постоянного геополитического соперника России, в многотысячном Лондонском королевском Альберт-Холле своё 80-летие с билетами, стоимостью от двух тысяч долларов (в задних рядах партера и на балконах) до ста тысяч в вип-ложах.

Зал был заполнен до отказа.

ГЛАВА 35

ТАЙМЫРСКИЙ ЗВЕРБОЙ

Где-то около 3-х часов дня с острова Хейса пришла радиограмма, что наши ребята благополучно прибыли в обсерваторию и завтра ждут вторую партию груза и людей.

Утром следующего дня с другим экипажем и остатками оборудования улетели Саша Рачков, Володя Рулёв и Саша Панин.

На меня ложилась только одна миссия - прилететь самому и доставить кабель. Мудрый и опытнейший Фёдор Иванович предусмотрительно измерил размеры деревянной катушки, высоту и ширину двери ИЛ-14 и огорчённо констатировал:

- Кирдык. Не пролезет. Ни по высоте, ни чуть-чуть по ширине - всего-то 4 сантиметра лишние. Размотать кабель и завтра сложить его в самолёте по длине салона не получится. Кабель практически не сгибается - промёрзла резиновая оплётка. Отогреть всю катушку можно бы в ремонтных мастерских, но пока привезём обратно - мороз опять сделает своё дело.

Когда самолёт улетел, Фёдор Иванович два раза обошёл катушку, внимательно осматривая её.

- Не падай духом, режиссёр, что-нибудь придумаем. Русский мужик с виду - дурак, да только в деле - мастак. Ищи из топора сварит, и найдёт то, не знаю что. Выкрутимся... Что если нам обе боковушки, которые кабель от размотки предостерегают, отколотить ? Полагаю, вам они и не нужны вовсе.

- Естественно, зачем они нам.

- Тогда подожди меня здесь.

Вскоре он пригнал автопогрузчик, который поставил катушку с кабелем вертикально. Двумя топорами через час работы, мы, не без труда, сбили с катушки боковушки, оставив кабель только на её сердечнике.

Прихваченный морозом кабель не сбросил ни одного витка. Для надёжности, через середину, мы накрепко закрепили его с нескольких сторон толстой, многовитковой алюминиевой проволокой.

Дело было сделано - никаких проблем с погрузкой кабеля теперь не ожидалось.

Впереди - целый свободный день, и я решил на попутном вездеходе сгонять через пролив на материк, побродить по заснеженным улицам Диксона.

Как же было не посетить посёлок, если в разные годы здесь побывали известные в мире исследователи Арктики - Фритъоф Нансен, Руаль Амундсен, Эдуард Толль, Никифор Бегичев, Андрей и Борис Вилькицкие...

Их именами названы многочисленные острова, мысы, проливы и ледники на картах безбрежных просторов Ледовитого океана и его побережья.

Но в самом, по окна заваленном снегом посёлке, никаких следов их пребывания на Диксоне не было, кроме памятника Никифору Бегичеву из тёмного, тяжёлого бетона.

Его могучая фигура в меховой одежде полярника, устремлённая вперёд, в неизведанные дали, стоит на постаменте из камней в самом центре посёлка. Скромная металлическая табличка гласит:

Бегичев Никифор Алексеевич
Известный исследователь Таймыра
1874—1927

* * *

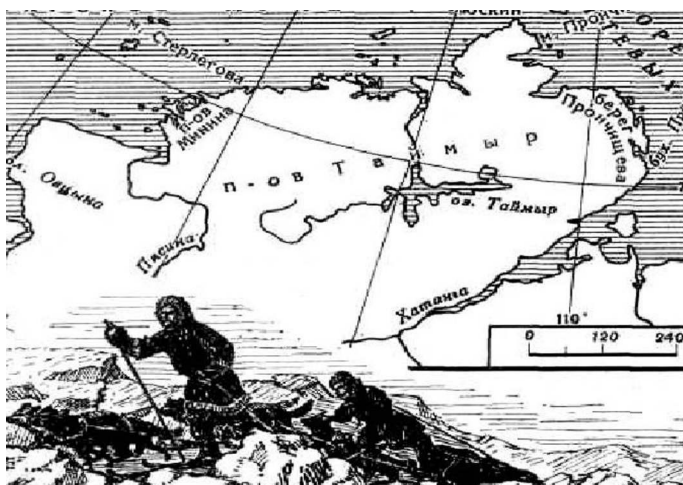
Да, всё так. Действительно, известный. Точнее - самый известный.

Никто лучше Бегичева не знал этот суровый край.

Мастеровой на все руки, признанный тундровым народом охотник на песцов, оленей и моржей, исследователь и путешественник. В одиночку и в составе экспедиций Бегичев пересёк Таймыр много раз и во всех направлениях, подробно изучил всё побережье полуострова. Он преодолел

mirknig.com

непроходимые доселе хребты Бырранга, нанёс на карту неизвестные реки и озёра.

Имея всего двухклассное образование, в 1908 году Бегичев был приглашён Российской Академией наук в Петербург и сделал там блестящий доклад о своих исследованиях Таймыра и открытых им богатых месторождений угля.

В подарок Академии он привёз найденные в промороженной тысячами тундре фрагменты скелета мамонта и череп мускусного быка бесценные свидетельства резкого изменения климата на Земле.

Знаменитый Норильск, богатства недр которого содержат никель, платину, медь, золото, молибден, - почти всю таблицу Менделеева, своим рождением тоже во многом обязан и Никифору Бегичеву.

Н.А. Бегичев.

В 20-е годы вместе с известным геологом Н.Н. Урванцевым он открыл многие рудные сокровища Таймыра.

Жизнь этого человека столь богата детективными, загадочными событиями и так тесно переплетена с судьбами знаменитых людей: А. Колчака, Э. Толля, Р. Амундсена, что не рассказать об этом - считаю для себя невозможным. Хотя бы вкратце.

И ещё потому, что сам Бегичев, скрупулёзно пополняя свои дневниковые записи, так и не опубликовал их.

К счастью, они были переданы его родственниками в государственный архив и стали доступными для историков и журналистов, расползаясь по стране мыслимыми и порой совсем неправдоподобными историями.

ГЛАВА 36

ЭТОТ МАТРОС НАМ, ПОЖАЛУЙ, ПОДОЙДЁТ...

Сам Бегичев называл себя "последним русским землепроходцем". Он мог промышлять зверя и диких оленей, уйдя в тундру на многие месяцы. Бывало даже на год, и на два. Как правило - один. Редко - с проверенными, надёжными

охотниками-самоедами, которых при советской власти стали называть нганасанами.

Бегичев был для них своим. Он умел делать всё, что с детства умели делать эти люди севера: связать рыболовную сеть, одним точным выстрелом убить и быстро ошкурить моржа, сделать нарты, запрячь оленью и собачью упряжку,

mirknig.com

litrus.net

скроить меховую парку, сделать из белого камуса - меха оленьих ног - лёгкие унты-бокари.

Он ел ту же пишу, что ели нганасаны, пил дымящуюся кровь только что освежёванного оленя, любил строганину из замороженной рыбы. И мог неделями вообще обходиться без пищи - фантастической внутренней силой и стойкостью обладал его могучий организм.

Болезни обходили его стороной. Бегичев тоже стал человеком Севера.

Но родился он на юге, в маленьком городке Царев Астраханской губернии. Река Ахтуба и широкая Волга, в которую впадала Ахтуба, стали первыми воспитателями маленького Никифора.

В десять лет он уже плавал и нырял не хуже взрослых. Обожал рыбачить. Правда, учился не очень прилежно - всё давалось ему легко. Природная даровитость и смекалка резко выделяли мальчика среди сверстников.

Просторы Волги были для него родной стихией. И когда настало время определиться с выбором профессии, твёрдо решил: - Только на флот!

Так в Кронштадтской военно-морской базе начал службу простым матросом Никита Алексеевич Бегичев.

На боевых кораблях Российского флота он избороздит Атлантический, Индийский и Тихий океаны, несколько раз пересёк экватор, сходил на берег многих стран мира.

На Балтийском флоте Бегичев считался одним из лучших боцманов.

Здесь, в Кронштадте, на борту крейсерского фрегата "Герцег Эдинбургский", где служил Бегичев, судьба свела его с будущим адмиралом и Верховным правителем Сибири в годы Гражданской войны Александром Васильевичем Колчаком.

***

В то утро весь экипаж крейсера был выстроен на палубе. Молодой, незнакомый лейтенант обошёл с капитаном строй и объявил, что для участия в полярной экспедиции барона Эдуарда Толля требуются добровольцы.

mirknig.com

Служба будет нелёгкая, но почётная.

Несколько человек сделали шаг вперёд.

Бегичев, всегда имевший склонность к постижению нового, неизвестного и здравый авантюризм, особо не раздумывая, тоже вышел из строя.

Его высокий рост, мускулистая фигура, уверенный взгляд сразу приглянулись гостю, и он сделал свой первый выбор:

- Вот этот матрос нам, пожалуй подойдёт. И тоже в качестве боцмана.

А молодым лейтенантом-рекрутёром был Александр Васильевич Колчак, назначенный в экспедицию Толля гидрографом.

ГЛАВА 35

"ТОЛЬКО РАЗ СТУПИТЬ НОГОЙ"- И УМЕРЕТЬ!"

На календаре значился переломный между двумя веками год - 1900-ый. Бегичеву - 26 лет. Толлю - 42. К этому времени имя барона Эдуарда Толля было широко известно не только в России, но и во всём научном мире. Закончив Тартуский

Э.В. Толль.

университет, Толль прославился огромным вкладом в изучение русского севера, был участником и возглавлял крупные морские экспедиции в Ледовитом океане. В будущем результаты его научной деятельности составили 42 тома, Российская Академия наук наградила учёного двумя высшими золотыми медалями.

Удивительно, но к северным землям Эдуарда Толля привела

слава исследователя... Африки!

Однажды его труд об Алжире попал в руки известного учёного и врача Александра Андреевича Бунге, который заведовал кафедрой ботаники в Тартуском университете и возглавлял подготовку к большой, важной экспедиции по исследованию Новосибирских островов.

Работа Толля была столь интересной и глубокой, что Бунге незамедлительно встретился со своим бывшим однокашником и предложил ему в качестве своего помощника принять участие в этих исследованиях на

Северо-Востоке России.

Предложение было охотно принято. И это первое плавание к далёким сибирским берегам стало путевой звездой Толля, смыслом жизни и работы. Север своей суровостью, тысячами тайн и судьбами предшественников навечно привязал его к себе.

На суровых Новосибирских островах и прилегающем побережье, пройдя сотни километров по тундре, топким болотам и сопкам, экспедиция Бунге составила точные карты этих районов, собрала уникальные коллекции останков ископаемых зверей и минералов. Глубина научных выводов экспедиции была так велика, что Академия наук расценила их как "истинный научный подвиг".

Но в этой экспедиции случилось и то, что в конце концов привело Толля к своей трагической смерти: в один из дней августа 1886 года он воочию увидел легендарную, неведомую Землю Санникова, которую безрезультатно искали уже многие десятки лет.

Знаменитый сибирский охотник Яков Санников был человеком дела и слова. В четвёртом поколении из рода северян, он отваживался уходить с собачьими и оленьими упряжками так далеко на Север, куда не добирались даже хорошо оснащённые экспедиции.

Каждый открытый им новый остров в Ледовитом океане он называл островом только после того, как обходил его по всему периметру и приходил на точку, с которой начал. А потом ещё обязательно пересекал его несколько раз поперёк...

Карты исхоженных им земель и островов мозг охотника накрепко отпечатывал в себе. А Новосибирские острова были для Санникова просто родным домом. Здесь его промысловая артель сибирских купцов Сыроватских много лет добывала песка и драгоценную мамонтовую кость.

Если Санников говорил, что был там и видел то-то, ему все безоговорочно верили. Таинственные миражи арктических туманов он никогда не признавал реальностью.

Так вот, Санников утверждал, что севернее Новосибирских островов он видел ещё остров или даже

группу островов, где чётко различались высокие скалистые горы.

И на новых картах начала 19-го века появились "Земли, виденные Санниковым".

Но их при весьма ясной погоде и сквозь мощную подзорную трубу не обнаружил лейтенант российского флота Петр Анжу, побывавший вскоре на самом большом острове архипелага - Котельном, откуда с прибрежного утёса Санников обозревал лежащий перед ним океан.

Спустя почти 70 лет, в экспедиции Бунге, их увидел Эдуард Толль.

В своем дневнике он записал:

- В тот благословенный августовский день фортуна повернулась ко мне лицом: горизонт был совершенно ясный. В направлении на северо-восток 14 - 18 градусов чётко очерчивались контуры четырёх столовых гор с прилегающим к ним на востоке чётким низким остроконечием. Сообщение Санникова подтвердилось

полностью. Я увидел воочию то, о чем мечтали и к чему стремились многие исследователи Севера.

Толль сделал прикидочные расчёты - до манящих, призрачных островов всего 150 - 200 вёрст и сложены они базальтовыми породами, как Земля Франца-Иосифа.

Обширные планы экспедиции Бунге не позволили тогда резко изменить программу и идти к этой неизвестной земле. К тому же приближалась зима, и вместе с ней, с севера, на Новосибирские острова надвигались мощные, уходящие к горизонту, ледяные поля. Экспедиция вернулась домой.

Но теперь Толль был твёрдо уверен: Земля Санникова существует. На ней, как говорят, для него свет клином сошёлся. На ближайшие годы он выбрал себе цель трудную и достойную - дойти до таинственной земли.

В этом стремлении его горячо поддержал Фритьоф Нансен. Выступая с докладом о своем походе вдоль сибирских берегов и дрейфе на корабле "Фрам", он высказался вполне определённо:

- К северу от Новосибирского архипелага могут быть неведомые острова. Мы постоянно видели стаи гаг, летящих с севера. Один раз оттуда же пролетала стая бекасов. Позже к нам по льду часто наведывались песцы. Возможно, там есть земли или небольшие острова. Я искренне надеюсь, что такая экспедиция скоро осуществится.

Бессменный, верный проводник Толля в северных экспедициях, промышлявший оленей и зверя на Новосибирских островах много лет, эвен Джегерли не раз говорил своему начальнику, что тоже видел неведомые земли. Однажды Толль спросил его:

- Джегерли, хочешь ли достигнуть эту главную цель?

- Только бы раз ступить ногой - и умереть! - с горячностью воскликнул охотник.

Это были именно те слова, которые полностью отвечали замыслам и мечте Толля. Нет сомнения, что так он мог сказать и сам.

Но учёный хотел не только "ступить ногой" на Землю Санникова. Только ступить - было мало: он решил ответить на многие вопросы, которые тогда интересовали науку.

Например, не были ли Земля Санникова и Новосибирский архипелаг частью некогда существовавшего материка?

Это подтверждали многочисленные палеонтологические находки и залежи угля с отпечатками древних растений на нетронутых человеком островах.

Если всё так и обстоит, то почему вымерли мамонты, шерстистые носороги, саблезубые тигры? Когда и по каким причинам произошло резкое изменение тёплого климата и холод на многие тысячелетия сковал эту землю?

Толль был уверен - достижение и подробное изучение Земли Санникова может дать науке ключи к разгадкам многих тайн Севера. Он стал тщательно прорабатывать план такой экспедиции.

- Именно Россия должна осуществить этот план! - убеждённо говорил он на одном из очередных заседаний Русского Географического общества.

- Деятнадцатое столетие подходит к концу, а нам предстоит ещё многое сделать для завершения тех научных завоеваний на Севере, за которые тяжёлыми жертвами заплатили первые русские исследователи. И кому, как не русским, приличествует выполнить эту задачу!

Так же считал и великий князь Константин Константинович Романов - историк, поэт, драматург и переводчик.

К. К. Романов.

В юношеские годы он гардемаринном плавал на паруснике "Светлана", отличился в сражениях Русско-Турецкой войны.

В 1899 году возглавил Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук. Константин Константинович много жертвовал из своих личных сбережений на развитие науки и приложил немало усилий, чтобы будущая Русская Полярная

экспедиция ни в чём не нуждалась.

Горячими сторонниками и помощниками Э. Толля стали корифеи российской науки Д. Менделеев, Ф. Шмидт, А. Карпинский, адмирал С. Макаров.

Узнав о планах Петербургской Академии наук, Землёй Санникова заинтересовались и американские учёные, а канадский исследователь севера Бернье даже уверенно

заявил, что эта, пока неизведанная земля, скоро станет главной опорной базой его полярных экспедиций.

Нужно было спешить.

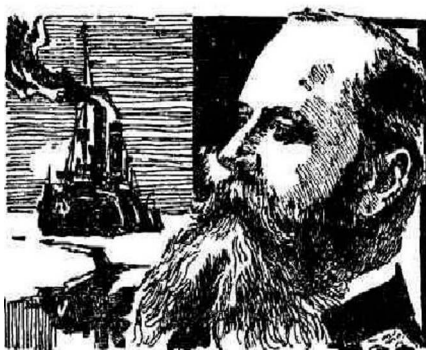
ГЛАВА 38

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ АРКТИКИ

Русскую Полярную экспедицию адмирал Макаров предложил отправить на только что построенном в Англии первом в мире ледоколе арктического класса "Ермак". При испытаниях у берегов Шпицбергена, в которых принимал участие и Э. Толль, "Ермак" с паровым двигателем в 9 тысяч лошадиных сил показал превосходные мореходные качества, преодолевая лёд до 2-х метров толщины.

Однако, не желая рисковать дорогостоящим судном, Министерство финансов отвергло предложение Макарова.

Для Русской Полярной экспедиции в Норвегии, по рекомендации самого

Фритьофа Нансена, за 60 тысяч рублей был приобретён деревянный парусно-моторный китобойный барк "Harald Harfager" водоизмещением 450 тонн.

Судно переименовали в "Зарю", укрепили специальным противоледовым поясом, для удобства команды и учёных переоборудовали и утеплили все внутренние помещения.

Пока шла подготовка "Зари" к походу, Толль отправил лейтенанта Колчака в Норвегию - поработать с последними новинками западной измерительной и навигационной техники, которой в изобилии оснащалось судно Русской Полярной экспедиции.

mirknig.com

Позже начальник экспедиции сделает в дневнике особую отметку:

- Гидрограф Колчак - прекрасный специалист, преданный делу исследования Севера.

Да и весь экипаж "Зари" из 15 человек подбирался очень тщательно. В команду включили лучших на флоте матросов, механиков и кочегаров. Капитаном назначен опытный полярник лейтенант Николай Коломийцев.

И, как мы уже знаем, Никифор Бегичев был зачислен в корабельную команду боцманом.

Экипаж "Зари". В центре (в светлой шляпе) Э.В. Толль.

Кроме самого начальника экспедиции - Э. Толля, научную группу составили опытные специалисты-практики:

Федор Матиссен - геофизик, метеоролог и главный фотограф.

Александр Колчак - гидрограф, гидролог, магнитолог, гидрохимик и картограф.

Александр Бяльницкий-Бируля - зоолог и фотограф.

Фридрих Зееберг - астроном и магнитолог.

Герман Вальтер - врач и зоолог.

21 июля 1900 года "Заря" с запасом продовольствия

mirknig.com

на три года под звуки артиллерийского салюта вышла из Кронштадта в своё историческое плавание, которое обернулось бессмертной славой экспедиции и таинственным исчезновением её вдохновителя Эдуарда Толля и трёх его спутников.

Буквально перед отходом судна Толль получил весточку от своего друга Фритьофа Нансена. Тот писал:

- От всего сердца желаю успеха в Вашем долгом и важном путешествии. На прощанье скажу, как эскимосы на восточном берегу Гренландии: - Чтобы Вам плыть по свободной ото льда воде!

Пожелание знаменитого норвежца, к сожалению, не оправдалось. Наоборот, Северный Ледовитый океан встретил "Зарю" как непрошенного гостя: непроницаемыми туманами, штормами, ранним появлением мощных льдов.

Достигнув только западного побережья Таймыра, судну пришлось зазимовать. Но научная работа не прекращалась ни на один день: велись метеорологические и гидрологические измерения. Дойдя по льду до побережья, Толль со спутниками уточнил карты этих мест, собрал геологические и биологические коллекции.

В этих походах сильный, находчивый и расторопный матрос Бегичев пришёлся по душе своему начальнику.

Во время ночных, суровых вахт, при всполохах полярного сияния, когда они, бывало вместе, несли положенную службу на равных, Толль с увлечением рассказывал подчинённому о земле своей мечты.

И 27-летний Бегичев проникся к нему бесконечным уважением и любовью. В дневник Бегичева ложатся строки о своём начальнике:

- Ради чего готов обречь себя на любые трудности, на неудачи, учёный человек, да ещё и не простолюдин, а барон, аристократ? Ради поисков острова, на котором, может, и ничего нет, кроме льдов да скал? И ещё неизвестно, существует ли эта Земля вообще. До него я ещё не встречал таких преданных делу и бескорыстных людей.

Нет никакого сомнения, что встреча с Толлем во многом определила весь дальнейший жизненный путь Никифора Бегичева, который, родившись на жарком юге, стал самым известным человеком Севера, подлинным знатоком Таймыра.

А вот с молодым лейтенантом Александром Колчаком доверительных отношений сначала не получалось.

Колчак "Первым по знаниям" среди гардемаринов закончил Морской кадетский корпус, где была железная военная дисциплина. Четыре года проплавав в морях и океанах, он перенёс своё понимание службы и порядка и на гражданское судно, резко проложив границу между собой и нижними чинами.

Однажды он обрушился на боцмана - на месте не оказалось вахтенного. Вот что произошло дальше, со слов Бегичева:

- Он зовёт меня и говорит: "Где у тебя вахтенный?" Я отвечаю: "Вы его куда-то сами отправили." Он меня обругал. Я очень озлился на такую несправедливость и сказал: "Раз офицер Его Величества так ругается, то мне, наверное, совсем можно." Он сказал: "Я на тебя донесу Морскому министру!" Я ответил: "Хотя бы самому Императору! Я никого не

боюсь!" Тогда он закричал: "Я тебя застрелю!" Я же в ответ схватил тяжёлую лопату и бросился к нему. Колчак тут же ушёл в каюту.

Да, тогда нашла коса на камень - два молодых парня разных сословий схлестнулись в словесном поединке, каждый отстаивая свою правду.

Немного поостыв, боцман явился к лейтенанту и заявил, что служить при нём больше не намерен и при первой возможности покинет судно.

Это было очень серьёзно. Лишиться такого исполнительного, умелого и знающего боцмана Колчак, как заместитель Толля, не хотел. И он постарался замять эту неприглядную ссору: ну, погорячились оба, с кем не бывает.

Судьба вновь свела их накоротке через 2 года, в самый критический момент, когда, в принципе, решался вопрос жизни и смерти Колчака. Но об этом рассказ чуть впереди...

После первой зимовки, только в начале сентября 1901 года, "Заря" смогла пробиться в район предполагаемой Земли Санникова.

Никифор Бегичев делает следующую запись в своём дневнике:

- Начальником была объявлена премия тому, кто первым увидит Землю Санникова. Увы, сколько мы не смотрели в трубы, земли не видели. На другой день ударил сильный шторм, такой сильный, что ходу мы не могли дать и легли в дрейф.

Волны порой поднимали огромные льдины выше судна. Один точный удар мог проломить борт и пустить судно ко дну. На всякий случай команда приготовила шлюпки и загрузила в них аварийный запас провизии.

На этот раз природа отступила.

Основательно потрепав корабль, шторм постепенно удалился от "Зари"/Но на смену ему пришёл тягучий, тяжёлый, мокрый туман. Непроницаемой стеной он лёг на океан и поглотил корабль. На палубе, ничего не видя, можно было просто сшибиться друг с другом.

Как ни странно, туман придал новую надежду руководителю экспедиции. Когда судно с трудом покинуло

пояс льдов, Толль разъяснил команде:

- Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова и не заметить её.

16 сентября у западного берега острова Котельный "Заря" встала на свою вторую зимовку.

Вмороженное в лёд судно стало своеобразной дрейфующей геофизической и метеорологической станцией, откуда Толль отправлял людей в короткие экспедиции.

Ушёл и лейтенант Колчак с заданием пересечь остров Котельный и обследовать обширную песчано-болотистую равнину - Землю Бунге, которая соединяет Котельный с островом Фадеевским.

Толль прекрасно понимает: на судне осталось очень мало угля, и на следующий год искать Землю Санникова не удастся. Но учёный не хочет расстаться с мечтой, смириться с поражением, уступить силе севера.

С тремя верными спутниками, на двух собачьих упряжках, прихватив лёгкие байдарки-каяки, он решает совершить опасный переход по льду до острова Беннета, а оттуда достичь или хотя бы увидеть в первый же ясный день легендарную Землю Санникова.

В отряд Толля вошли астроном и магнитолог Фридрих Зееберг и опытные каюры: эвенк Николай Протодяконов и якут Василий Горохов.

После того, как зимние льды освободят корабль, "Заря" незамедлительно должна идти к острову Беннета и снять с него группу Толля.

Перед уходом Толль назначает нового капитана. Им становится лейтенант Фёдор Матиссен. В пакете переданных ему инструкций, капитану в первую очередь строжайше предписано сберечь все собранные экспедицией коллекции и научные материалы. В случае невозможности из-за состояния льда пробиться к острову Беннета, Толль чётко формулирует приказ:

- Предел времени, когда вы сможете отказаться от

дальнейших стараний снять меня с острова Беннета, определяется тем моментом, когда на "Заре" будет израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля.

Ниже приписка: - Если доберётесь до Беннета, но поиски наших следов приведут вас к отрицательным результатам, сразу возвращайтесь в бухту Тикси.

Сам же Эдуард Васильевич, при плохом раскладе, собирался выбраться с острова Беннета к Новосибирским островам на байдарках до наступления сильных морозов. А затем зимним путём на материк.

План был равнозначен гибели, но ничтожный шанс выжить при этом оставался. Другого выхода Толль не видел.

В самом начале июня маленький отряд Толля вышел в дорогу и вскоре безмолвно исчез из вида среди бесконечных торосов ледяной пустыни. Как оказалось, исчез навсегда...

Колчак, добросовестно выполнив все научные предписания Толля, вернулся на судно до вскрытия льда, не потеряв ни одного человека.

Наступило короткое полярное лето.

Но "Заря" смогла выйти на чистую воду только в конце августа. Да и то ненадолго. Уже через неделю плавания стало ясно: сплошные ледяные поля забили проливы. К острову Беннета не пробиться ни с севера, ни с юга, ни с какой другой стороны.

К тому же, Матиссен, в призрачной надежде спасти начальника экспедиции, нарушил строгую инструкцию Толля - в угольных ямах вместо 15 предписанных тонн кочегары едва наскребли половину. Да и та была смешана со льдом. Положение судна становилось критическим, и капитан круто развернул корабль на юг.

Получив в пути неожиданную пробоину, "Заря" всё же своим ходом дошла до бухты Тике и в устье Лены и прочно села там на мелководье.

В Петербург состав Русской Полярной экспедиции вернулся без своего руководителя.

ГЛАВА 40

КТО СПАС ЛЕЙТЕНАНТА КОЛЧАКА И КУДА ИСЧЕЗ БАРОН ТОЛЛЬ

Судьбе и возможном спасении Толля было посвящено специальное заседание Петербургской Академии наук. Её Председатель - Великий князь Константин Романов - отклонил предложение адмирала Макарова срочно идти к острову Беннета на ледоколе "Ермак", поскольку из-за тяжёлой ледовой обстановки без него в Финском заливе могли застрять десятки русских и иностранных судов с грузами.

Корпус "Зари", оставленной на мели в Тикси, требовал капитального ремонта. Других подходящих судов для тяжёлого ледового плавания на тот момент не нашлось. Но и медлить было нельзя.

В конце концов, выход из безнадёжного положения предложил гидрограф экспедиции Толля лейтенант Колчак:

- Я предлагаю снять с "Зари" тяжёлый, но весьма прочный китобойный вельбот, затем по льду с помощью собак дотащить его до Котельного. А дальше на вёслах попробовать пробиться к острову Беннета.

Я понимаю, что такой поход слишком рискованный, даже смертельно опасный. Но другого выхода, по моему убеждению, сегодня нет.

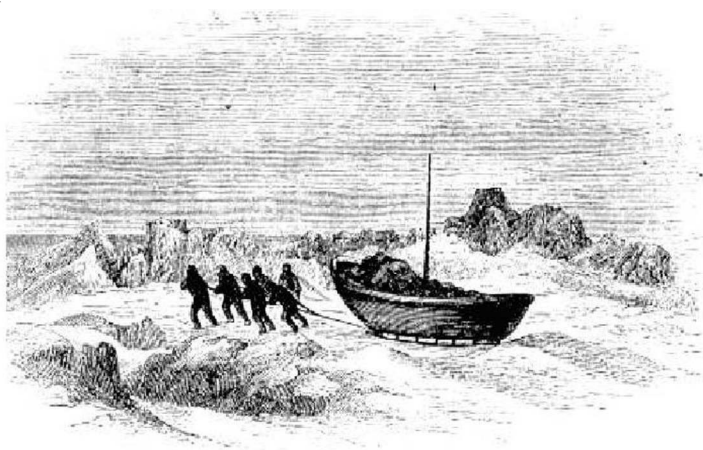
План лейтенанта был единогласно утверждён. Идти с Колчаком вызвались проверенные члены экипажа "Зари": боцман Никифор Бегичев и рулевой, матрос Василий Железников.

В середине апреля 1903 года спасательная команда прибыла в Тикси. Проводник Толля Джегерли помог нанять опытных каюров, купить 10 упряжек и 150 испытанных ездовых лаек.

36-пудовый вельбот погрузили на сдвоенные нарты и отправились в путь через океан и 6 необитаемых островов, с запасом продовольствия на три месяца и двумя сменами

одежды.

Почти месяц занял первый переход до острова Котельный сквозь бесконечное нагромождение торосов. Порой дорогу приходилось буквально прорубать топорами. Через несколько часов такого изматывающего пути обессиленные собаки буквально валились с ног, перегрызали постромки, чтобы освободиться. И люди впрягались в ямки вместе с ними. Мороз сбивал дыхание и обдавал лёгкие смертельным холодом.

Но миля за милей спасатели продвигались к острову Котельный. У каждого ещё теплилась надежда, что Толль и его спутники живы. Нужно было спешить.

Люди выдержали, дошли. У большинства ноги и плечи были стёрты до глубоких, кровавых язв. Без хотя бы краткого отдыха в несколько дней двигаться дальше было бессмысленно.

В Арктике к тому времени наступила весна. Лёд в море посинел, торосы начали оседать и разваливаться, трещины превращались в огромные полыньи, забитые труднопроходимой, тягучей ледяной кашей.

С Котельного начинался только морской путь до конечной цели - острова Беннета. Вельбот с необходимым грузом и полозьями из брёвен потяжелел вдвое - по 150

килограммов на каждого участника перехода.

С Колчаком уходили только шестеро: Бегичев, матрос Железников и 4 мезенских поморов - мужиков крепких и надёжных.

Лишь через три месяца после выхода спасательной экспедиции с материка, основательно потрёпанный льдами и океаном, вельбот добрался до скал острова Беннета.

Вдоль всего берега во множестве плавали оторванные от ледников айсберги и огромные плоские льдины, на которых под едва греющими лучами незаходящего солнца нежались гаремы моржей. Среди неприступных береговых скал нашёлся единственный, крохотный кусочек песчаного пляжа. Туда и пристали. На берегу сразу же увидели медвежью шкуру, придавленную тяжёлыми валунами.

Поняли: Толль добрался до Беннета.

Перед уходом с "Зари" он обещал оставить на острове знак в условленном месте. Остров небольшой, всего 28 на 14 километров - так что искать долго не пришлось. Уже на следующий день нашли торчащее в камнях весло и бутылку с подробной картой острова и запиской:

- С приездом! Поздравляем!

На карте крестиком указывалось место хижины.

Не откладывая, двинулись туда с надеждой вскоре

mirknig.com

обнять вынужденных "робинзонов" севера. Пошли коротким путём, по ледяному припаю.

И вот тут судьба вновь свела Колчака и Бегичева в роковой ситуации: промедли боцман на несколько секунд - жизнь не только лейтенанта Колчака, но и вся история огромной Российской империи могла бы пойти по совершенно иному пути: не было бы блестящего учёного Александра Колчака и "кровавого вешателя", Верховного правителя Сибири адмирала Колчака...

Как знать, может быть, намного раньше закончилась бы, захлебнувшись в крови "белых" и "красных", Гражданская война и народ России среди колючих заборов Гулага не ждал бы десятилетиями вселенского народного счастья - прихода коммунизма.

Во Всемирной Истории секунда, порой даже одно мгновение, могут круто повернуть всё её развитие.

Непродуманная, не вовремя поставленная подпись - и война... Неверное решение власти - и народный бунт...

Тогда, на припайном льду острова Беннета, лейтенант Колчак провалился в трещину и едва не погиб. Спасли его могучие руки боцмана Бегичева.

Прочтём, как об этом записал сам Никифор.

- Я шёл впереди, увидел большую трещину и с разбега перепрыгнул через неё. Колчак тоже разбежался и прыгнул, но попал прямо в середину трещины и скрылся под водой. Я бросился к нему, но его не было видно. Потом показалась его ветряная рубашка, я схватил его за неё и вытащил на лёд. Но этого было недостаточно - под ним опять подломился лёд, и он совершенно погрузился в воду и стал тонуть. Я быстро схватил его за голову, вытащил еле живого на лёд и осторожно перенёс к берегу. Положил на камни и стал звать Инькова, который стоит возле трещины и кричит: "Утонул, утонул!" - мужик совершенно растерялся.

Я крикнул ему: - Перестань орать, иди ко мне.

Мы сняли с Колчака сапоги и всю одежду. Потом я снял с себя тёплое егерское бельё и стал надевать на Колчака. Оказалось, он ещё живой. Я закурил трубку и

дал ему в рот... Вскоре он пришёл в себя. Я стал ему говорить - может, он с Иньковым вернётся назад в палатку, а я к хижине один пойду. Но он сказал: "От тебя не отстану, тоже пойду с тобой."

Я пошёл по камням, были крутые подъёмы и спуски. Колчак совершенно согрелся и благодарил меня, сказав: "В жизни никогда этого случая не забуду".

(Это правда - не забыл. Помогал Бегичеву, чем мог, до самой своей жуткой гибели на берегу Ангары в 1920 году).

Крохотную хижину, сложенную из берегового плавника, нашли к вечеру, в 15 вёрстах, на восточном берегу острова. Она была наполовину забита снегом. Стало ясно - в ней не зимовали.

Вокруг хижины лежали три ящика с образцами горных пород.

Начали раскапывать в брошенном доме. Нашли несколько

вещей, некоторые приборы, запаянные железные коробки с патронами, три шкуры белого медведя и тщательно упакованный в кожу увесистый пакет, адресованный Президенту Академии наук.

В пакете был полный отчёт об исследовании острова, карта и описание его ледников, геологического строения и животного мира. Упоминалась и Земля Санникова:

- Пролётными птицами явились орёл, сокол и гуси, пролетевшие стаями с Севера на Юг. Вследствие туманов, земли, откуда прилетели эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Земли Санникова.

А вот и главные слова, объяснившие отсутствие Толля и его спутников на острове:

- Отправляемся сегодня на Юг. Провизии имеем на 14 -

mirknig.com

20 дней. Все здоровы. Остров Беннета. 8.XI.1902. Э.Толль.

Выходило - отряд Толля покинул остров в начале полярной ночи, в самое неподходящее для такого перехода время. Можно представить себе, что ожидало их утлые байдарки в океане: ад из месива снега, льда и воды. Ад, по которому нельзя плыть и нельзя идти пешком, жестокие ураганы идвигающиеся, сминающие всё торосы. Наконец, ужасные сорокоградусные морозы... Только чудо могло спасти их.

Но чуда не произошло. Сейчас был август - прошло 10 месяцев. Значит, сгинули все. Почему погибли так нелепо, не дождавшись хотя бы мартовского солнца, когда лёд ещё очень крепок и достигает материка?

Всё у них было: тёплая одежда, прекрасное оружие и два великолепных охотника. А, значит, не голод погнал их с острова. Да и в послании Президенту Академии написано:

- Кормимся оленями.

Даже если ушли потом олени, на острове полно птиц и моржей. Три шкуры белых медведей тоже подтверждали - в свежем мясе группа Толля не нуждалась. Что же заставило островитян сознательно уйти навстречу своей гибели? Стараниями сотен исследователей ответ не найден и сегодня...

Спутники Колчака, прихватив часть самых важных находок, уходили к вельботу... А лейтенант, приотстав, раскрыл свой планшет и приготовился рисовать.

- Так, слева от хижины над чёрными скалами нависает огромный ледяной купол. Теперь на карте это будет гора барона Толля. Справа, в нескольких вёрстах, лежит полуостров. Он получит имя баронессы Эвелины Толль.

Да, Земля Санникова не появилась тогда из тумана легенд. Но её искали и после Толля: и новые корабли в те районы ходили, и самолёты позже летали. Не нашли. А мечта найти осталась, потому что без неё, без путеводной звезды, ведущей к заманчивой цели, без стремления взойти на недоступную вершину, невозможен поиск истины. Кто-то всегда должен первым переступить порог уже известного и идти дальше. Одним из таких первых и был барон Эдуард Васильевич Толль.

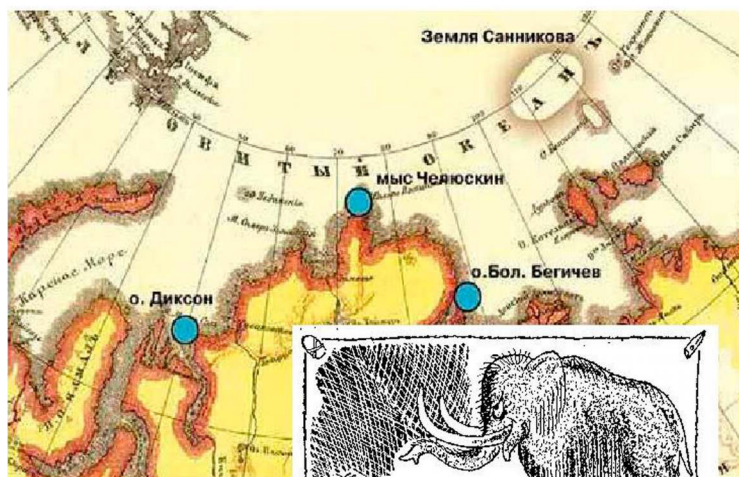
ГЛАВА 40

МИРАЖИ ИЛИ ЯВЬ ЗЕМЛИ САНИКОВА

В 1924 году академик, геолог и географ Владимир Афанасьевич Обручев, тоже ведомый таинственной "Звездой Толля", написал свой знаменитый роман "Земля Санникова", по которому позже был снят и художественный фильм.

Обручев так скрупулёзно и образно описал этот изолированный мирок в Арктике со своим климатом, растительностью, животными, что складывается впечатление - он верил в его реальное существование.

На страницах книги учёного жили отдалёнейшие предки человека - вампу и онкилоны, люди, уже владеющие

копьями, стрелами, каменными топорами.

А разве огнедышащая, но заселённая людьми

Исландия, на самом севере холодного Норвежского моря не являет собой пример такой веры.

А, закованная льдами Гренландия - родной дом сотен

mifknig.com

поколений эскимосов?

Академик Обручев оказался абсолютно прав: люди на островах Ледовитого океана жили.

В семидесятые годы XX века на острове Беннета работала комплексная экспедиция советских зоологов. Напомню, остров этот - самый северный в Новосибирском архипелаге. Так вот, учёные нашли там не только кости и бивни мамонтов. На острове обнаружена обширная стоянка древнего человека с каменными орудиями труда. Значит, человек жил там в доисторическую эпоху. А раз так - и призрачная Земля Санникова вполне могла существовать в этих высоких широтах.

Сегодня мощные льды и течения Ледовитого океана ежегодно меняют береговую линию Сибири и арктических островов. На фотографиях, снятых со спутников, мы прекрасно видим, как меняются их очертания. Где почти незаметно, где явно.

В большей своей части Северный Ледовитый океан очень глубоководный: 3-4 километра - далеко не предел. Но гидрографы знают: на северо-востоке океана немало мест с глубинами всего в двадцать, не метров - сантиметров.

Исследования показали - это остатки размытых водой прежних островов.

Так что, может быть, и сам Санников, и Толль действительно видели не ускользающий мираж, а реальную землю. Во всяком случае, хочется в это верить...

***

За исторический поход на "Заре", огромный вклад в науку и спасательную операцию лейтенант Колчак и боцман Никифор Бегичев получили Золотые медали. Они вернулись на материк, но до Петербурга не доехали - началась Русско-Японская война. Добровольцами оба отправились на Дальний Восток. Но служили на разных кораблях: Колчак был назначен вахтенным начальником на крейсер "Аскольд", Бегичев - боцманом на миноносец "Бесшумный".

Оба за храбрость и героизм при прорыве блокады Порт-Артура награждены: Бегичев - Георгиевским крестом,

Колчак за подрыв японского крейсера - "Орденом Святой Анны".

Оба пережили страшный разгром и гибель Российской эскадры, оба попали в японский плен и после подписания мирного договора в американском городе Портсмут через территорию США вернулись в Россию.

Буквально за несколько дней до отъезда в Порт-Артур лейтенант Колчак обручился со своей невестой Софьей Фёдоровной Омировой, которая приехала к нему в Иркутск. Почётным шафером на этой свадьбе был боцман "Зари" Никифор Бегичев.

В 1906 году у себя в Цареве женился и Никифор на 16-летней красавице Анисье Турбиной. Но жить на юге он больше не мог. Однообразная, тупая городская среда тяготила этого человека с огромной жизненной силой, внутренняя энергия требовала выхода, каждодневной трудной работы. Такой, как там, среди льдов, с Толлем и Колчаком.

* * *

И он уезжает на уже знакомый ему Таймыр. В устье Енисея рубит себе просторную избу, и с этого времени тайга и тундра кормят всю его многочисленную семью - один за другим рождаются дети: 4 сына и две дочери.

Никто лучше Бегичева в те времена Таймыр не знал.

Пока он промышлял зверя и пушнину, ходил проводником различных экспедиций, его командир по "Заре" лейтенант Колчак, благодаря своим знаниям, опыту и упорству в достижении цели, стремительно поднимался по служебной лестнице.

Трижды совершивший кругосветное плавание, один из лучших специалистов минного дела, свидетель позорной гибели русского военного флота на Дальнем Востоке, Колчак, как никто другой, понимал значение для страны её флота.

Собрав группу единомышленников - чиновников, военных и инженеров - он провозглашает главную задачу на ближайшие годы:

mirknig.com

- Мы должны загладить тот наш грех в Порт-Артуре и сделать всё, чтобы возродить наш флот на началах более научных, чем это было до сих пор.

России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть организована неприкосновенность её границ и на которую могла бы опереться независимая политика империи.

Мы обязаны создать новый военно-морской флот, соответствующий новейшим тактико-техническим требованиям к боевым кораблям и оснащённый самым современным артиллерийским и особенно торпедным вооружением.

Уже к началу Первой Мировой войны эта стратегическая программа дала свои плоды. Нигде на Балтике немецкий флот не мог использовать своё численное преимущество и фактически не выходил из своих баз.

Ни один германский крейсер не прорвался в Чёрное море.

Пушки новых, современных кораблей Российского военного флота надёжно пресекали эти попытки.

Колчак понимал и огромную роль для страны флота торгового. Протяжённость морских границ России - тысячи и тысячи километров.

Но освоение пути через льды из Атлантики в Тихий океан он считал наиважнейшей задачей.

Под его непосредственным руководством на Балтийском заводе в Петербурге были построены два больших современных парохода ледового класса "Таймыр" и "Вайгач".

В 1914-1915 годах оба судна впервые прошли по Северному Морскому пути с Востока на Запад - от Владивостока до Мурманска.

Ледоколы "Вайгач" (на переднем плане) и "Таймыр" в походе по Северному Ледовитому океану.

Но двумя годами раньше эти корабли, выполняя в высоких широтах огромный комплекс научных работ под руководством известного гидрографа Б.А. Вилькицкого, совершили открытие мирового значения - обнаружили и нанесли на карты новые земли, почти сплошь покрытые ледниками.

Нет, к сожалению, это не была манящая Земля Санникова, которую они тоже продолжали искать во время

своего похода.

Это были другие, до сих пор никому не известные, огромные и совсем маленькие острова.

Они лежали несколько западнее предполагаемой Земли Санникова и были названы "Землёй императора Николая Второго" (При советской власти эти острова переименовали в Архипелаг Северная Земля).

*Выпускник
Николаевской
Морской Академии по
гидрографическому
отделу
капитан 2 ранга,
капитан "Таймыра"
Б.А. Вилькицкий.*

22 августа 1912 года на одном из открытых островов был поднят государственный флаг империи - к России отошли 37 тысяч квадратных километров новой арктической островной территории.

mirknig.com

Так что недостижимая Земля Санникова продолжала жить в умах людей не призрачным мифом, а вполне реальным островом, который, ещё чуть-чуть, и обязательно будет найден среди безбрежных ледяных просторов Арктики.

ГЛАВА 41

вещий сон никифора бегичева

казалось, Первая Мировая война резко отделила Бегичева от Колчака. Никифор остался на Таймыре добывать для России пушное золото. Доросший до адмирала лейтенант - сражался на Балтике.

В феврале 1915 года, командуя 4 миноносцами, он скрытно расставил на подходах к Данцигской бухте несколько сот мин.

4 крейсера, 8 миноносцев, 11 транспортных судов Германии подорвались на них.

За этот военный
подвиг Колчак
получил Орден
Святого Георгия и
вскоре был назначен
командующим
Черноморским
флотом.

И всё-таки какая-то
незримая путеводная
нить продолжала
связывать двух этих
людей различных
сословий.

С гордостью за
своего боцмана

узнал Колчак о спасении Бегичевым экипажей судов

"Таймыра", "Вайгача" и "Эклипса", посланных в годы уже идущей Мировой войны на поиски пропавших экспедиций Георгия Брусилова на "Святой Анне" и Владимира Русанова на "Геркулесе". Спасатели сами оказались в ледяном плену.

47 суток по льду, в арктический холод и мрак полярной ночи, гнал Никифор Бегичев оленьи упряжки с тёплой одеждой и продовольствием к вмёрзшим во льды судам. Тем же путём он вывез на материк 50 больных участников спасательной экспедиции.

Адмирал, прочтя об этом в газетах, незамедлительно отправил Бегичеву благодарственную телеграмму.

Колчак не принял ни Февральскую революцию, ни тем более Октябрьский переворот с кровавым разгоном Учредительного собрания. Позже, уже став Верховным правителем, он объявил свою программу:

- Я не пойду по пути реакции. Главной своей задачей я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление в стране законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать

себе образ правления, которое он пожелает, и осуществить великие идеи свободы. Идёт не только партийная распря, ослабление собрания страны, но и

длится долгая гражданская война, где гибнут в братоубийственной бойне тысячи полезных сил, которые могли бы принести Родине громадные и неоценимые услуги.

Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чём так исстрадалась Русская Земля. Только после исполнения этой тяжёлой задачи мы все сможем подумать о правильном устройстве нашей державной государственности...

Преданный Союзным Командованием и чехами, адмирал Колчак стал платой за их беспрепятственный проезд во Владивосток с награбленным в России имуществом.

Когда Ленин получил известие из Иркутска, что Колчак передан большевикам, в сибирский город полетела шифрованная телеграмма о немедленном, тайном расстреле адмирала с припиской:

- Берётесь-ли сделать это архинадёжно?

Сделали всё, как просил Ленин: архинадёжно и архиподло - без суда и возможности защиты. В лунную ночь 7 февраля 1920 года адмирал Александр Васильевич Колчак был расстрелян на берегу Ангары как злостный враг трудового народа. Расстрелян и тут же безжалостно утоплен в проруби. Чтоб, никаких следов... **Архинадёжно!**

В ту ночь на далёком Таймыре Никифор Бегичев долго не мог уснуть - неведомая сила клещами сдавливала мозг. А когда удалось уснуть, приснился ему вещий сон: остров Беннета и провалившийся в ледяную полынью Колчак в адмиральской форме. Только теперь Бегичев не смог спасти своего командира...

mirknig.com

В смутное время кровавой Гражданской войны Бегичев сторонился и красных, и белых.

Да, было, обратился однажды за финансовой помощью лично к Верховному Правителю России Колчаку и получил её. Деньги пошли только на обеспечение очередной экспедиции Бегичева, в которой он нанёс на карту новые найденные им реки и озёра Таймыра.

Ничьей крови на его руках никогда не было. Может быть, поэтому большевики простили ему прежнюю связь с расстрелянным адмиралом. А скорее всего, понимали: без знаний и опыта Бегичева Советской власти на Таймыре пока не обойтись...

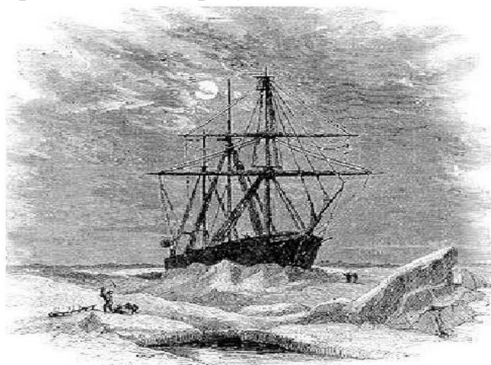
ГЛАВА 42

СГИНУВШИЕ В ПОЛЯРНОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Летом 1918 года экспедиция Руала Амундсена на парусно-моторной шхуне "Мод" решила повторить дрейф во льдах к Северному полюсу, который совершил его знаменитый соотечественник Фритьоф Нансен двадцатью годами ранее. Но в районе мыса Челюскин больше чем на год судно попало в ледяной плен: "Мод" так сильно было прижато к берегу, что ни о каком дрейфе в нужном

направлении речи не шло.

Чтобы дать о себе знать и попросить помощи, осенью 1919 году Руал Амундсен отправил штурмана Пауля Кнудсена и плотника Петера Тессема на остров Диксон, где в то

время работала единственная в Арктике радиостанция.

Путь был, конечно, не близкий - 1000 километров. Даже на собачьих упряжках он мог занять почти два месяца. Но оба посланника были опытными полярными путешественниками и смело двинулись в путь.

Посланцы до Диксона не добрались. Не вернулись они и на судно - сгинули в неизвестности.

Об их исчезновении Норвегия узнала только в марте следующего года, когда вторично зазимовав у острова Айон, Амундсен через русскую радиостанцию в Анадыре смог послать на родину краткий отчёт о своём плавании.

Немедленно к таймырским берегам правительство Норвегии снарядило специальную шхуну "Хеймен", но многомесячные поиски не дали никаких результатов.

Тогда власти страны обратились за помощью к знатоку Таймыра Никифору Бегичеву.

Оценив задачу, он сразу решил - искать нужно, идя вдоль побережья. Именно так и только так, без надёжных плавсредств, должны были идти к Диксону Кнудсен и Тессем. К тому же, топливо для костров можно было найти только у береговой полосы.

Кроме профессиональных охотников - проверенных тундрой друзей Бегичева - в его поисковую группу вошли норвежцы: капитан "Хеймена" JL Якобсен и переводчик А. Ларсен.

В путь отправились 8 июля. С Ледовитого океана дул

mirknig.com

пронизывающий ветер, было непонятно, то ли дождь идёт, то ли град со снегом... Какая-то жидкая льдообразная каша покрывала землю.

В дневниках Бегичева читаем:

- Сегодня сильный туман.-, - Опять туман, и весь день шёл снег. -, - Прошли 17 вёрст. Туман. Ничего не видеть.

Такие тяжёлые условия очень затрудняли поиск.

И всё же на мысе Вильда экспедицию ждала удача:

был найден сложенный из валунов знак и внутри него жестяная банка с вложенным письмом, написанным химическим карандашом на плотной бумаге. На письме стояла чёткая печать экспедиции Амундсена. Текст на английском языке гласил:

-"Мод", экспедиция. Два человека из её экипажа прибыли сюда с собаками и санями 10 ноября. Мы нашли здесь склад провизии в очень разорённом состоянии. Очевидно, высокая вода моря омывала этот пункт. Мы подвинули склад припасов дальше на берег и дополнили наш запас провизии на 20 дней. Мы находимся в хороших условиях и собираемся сегодня уходить в порт Диксон. Ноября 15-го 1919 года.

Выходило - тяжёлый путь в 500 километров, от вмёрзшего судна до мыса Вильда, норвежцы успешно преодолели за 26 дней. До спасительной радиостанции им оставалось пройти почти столько же.

После этой важной находки Бегичеву стало ясно: двигаться дальше, на восток полуострова - бессмысленно. Нужно идти в обратном направлении, к Диксону, стараясь держаться как можно ближе к берегу, в надежде встретить какие-то новые следы продвижения норвежцев, и тщательно обследовать берега бухт, которые глубоко вдаются в материк.

Погода, между тем, не только не улучшилась, напротив - ухудшалась с каждым днём.

- Прошли ещё 20 вёрст. Почти месяц не видим даже проблеска солнца. Холодно. Снег и дождь. Мрачная пелена густого тумана скрывает всё.. - делает в дневнике очередную запись Бегичев.

И вновь Фортуна повернулась лицом к тем, кто упорно искал пропавших. Пройдя 90 километров от мыса Вильда, экспедиция наткнулась на брошенные норвежские сани и остатки костра.

Значит, дальше Тессем и Кнудсен пошли без собак, взвалив на себя почту, снаряжение и остатки продовольствия. Почему? Скорее всего, псы один за другим погибли в пути.

ГЛАВА 43

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Тропа пропавших норвежцев уже точно прочерчивалась. Бегичев, как хорошая натасканная ищейка, чувствовал - группа взяла верный след. Теперь только не потерять его...

Ещё неделя поисков - и новая находка, ужасная по своей

mirknig.com

сути: в глубине большой бухты у полуострова Михайлова Никифор Бегичев нашёл остатки костра, а в нём среди пепла и головешек лежали обгорелые кости человека, множество металлических пуговиц и пряжек.

Вокруг кострища валялось несколько стреляных и целых дробовых бумажных патронов, остаток медного карманного барометра, французская медная монета в 25 центов, лезвие ножа, половина металлической оправы от пенсне, булавки...

Кто был этот сгоревший в костре человек? Штурман "Мод" Кнудсен? Плотник Тессем?

Погиб человек сам или был убит и положен в костёр, чтобы скрыть следы преступления?

Страшную тайну скрывали в себе эти обгоревшие кости.

Логически рассуждая, пришли к заключению: один из спутников погиб от болезни или в результате несчастного случая, а второй его товарищ, чтобы не оставлять труп на растерзание медведям и песцам, сжёг его на костре и дальше пошёл один.

Бегичев и его спутники недалеко от костра выкопали яму глубиной около метра, перенесли туда пепел и кости, тщательно закопали и сверху обложили тяжёлыми камнями.

Над этой своеобразной могилой поставили крепкий двухметровый деревянный крест, на котором вырезали короткую, очень скромную надпись:

**-Памятник
Кнудсену и Тессему.**

Все найденные предметы были тщательно описаны и упакованы для передачи Норвежскому правительству.

Этот вариант гибели одного из норвежцев впоследствии был принят как вполне достоверный, и в таком виде вошёл в историю освоения Арктики.

Однако даже не сведущие в криминалистике люди понимали: что-то здесь не так... Слишком много нестыковок. Вот лишь некоторые.

В кострище начисто отсутствовали крупные кости человека: тазовые, берцовые, челюстные. Не было и зубов, а ведь в огне они сохраняются дольше всего. Не найден был и череп. Так, может быть, небольшие фрагменты скелета вовсе не принадлежали человеку?

Дальше... Зимой, а именно в это время года пробивались к Диксону норвежцы, с побережья уходит далеко на юг вся живность: олени, зайцы, куропатки. В разводьях и трещинах припая остаются немногочисленные тюлени да в поисках добычи по льду иногда бродят белые медведи. Тут нужна только хорошая винтовка с металлическими пулями, а никак не дробовое ружьё, из которого можно подстрелить разве только птицу.

Нет, опытным полярникам Кнудсену и Тессему вместо надёжного "Винчестера", продовольствия и одежды дробовик весом в 7-8 килограммов зря таскать, явно, ни к чему.

Теперь - множество найденных пуговиц... Все до единой они имели клеймо знаменитой Парижской фирмы Samaritan Pans.

Найденная монета - опять-таки французская. Ничего норвежского на месте этой страшной стоянки обнаружено не было. Ни - че - го... И ещё: половина оправы от очков... Амундсен тщательно подбирал свою команду - людей с плохим зрением он не брал.

Почему же при множестве столь явных несуразностей, обнаруженное официально было признано местом стоянки именно норвежцев?

Тогда это решение объяснялось весьма просто: не было абсолютно никаких сведений, что кто-то до норвежцев из других полярных экспедиций пытался пешим путём пройти по этому берегу.

Раз претендентов не было, значит, только Кнудсен и Тессем. Только кто из двоих остался лежать здесь в вечной мерзлоте - оставалось неясным.

Ситуация с пропавшими членами экспедиции "Мод"

mirknig.com

прояснилась лишь на следующий год.

А сейчас, после этой жуткой находки, Бегичеву и его спутникам нужно было возвращаться на Диксон - буквально в один день снег накрыл все побережье довольно толстым, уже совсем зимним одеялом.

ГЛАВА 44

ПОЧЕМУ ПОЧТА АМУНДСЕНА ВАЛПЛАСЬ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Всё лето 1922 года по заданию Сибирского отделения Геологического комитета Бегичев вместе с известным геологом Николаем Урванцевым, открывшим знаменитое Норильское месторождение полиметаллических руд, обследовал нижнее течение таймырской реки Пясины.

Возвращались к Диксону на лодке, прижимаясь к самому берегу. Примерно в 120 километрах от Пясины Урванцев заметил на берегу какие-то светлые пятна. Он подумал, что это выходы чистых кварцевых жил, и велел пристать к берегу, чтобы обследовать их.

К тому же, наступило и время отдыха.

mirknig.com

Причалив, они увидели странное... Впрочем, вот как об этом рассказал сам Николай Николаевич:

- К нашему удивлению белыми пятнами оказались не куски кварца, а бумага, разбросанная вдоль береговой полосы. Это были листки из различных записных книжек и больших тетрадок, документы на английском языке. Всё это валялось, видимо, недавно разорённое белым медведем или песцами, потому что, хотя многое отсырело, но написанное прочесть было можно.

Мы нашли ещё три целых исписанных тетради.

Все эти бумаги были нами собраны, тщательно просушены и упакованы в пакет.

Среди выброшенного на берег плавника мы обнаружили нечто вроде склада из сложенных в клетку брёвен. Содержимое схрона в большинстве было разбросано кругом. На земле валялись следующие предметы:

1. Карманное портмоне, в котором лежало 53 рубля царских денег, 20 рублей-ассигнаций архангельского белогвардейского правительства, 7 серебряных и 3 бронзовые норвежские монеты.

2. 5 визитных карточек Руала Амундсена на русском и английском языках.

3. Шлюпочный компас в поломанном футляре.

4. Теодолит в футляре.

milkimg.com

5. Полусгнившая кожаная сумка с бинтами и марлей.

6. Жестяной бидон ёмкостью около литра с остатками керосина.

7. Заржавевший театрального формата бинокль.

8. 3 кастрюли: одна алюминиевая, две железные.

9. Изгрызанная мышами папка с чистой бумагой, фотографиями, вырезками из газет и двумя флагами: норвежским и американским. Сюда же вложены лекала и транспортёр.

10. Ртутный термометр в медном футляре.

11. Рассыпанные пуговицы, пряжки, нитки, бритвенный безопасный прибор, заржавевшая готовальня, обрывки егерской одежды, изодранная меховая шапка с кожаным верхом, обувь из тюленьей кожи и другие бытовые предметы.

Всё это мы скрупулёзно собрали и описали.

Но самое ценное - мы нашли два, зашитых в непромокаемую ткань, пакета размером 20x18x10 сантиметров каждый.

На одном по-английски было написано:

- Директору А.А. БАУЕРУ. Институт Карнеги в Вашингтоне. Одел Земного Магнетизма. -

На другом:

-Господину Леону Амундсену. Христиания.
Почта. Рукописи. Фотографии. Карты. Зарисовки. -

Теперь стало совершенно понятно - это именно та почта, которую Руал Амундсен 3 года назад отправил с места зимовки "Мод" в Норвегию с членами своего экипажа Кнудсенom и Тессемом.

Никаких следов гибели людей мы не обнаружили...

Пакеты весили около десяти килограммов, найденные вещи около 15. Всё говорило за то, что с учётом продуктов и оружия, один человек не мог нести такой груз. Значит, здесь

было явно двое норвежцев.

Тогда обгорелые кости, захороненные Бегичевым за мысом Вильда, не принадлежат ни Кнудсену, ни Тессему.

Предположение подтвердилось ровно через сутки. В 35 километрах от разорённого склада, в нежилой избе в устье реки Убойной, Никифор нашёл две пары вполне исправных лыж с клеймами норвежской фирмы "Хаген и К."

Дальше люди, видимо, пошли пешком... Почему? До Диксона, до спасительного тепла и радиостанции оставалось всего 90 километров, меньше десятой части пройденного ими пути.

В этом домике следы Кнудсена и Тессема оборвались.

До Диксона больше ничего найдено не было. Куда же исчезли норвежцы, где сгинули?

Оставив почту и часть груза в приметном месте, видимо, решили быстрее добраться до людей, и потом вернуться сюда на собаках или оленях. Но никаких следов дальнейшего пути вдоль берега. Никаких...

Казалось бы, и конец этой удивительной истории. Да только она самым неожиданным образом вскоре сама приблизила трагическую развязку многолетних поисков пропавших норвежцев.

Через несколько дней после возвращения на Диксон,

mirknig.com

Бегичев решил помочь зимовщикам радиостанции заготовить свежего мяса и отправился с двумя спутниками на охоту за дикими оленями.

Пройдя по берегу океана буквально два километра к востоку, группа наткнулась на человеческий скелет в полуистлевшей меховой одежде, лежащий на крутом уступе базальтовой скалы. Кисти рук отсутствовали. Видимо их отгрызли песцы.

В кармане фланелевой рубашки лежало несколько патронов, коробок спичек, перочинный складной нож и маленькие ножницы. Никаких документов не было. Но около пояса лежали металлические часы карманного размера с гравировкой на задней крышке:

- Полярная экспедиция Циглера. Петеру Л. Тессему, корабельному плотнику судна "Америка" в благодарность за его добровольное желание остаться в лагере Аbruцкогo. 1901-1905 годы от Антони Фиала и основателя В.М. Циглера.

На ремешке у пояса висел свисток и обручальное кольцо с гравировкой "Паулина".

Ни лыж, ни винтовки поблизости не оказалось.

Да, Тессем был опытным плотником и полярником. Его с удовольствием брали в иностранные экспедиции.

Паулиной звали его жену. По всем признакам и

находкам выходило - скелет принадлежит именно Тессему.

Бегичев внимательно осмотрел и облазил весь береговой склон, чтобы разобраться в причине смерти второго посланца Амундсена.

Всё: поза погибшего, положение его тела, крутой гладкий каменистый склон - всё это свидетельствовало о том, что, спускаясь по скале, человек поскользнулся, упал, потерял сознание, может быть, даже получил сотрясение головного мозга, и замёрз.

Останки Тессема Бегичев и его спутники захоронили здесь же, немного выше по склону, обложив могилу камнями, и поставили крест из плавника.

(В 1958 году норвежские моряки перенесли захоронение на верх мыса, в прямую видимость из Диксона. Над могилой встал небольшой памятник в виде гранитной глыбы с надписью:

- Петер Тессем. Норвежский моряк, член экспедиции на моторной шхуне "Мод". Погиб в 1920 году

А что же всё-таки случилось со спутником Тессема, куда бесследно исчез Кнудсен?

Версия вырисовывалась только одна.

Берега у Диксона, хотя и прямые, но сильно изрезаны реками, речушками и ручьями. Идти сушей довольно трудно.

Гораздо легче двигаться по гладкому льду припая.

Путники, скорее всего, и пошли морем. Однако здесь, всего в 12 километрах от Диксона, есть одно коварное местечко - бухта Полынья, вполне оправдывающая своё предательское название.

Сюда, видимо, подходит одна из струй сравнительно тёплой енисейской воды, которая постоянно разъедает лёд, образуя опасные полыньи. Они то замерзают в сильные морозы, покрываясь тонкой коркой льда, предательски запорошенной снегом, то опять вскрываются.

У открытой воды всегда много нерпы, а где нерпа - обычно бродят и белые медведи в надежде поживиться свежим мясом и горячей кровью.

Бухта Полынья - излюбленное место охоты первых зимовщиков полярной станции Диксон, и не раз здесь проваливались и люди, и сани. К счастью, пока всё обходилось без жертв..

Норвежцы, конечно же, не знали об этих опасностях бухты Полынья и, явно, пошли по ней напрямик.

Вот тут-то, вероятно, и случилась беда: Кнудсен провалился, а спасти его Тессем не смог.

Если бы вытащил, на берегу обязательно был бы немедленно разведён костёр из плавника. Однако следов такого костра никто из охотников Диксона здесь не встречал.

Дальше выстраивается простая логическая цепь: потрясённый гибелью товарища, Тессем идёт дальше уже не по льду, а по скалам материка. Возможно, он даже увидел

впереди ещё не очень яркие проблески огней радиостанции, поторопился, поскользнулся в своих нерпичьих сапогах, сильно расшибся и, потеряв сознание, элементарно замёрз. Все обнаруженные предметы, почта Амундсена, подробное описание и фотографии места находки незамедлительно были переданы Норвежскому правительству.

В знак благодарности миссия Королевства в Москве передала для Бегичева золотые часы с цепью и гравировкой на крышке:

- Monsieur N.A. Begitcheff de la part du gouvernement de Royal Norvege - (Господину Н.А. Бегичеву от правительства Королевства Норвегии).

Имя советского охотника с Таймыра тогда знал и чтит каждый норвежец. Сам Бегичев в записной книжке оставит такую запись:

- Считаю, что моя миссия по розыску закончена. Я выполнил возложенное на меня дело хотя и случайно, но точно.

Жизнь этого волевого, сильного человека не могла закончиться обыденно. Так и случилось... Его уход в мир иной оброс драматическими событиями.

ГЛАВА 45

тайна гибели бегичева и как сибревком ограбил его семью

Ещё несколько лет Бегичев ходил с экспедицией Урванцева по Таймыру, а потом создал свою промысловую артель на хозрасчётных началах - пушнина давала неплохую прибыль.

В 1926 году Сибревком (Сибирский революционный комитет) заключил с Бегичевым долгосрочный договор на

mirknig.com

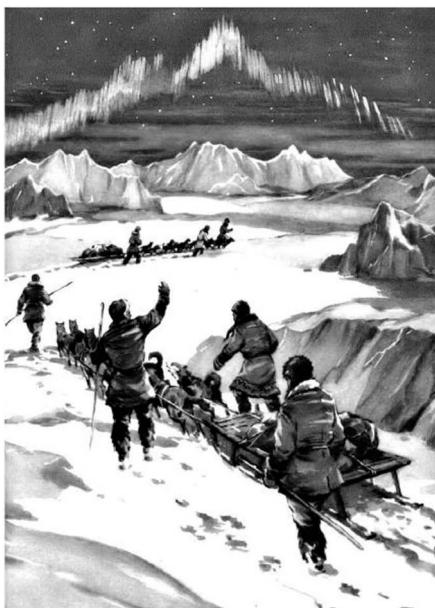
поставку пушнины на целых три года, взяв на себя полное обеспечение промысловиков всем необходимым: сетями, боеприпасами и продовольствием.

Однако продукты в большей своей части оказались непригодным для питания. Охотники продержались только до мая и вернулись на Диксон.

Вернулись все, кроме начальника.

18 мая он умер на берегу Ледовитого океана и был погребён на диком, унылом мысе Входной. Умер, по словам членов артели, от цинги в возрасте всего 53 лет...

Эта смерть ни у кого не укладывалась в голове. Как полярник с поистине могучим организмом, знающий все секреты противочинготной защиты и питания северных народов, мог погибнуть из-за болезни, от которой сам спас немало людей?

По тундре, по посёлкам и стойбищам, а потом и по стране

поползли страшные по сути слухи: Бегичева убил один из участников экспедиции Василий Натальченко.

Подозрение подогревало и то обстоятельство, что уже осенью Натальченко женится на вдове Бегичева и, забрав всю семью, уезжает в Иркутск.

Газеты начинают смаковать жестокое убийство знаменитого исследователя Арктики. Натальченко называют "колчаковским офицером", который прикончил Бегичева то ли из-за страстной любви к его красавице-жене, то ли по указанию самого Верховного правителя Сибири.

Нанятый им убийца, якобы, бежав от справедливого возмездия Красной Армии на север, много лет втирался в

доверие к доброму Бегичеву, чтобы выполнить давний, тайный приказ расстрелянного большевиками Колчака - убить бывшего боцмана "Зари" как только представится возможность

На самом деле скромный, невысокого роста Василий Натальченко никаким "колчаковцем" никогда не был и стал охотником-промысловиком поневоле, при роковом стечении обстоятельств. Он работал простым бухгалтером, в годы Гражданской войны потерял всю свою семью и от безумия вселенского братоубийства бежал подальше, на север, в посёлок Диксон. Здесь познакомился с Бегичевым, жил в его доме и стал верным другом и помощником Никифора.

Беда не ходит одна... Так и вышло. После смерти Бегичева, Сибревком не выдал его вдове Анисье премию Норвежского правительства за найденных Никифором двух членов экспедиции Амундсена. Премия несколько запоздала, но была очень весомой: Анисья с детьми могла жить безбедно долгие годы. Денег не дали без какого-либо объяснения причин.

Более того - отняли у семьи последнее.

Сибревком заявил, что артель Бегичева не выполнила план по сдаче пушнины, истратив выданный большой задаток, и посему конфискует дом Бегичева в уплату за долг.

mirknig.com

Сказано властью - выполнено той же властью.

Натальченко не оставил лишённую дома и средств существования жену своего друга... Правда, новой семье пришлось покинуть Диксон.

И ещё тридцать страшных лет семья Бегичевых-Натальченко жила в окружении недоверия, подозрения и нелепых слухов.

* * *

Огонь в тлеющем костре против Натальченко вновь раздул новосибирский поэт и журналист Казимир Лисовский. Встретившись с, якобы, свидетелем убийства Бегичева, неким Портнягиным, Лисовский пишет поэму "Русский человек Бегичев", в которой прямо обвиняет Натальченко в кровавом преступлении.

Позднее выяснилось, что Портнягин вообще никогда не входил в артель Бегичева.

Но худое слово - может довести и до дела злого: недоказанное клеймо убийцы опять легло на плечи нового мужа Анисьи.

Только в 1955 году противоречивые публикации в центральной прессе вынудили Генерального прокурора СССР Р. Руденко направить на Таймыр следственную бригаду, чтобы провести эксгумацию тела и установить истинную причину смерти Никифора Бегичева.

Добравшись до реки Пясины, бригада провела все необходимые действия в присутствии главного обвинителя Натальченко - автора поэмы "Русский человек Бегичев" журналиста Казимира Лисовского.

Никаких ран абсолютно: ни колотых, ни резаных, ни огнестрельных на теле Бегичева обнаружено не было.

Никаких признаков отравления тоже.

Экспертиза однозначно установила:

- Убийства не было. Никифор Бегичев действительно умер от цинги.

Что ж, даже его крепкий организм не смог справиться с этой коварной болезнью.

Из большой и многогранной истории освоения Арктики мы знаем - цинга часто не поражает всех подряд, а действует выборочно, избирательно.

Порой - невероятно быстро. Очевидно, кому как предписано судьбой или пока не познанными нами законами природы.

Так, видимо, и произошло в далёком 1927 году у кромки Ледовитого океана.

Семья Натальченко, вдова и дети Бегичева наконец могли жить спокойно.

Впрочем, в наши смутные времена наткнётся кто-нибудь на клязную, похожую на донос, поэму Лисовского, тиснет опять "сенсационный" материал о коварном убийстве Бегичева колчаковским офицером - и всё вновь завертится сначала...

Вот какие длинные воспоминания наваял на меня памятник землепроходцу Никифору Алексеевичу Бегичеву в далёком заполярном Диксоне.

***

Побродив с часок по заснеженным улицам посёлка, я вернулся в гостиницу, заварил кружку кофе "Цикорий" и, потягивая ароматный напиток, принялся изучать краевую газету "Красноярский рабочий" недельной давности.

Одна из заметок меня буквально озадачила.

Опрос жителей страны показал: большая часть населения ничего не знает о том, что в августе 1942 года военные действия докатились и до лежащего глубоко в тылу Таймыра, что Диксон мужественно сражался и выдержал жестокий бой с одним из лучших крейсеров германского флота "Адмиралом Шеером".

Впрочем, поразмыслив немного, я понял - ничего удивительного в этом незнании нет.

Брестская крепость, Сталинград, Курск, Севастополь, битва под Москвой, 900-дневная блокада Ленинграда - вся наша пропаганда и школьное образование основывались на этих, наиболее ярких героических страницах истории.

mirknig.com

Конечно, в отмеренных идеологией ничтожных дозах, знали мы и о помощи Советскому Союзу по программе Ленд-Лиза, и о мужестве моряков Полярных союзных конвоев.

Миллионы тонн военных грузов, продовольствия, авиационного бензина, сотни паровозов и вагонов, новейшие станки для заводов доставили они в советские порты.

Но и потери на этой суровой, северной трассе были огромны. Так только в июле 1942 года из 37 судов конвоя PQ-17, следовавшего из Исландии, дошли до Мурманска и Архангельска лишь 13.

Тогда на дно Баренцева моря от атак немецких подводных лодок и торпедоносцев ушли 3350 автомобилей, 430 танков, 210 самолётов. Погибли 153 моряка.

Материальные потери только этого конвоя составили сумму в 500 миллионов долларов.

Да, главная линия фронта страны, жесточайшие бои проходили, не здесь - на западе, в тысячах километрах от Таймыра.

Но все годы войны Северный Ледовитый океан ни одного дня не был тылом. На его просторах постоянно шли и явные, и тайные сражения с отборными горно-егерскими частями, авиацией, флотом и разведкой Германии.

И в первые месяцы, и даже годы войны, бои за Советскую Арктику и Северный Морской путь мы, порой, проигрывали. Во многом из-за своей безалаберности и недальновидности.

ГЛАВА 46

ХОЗЯИН СЕВЕРА

Советская идеология была прямолинейна и крута: критика ошибок власти считалась подрывом основ строя (как, впрочем, и во времена нынешние). И очень часто катастрофический провал той или иной экспедиции или

военная неудача становились триумфом советской науки или блестяще проведённой военной операцией.

Для поднятия духа и трудового потенциала народа власть постоянно нуждалась в сотнях, тысячах новых Стахановых, Чкаловых, Шмидтах...

К началу Второй Мировой войны трасса Северного Морского пути от Мурманска до Тихого океана в принципе уже была освоена.

Бурное развитие восточных территорий СССР, строительство Норильского горно-обогатительного комплекса требовали незамедлительного улучшения транспортного сообщения для доставки в Сибирь крайне необходимого оборудования, строительных материалов и рабочей силы и вывоза леса, металла, хлеба.

Опыт таких массовых перевозок грузов уже был, правда, почему-то совсем забыт, как и имя его организатора и исполнителя. Ни в одной из популярных, прочитанных мной книг об освоения Севера, я не встретил фамилии Морозова. А ведь в конце XIX - начале XX века Николай Васильевич Морозов был одним из ведущих гидрографов России и, пожалуй, лучшим знатоком полярных морей и льдов.

Он родился далеко от моря, в Курской губернии, в семье купца. Отец считал, что сын пойдёт по его стопам,

mirknig.com

приумножит нажитое.

А Коля после окончания гимназии сразу же уехал в Петербург и поступил учиться штурманскому делу - его влекли самые далёкие уголки России: бескрайний Север, Дальний Восток...

После получения диплома несколько лет он работает гидрографом в специальной Экспедиции по съёмке Восточного океана, приобретает нужный опыт. Но вся его дальнейшая служба будет связана с Крайним Севером.

Больше тридцати лет жизни Николай Васильевич Морозов изучал Полярные моря России. От незамерзающего Мурмана до устья Енисея пролегли его маршруты.

Он провёл тщательное исследование всего этого побережья, с подробным описанием приметных мест и знаков, глубин, рифов и мелей, свойствах воды и её гидрохимического состава в различных частях океана, ставил створные знаки.

По его лощам ходили капитаны в Белом, Баренцевом и Карском морях. У него учился гидрографии Г.Я. Седов. Начав с простого штурмана, Морозов дослужился до звания генерал-майора и много лет был помощником Андрея Ипполитовича Вилькицкого, который возглавлял Управление гидрографии Российской империи.

Николай Васильевич получил неофициальное, но очень почётное звание - **"Первый лоцман Карского моря"**.

Николай Васильевич
МОРОЗОВ
1862-1925

Первый - здесь в смысле лучший.

Это было абсолютно справедливо, ибо всё побережье Карского моря, его архипелаги и острова Николай Васильевич прошёл и обмерил не один раз.

В 1905 году правительство поручило Морозову

сложнейшую задачу: Северным Морским путём доставить в

устье Енисея тысячи тонн груза, крайне необходимого для Транссибирской железнодорожной магистрали: рельсы, цемент, взрывчатку, колёсные пары для паровозов и вагонов, оборудование для сигнального и технического обслуживания дороги.

Морозов блестяще справился с непредсказуемой проводкой - все двадцать два транспортных судна с грузами из Мурманска и Архангельска благополучно дошли до устья Енисея. Дальше вверх по реке баржами и маломерными судами груз был отправлен по месту назначения.

Эта уникальная, беспрецедентная по сложности проводка, отмеченная специальной медалью лоцману, стала самой крупной транспортной операцией начала XX века в Севером Ледовитом океане.

Сразу же после Октябрьского переворота большевики арестовали генерала и долгое время держали его в тюрьме в качестве заложника. Расстрела, как офицерская контра, он избежал, поскольку у новой власти хватило всё-таки ума привлечь к работе по восстановлению полностью разрушенного хозяйства страны не горлопанов с красными бантами и партийными билетами, а людей, досконально знающих своё дело.

Николай Васильевич возглавляет специальную Комиссию по изучению Северного Ледовитого океана Главного Управления гидрографии, входит в Постоянную Полярную комиссию АН СССР Освоение богатств Севера становится одной из приоритетных задач Советской власти.

В октябре 1924 года в Петрограде произошло катастрофическое наводнение, которого не было ровно сто лет. Вспомним пушкинский "Медный всадник":

Осада! Приступ! Злые волны
Как воры лезут в окна. Чёлны
С разбега стёкла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой.
Обломки хижин, брёвны, кровли,
Товар завистливой торговли.
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесённые мосты.

mirknig.com

Гроба с разбитого кладбища
Плывут по улицам!

Наводнение 1924 года было не менее грозным и страшным. Случилось так, что Морозову пришлось добираться до дома по колено, а на отдельных участках даже по пояс в осенней, холодной Балтийской воде. Он простудился, тяжело заболел и слёг. Всё-таки возраст сказывался... Стало ясно - работать больше не сможет.

Академия наук обращается в правительство с ходатайством о назначении выдающемуся географу, океанологу и картографу Н.В. Морозову персональной пенсии. В ходатайстве были такие строки:

Он обследовал всё побережье и воды Севера европейской части России и той части Сибири, которая граничит на Востоке с островом Диксон. Заслуги Николая Васильевича Морозова перед страной очень велики и должны быть вознаграждены ею по справедливости по отношению к той пользе, какую его работы не только принесли, но и ещё долго будут приносить...

Ходатайство осталось без резолюции...

Николая Васильевича власть поместила в жалкий пансионат для одиноких и неимущих, где он и скончался через несколько месяцев.

Похоронили его в Петербурге, на Серафимовском кладбище, рядом с его сыном Георгием - кадетом Морского корпуса.

Именем Н.В. Морозова названы 8 географических объектов (бухт, островов, заливов, мысов) в Белом, Баренцевом, Карском, Японском морях и в Море Лаптевых.

А вот небольшой камень, совсем не памятник, с благодарностью русскому генералу, поставили только в середине 80-х годов.

Впрочем, имя Н.В. Морозова и сегодня практически никому не известно. Мы живём по-прежнему в стране, зачастую не помнящей своего исторического прошлого, своего родства, "в стране Ивана", как образно озаглавил свой сатирический роман о деградирующем Советском Союзе

известный советский же писатель Эльмар Грин.

Да, Советской власти нужны были теперь только свои, советские герои. Нужно было прославлять их подвиги и достижения - идёт отсчёт нового времени, его событий и истории...

В 1932 году математик, географ и исследователь Арктики Отто Юльевич Шмидт и капитан В.И. Воронин на пароходе "Сибиряков" прошли трассу Северного Морского пути за одну навигацию. Прошли трудно. Не без тяжёлых поломок и аварий. Но льды преодолели.

Пароход "Сибиряков" водоизмещением 3200 тонн вышел из Архангельска 28 июля. Через 5 дней он был уже на Диксоне, дожидаясь транспорта с углём...

***

К началу сентября "Сибиряков" добрался до бухты Тикси в Море Лаптевых. И здесь корабль попал в тяжёлые торосистые льды.

Медленно пробиваясь сквозь них, корабль всё-таки смог дойти до Чукотского моря, оставив за кормой почти 5 тысяч километров тяжёлой арктической трассы.

Тут и случилась первая беда: пытаюсь выбраться из

mirknig.com

ледяного плена, судно потеряло все четыре лопасти гребного винта. Полностью обездвиженный корабль стал невольным пленником Ледовитого океана.

Теперь всё зависело от того, куда судно понесут арктические льды.

Казалось, положение "Сибирякова" безнадежно. Водолазов на судне не было, да и провести замену лопастей под водой даже в тёплых морях - дело абсолютно провальное.

Такие сложные операции делаются только в сухом доке.

Шмидт принимает дерзкое, смелое, но очень опасное решение - перегрузить весь запас угля в 400 тонн в носовые трюмы судна, задрав таким образом корму над льдом, и попробовать заменить винт.

Другого выхода нет. Это риск. И немалый.

Если ветер разведёт льды, судно с нелепо задранной кормой просто перевернётся.

Объявлен аврал.

Каждый мешок каменного угля - стандартных четыре с половиной пуда, 80 килограммов. Мешок на плечи и через всю палубу, согнувшись, от кормы к носу. Две бригады, включая капитана и руководителя экспедиции, шестичасовая смена...

Ни на минуту не прекращается работа. От усталости просто падали с ног Неделю подряд.

Выдержали, заменили винт, и на малом ходу снова вперёд. Чтобы не терять время, уголь перетаскивали обратно уже по ходу судна.

Но и ледяные поля уже не хотели отпускать свою жертву. До чистой воды Тихого океана оставалось всего 130 миль. И вновь авария.

Теперь уже непоправимая - лёд срезал винт вместе с концом гребного вала.

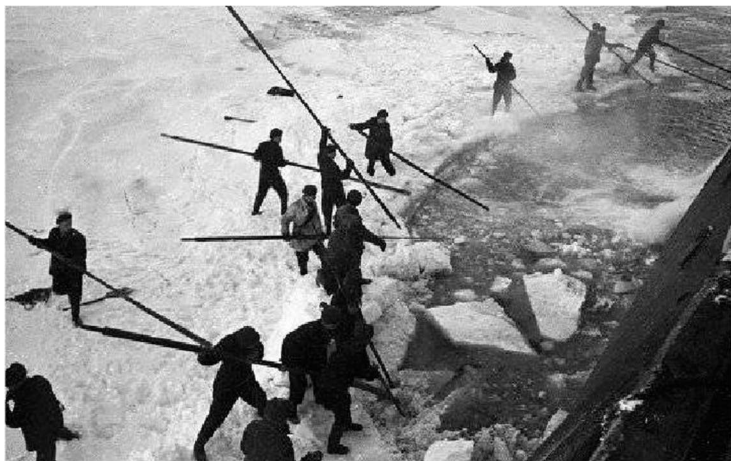
10 дней корабль дрейфовал вместе со льдами в разных направлениях. Шмидт проводит самое короткое собрание за время всего рейса:

- До Берингова пролива осталось 200 километров. Наш корабль беспомощен. Ему нужна наша мускульная сила. Мы потащим судно, используя течение и дрейф. Поставим паруса

и выйдем из льда.

Ещё не отдохнув от первого изматывающего аврала, объявлен новый. С таким же невыносимо тяжёлым ритмом работы...

Загремели взрывы, расколотые льдины отталкивали от бортов баграми. Метр за метром "Сибиряков" двигался по образовавшимся трещинам и узким развоям.

Сохранились уникальные кадры кинохроники: сквозь лёд медленно, как тень пиратского судна, идёт корабль с одиннадцатью гигантскими чёрными парусами из брезента от угольных трюмов (в состав экспедиции был включён кинооператор - героический рейс "Сибирякова" должна увидеть вся страна).

И "Сибиряков"-таки вышел на чистую воду у северного прохода в Берингов пролив.

Путь корабля до Тихого океана из устья Северной Двины занял два месяца и три дня.

Пароход для ремонта был отбуксирован в японский порт Иокогама, и оттуда своим ходом отправился в Архангельск, но уже через Суэцкий канал.

Несмотря на аварию, экспедиция "Сибирякова" доказала возможность активного плавания по Северному Морскому пути.

mirknig.com

Уже 17 декабря 1932 года выходит специальное постановление Совета Народных Комиссаров:

- Проложить окончательно Северный Морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить по нему безопасное плавание

Для практической реализации этого дорогостоящего, но очень важного для экономики и обороны проекта создаётся всесильное управление - Главсевморпуть.

Его начальником, естественно, становится директор института Арктических исследований и герой рейса "Сибирякова" Отто Юльевич Шмидт.

Теперь в его руках вся мощь партийного аппарата севера, огромные финансовые ресурсы, гигантская прибрежная и островная территория Ледовитого океана, флот из десятков кораблей и ледоколов, самолёты полярной авиации.

И даже лагеря Гулага с бесплатной и постоянно пополняющейся рабочей силой. На Севморпуть возложено не только освоение и техническое оснащение трассы, но и изучение недр полярных территорий, развитие сельского хозяйства.

Фактически Шмидт становится полновластным и жёстким хозяином всего Советского Севера.

Надо признать - ему многое удалось сделать.

По всей трассе арктической морской дороги на островах и побережье Ледовитого океана было открыто 18 метеорологических станций, следящих за погодой и состоянием льдов, ведущих сбор и изучение необходимой информации для арктического судоходства и воздушных транспортных операций.

Интенсивно обустраивались опорные порты трассы: Диксон, Игарка, Дудинка, Тикси, Певек и Провидения. Пополнялся ледокольный, транспортный, гидрографический и научный флот Арктики, строились прибрежные и островные аэродромы.

В 1934 году по трассе северного Морского пути за одну навигацию из Владивостока в незамерзающий Мурманск без единой поломки прошёл ледорез "Литке". В следующем году - 4 большегрузных теплохода.

Между устьями великих рек Оби, Енисея и Лены установились постоянные водные маршруты, что значительно облегчило обеспечение северных строек. Со следующего года трассу начали осваивать и военные:

для усиления Дальневосточного флота из Балтики во Владивосток прошла большая группа боевых кораблей.

В 1939 году ледокол "Иосиф Сталин" за одну навигацию

дважды прошёл северной морской дорогой..

***

В предвоенные годы был накоплен огромный опыт плавания в арктических морях, на секретных картах проложены самые безопасные маршруты кораблей с учётом удобных бухт.

глубин, течений и ледовой обстановки по всей трассе Северного Морского пути.

Давно было покончено и с иностранным браконьерством на Новой Земле, архипелаге Земля Франца-Иосифа и других островах океана, входящих в советскую территориальную зону.

Казалось, никто лучше нас не знает Арктику на всём её огромном протяжении от Кольского полуострова до Аляски.

Считалось, случись война с Германией, обладающей мощным флотом - Арктика сама защитит себя от незваных врагов, восточнее островов Новая Земля боевые корабли рейха не сунутся.

Ещё посмеивались, дескать, для фашистов страшнее "Генерала тумана" и "Адмиралов льда и холода" ничего нет.

Посмеивались зря. Наши военные стратеги, разведка и контрразведка с началом военных действий на Севере с ужасом осознали: немцы знают Арктику гораздо лучше нас.

Они имеют такие подробные и точные карты, которые позволяют их подводным лодкам и кораблям уходить незамеченными далеко на Восток.

ГЛАВА 47

ЧТО ПОРОДИЛ ВЕРСАЛЬ

Холько в последующие после развала Советского Союза годы тонкий ручеек правды о масштабах германской экспансии в наших северных морях начал вытекать из опечатанных и засекреченных архивов.

Захватив Норвегию и имея союзников - финнов, Германия создала на севере Скандинавии и на Шпицбергене мощные авиационные и военно-морские базы, способные держать под постоянным контролем продвижение морских караванов с военными грузами для Советского Союза из

США, Канады и Англии.

После ужасающего разгрома конвоя PQ-17 из-за непростительной ошибки Английского Военно-морского штаба, снявшего боевую охрану идущих в Мурманск судов задолго до их входа в советскую зону сопровождения, проводка караванов по западной трассе во избежание новых потерь прервалась на несколько месяцев.

Нападение немецких торпедоносцев на конвой PQ-17.

Восточный же, арктический морской путь для Ленд-Лизовских поставок от берегов Аляски до Баренцева моря продолжал работать и наращивал свой потенциал.

а А А

Германия прекрасно осознавала всю стратегическую важность для СССР и его союзников этого маршрута и тщательно готовилась к решающим операциям. Задача не из простых.

Необходимо не только перерезать в нескольких местах эту, образно говоря, полярную кровеносную систему снабжения длиной больше 6 тысяч километров, но и максимально вывести из строя инфраструктуру Северного

mirknig.com

Морского пути: уничтожить порты, маяки, створные знаки, парализовать работу метеорологических станций и этим лишить зрения советские транспорты, идущие среди туманов и льда.

В считанные месяцы после начала военных действий Германия разворачивает на арктических островах свои секретные метеорологические станции, в труднодоступных местах Новой Земли и Архипелага Земля Франца - Иосифа строятся аэродромы и скрытые в скальных гротах базы ремонта и снабжения подводных лодок, совершенно не видимые ни со стороны океана, ни сверху.

Все нужные для этого места давно найдены и подробно обследованы.

Германская разведка добралась даже до устья реки Лена. По некоторым отрывочным сведениям и находкам последних лет здесь, в обширной и совершенно не изученной тогда огромной по площади акватории скальных островов и многочисленных протоков, на подземном тайном руднике трудились советские военнопленные.

Ценную руду, возможно содержащую радиоактивные элементы, огромные подводные лодки снабжения, так называемые "дойные коровы", вывозили в свой порт Петсамо

на Кольском полуострове.

Как же всё это стало возможно, почему советские спецслужбы фактически проглядели и вовремя не пресекли многолетнюю деятельность разведки Германии⁹

Догадывались ли вообще о такого рода подготовке к будущей войне?

Догадывались, но не осознавали огромных масштабов этой тайной работы.

Подводная лодка Германии у берегов Новой Земли.

А она началась задолго до начала Второй Мировой войны, сразу же, как только Германия сокрушительно проиграла Антанте Первую Мировую.

Тщательно проанализировав весь её ход, военные рейха признали одной из главных причин поражения самой сильной и великолепно оснащённой техникой армии недостаточную активность военно-морских сил Германии.

Практически все четыре года войны её мощные крейсера, эсминцы и линкоры были заперты в своих базах, а огромный подводный флот, с появлением у противника современных средств обнаружения, не смог осуществить морскую блокаду Англии и перерезать водные коммуникации снабжения.

mirknig.com

28 июня 1919 года в зеркальном зале Версальского дворца под Парижем 27 стран-победительниц решили судьбу проигравших.

Представитель Германии был приглашён в зал только для того, чтобы поставить свою подпись под уже заранее подготовленным унижительным договором.

Процветающая и могущественная страна была поставлена на колени. Великая Германия лишалась абсолютно всех своих колониальных и подмандатных территорий.

От самой Германии отрезались огромные, лакомые куски: богатые минеральным сырьём провинции Эльзас и Лотарингия отошли к Франции, земли Северный Шлезвиг - к Дании, Бельгия получила округа Эйпен, Малмеди и Морене.

В новообразованное Польское государство вошли провинция Познань и часть Западной Пруссии.

К тому же пресловутый "Польский коридор" начисто отделил Восточную Пруссию от всей территории Германии, образовав обособленный анклав.

Саарский район передавался под контроль Лиги наций. Немецкий портовый город Данциг объявлен "вольным городом", а реки Эльба и Одер стали свободными для плавания иностранных судов.

Ко всему этому на Германию налагалась совершенно

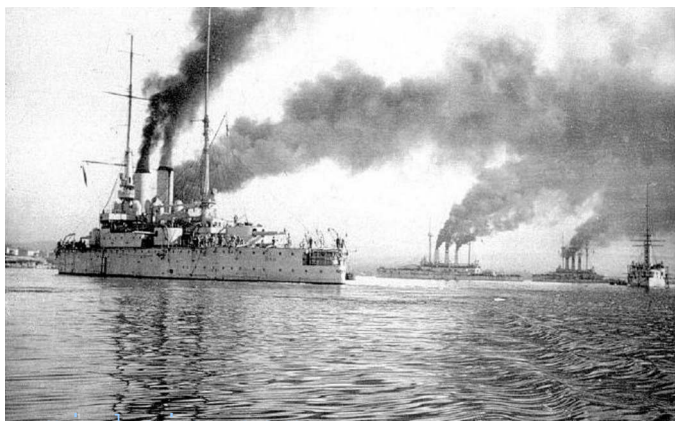
немыслимая, разорительная для страны репарация - 20 миллиардов марок золотом.

Но самый мощный удар Версальский договор наносил военной мощи рейха. В Германии отменялась всеобщая воинская обязанность, численность всех армейских подразделений не могла превышать ста тысяч человек.

Да и те могли быть задействованы только для подавления внутренних беспорядков.

Германии запрещалось иметь военные самолёты, танки, подводные лодки и корабли любого назначения водоизмещением больше 10 тысяч тонн.

mirknig.com

Мощный броненосный флот Германии растащили по военным базам стран Антанты. Самой Германии, как жалкую и неопасную подачку, оставили 6 лёгких крейсеров, 12 эсминцев и к ним в довесок столько же торпедных катеров.

Но униженная Версальским договором, военная элита Германии не оставила своих планов завоевания мира.

* * *

Единственной страной, не признавшей условия Версальского договора, как это ни странно, оказалась тоже униженная и Антантой, и Германией - Россия.

Правда, теперь уже красная Россия большевиков.

В Версаль её представителей даже не пригласили.

А ведь Россия положила на алтарь победы Антанты над Германией миллионы жизней солдат И именно Россия фактически спасла Францию от полного разгрома.

Это признавал весь генералитет республики.

Брестский же договор с Германией, который вождь большевиков В. Ульянов-Ленин считал несправедливым и называл не иначе как похабным, но всё же подписанный в марте 1918 года, лишил Россию огромных территорий: от неё отделились Польша, большая часть Белоруссии, Прибалтика,

Финляндия, Бессарабия.

На страну в пользу Германии наложена контрибуция в 6 миллиардов полновесных, золотых рублей.

Прибытие делегации Советского России в Брест-Литовск для подписания мирного договора с Германией.

В новой России голод, холод, разрушена экономика, брат воюет с братом - идёт, не знающая жалости, кровопролитная Гражданская война.

Страна отчаянно нуждается в деньгах, в кредитах.

Но западные страны для восстановления дипломатических отношений требуют гарантий на возврат царских долгов.

Россия однозначно и резко заявляет: прежние долги выплачивать не будем. Замкнутый круг.

Обе страны - Веймарская Германия и Россия в тисках экономического коллапса отчаянно ищут выход. И находят.

В апреле 1922 года на Генуэзской конференции в маленьком итальянском городке Рапалло они заключают договор об установлении всесторонних дипломатических отношений и полностью отказываются от всех взаимных претензий и репараций по итогам Первой Мировой войны.

Рапалльский договор стал началом окончания международной изоляции РСФСР, а для Германии это был

первый равноправный договор после оскорбительного для неё Версаля.

Что же побудило недавних противников протянуть друг другу руки?

Разорённая Мировой и Гражданской войнами Россия имела неисчислимы запасы минерального сырья, ценных руд, сотни миллионов гектаров превосходного леса, уголь и нефть. Всего этого катастрофически недоставало Германии.

Школьники Германии собирают металлолом для переплавки.

Зато Германия владела новейшей промышленной технологией, огромным научным потенциалом во всех областях знаний, самыми современными станками и машинами.

А молодое советское государство отчаянно нуждалось именно в этом. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин, подписывая официальный Рапалльский договор, ничего не знал, что практически параллельно Германия и Советская Россия в строжайшей тайне подготовили и другое соглашение, касающееся только военной сферы.

В трудах западных историков, которые никогда не переводились на русский язык и тщательно скрывались Кремлём, оно названо "Договором Радека - фон Секта".

Карел Радек, журналист и партийный функционер, в годы

КБ. Радек.

Первой Мировой войны был главным связным между руководством партии большевиков и Германским Генштабом. Он - один из организаторов переезда Ленина из Швейцарии через вражескую территорию Германии в Россию. В 1922 году - Член ЦК РСДРП (современные западные источники утверждают: Карел Бернгардович Радек числился сверхсекретным агентом германской разведки).

Генерал Ханс фон Сект в тот период возглавлял стотысячную армию Германии - Рейхсвер. Сект прекрасно осознавал: возродить былую военную мощь поверженной Германии можно только в обход Версальского договора и только с помощью России. Вот в этой точке сошлись интересы двух стран и двух разведок.

Генерал Ханс фон Сект на смотре войск Рейхсвера.

mirknig.com

На территории Советской России планировалось построить оборонные заводы Германии, а произведённое на них оружие и боеприпасы частично переправлять на территорию рейха, частично хранить на специальных базах и складах в России.

На таких фанерных машинах по условиям. Версальского договора вынужденно обучались танкисты Германии у себя в стране.

***

Первое секретное соглашение по военному сотрудничеству было подписано между Советским правительством и хорошо известной фирмой "Юнкере"

Оно предусматривало производство металлических самолётов и моторов на заводах Московского пригорода Фили. Уже в конце 1925 года Германии было передано 170 современных "Юнкерсов", и их производство наращивалось из месяца в месяц.

Артиллерийские снаряды и гранаты начали выпускать оружейные арсеналы в Ленинграде, Туле и Златоусте.

В 1924-1928 годах немцы построили и оборудовали лётную школу в Липецке, танковую под Казанью, школу химической войны недалеко от Саратова.

По договорённости в этих школах обучались и советские курсанты. Так что польза, бесспорно, была взаимовыгодна.

mirknig.com

Липецкая школа лётчиков имела в своём, распоряжении новенькие "Юнкерсы" последних моделей.

Одна из групп немецких курсантов Липецкой авиашколы.

Кроме того командиры Красной Армии всех родов войск получили возможность тайно выезжать в командировки в Германию, где они на практике изучали все аспекты академической науки и военного дела.

На официальном уровне Германия выделяла Советскому Союзу гигантские кредиты на покупку паровозов, вагонов, станков и машин - всего необходимого для восстановления хозяйства и промышленности.

Эти кредиты незамедлительно и без проволочек погашались поставками в Германию сырья.

Появились даже крупные совместные предприятия.

Советские инженеры начали выезжать в Германию для изучения её технологического опыта и приобретения лицензий и образцов гражданской и военной техники.

Так для производства танков Т-28 в Германии была куплена лицензия на двигатель БМВ мощностью 500 л.с. Его начал выпускать Харьковский паровозостроительный завод.

Для советского флота были куплены чертежи тяжёлых корабельных пушек и лёгких орудий для подводных лодок, новейшие образцы гидроакустической аппаратуры, моторы для торпедных катеров...

С приходом Гитлера к власти такое сотрудничество не сворачивалось. Вопреки авторам нашумевшей книги "Германский меч ковался в СССР" Ю. Дьякова и Т. Бушуевой, в которой делается однозначный вывод, что Иосиф Сталин и его окружение фактически вооружили и подготовили к войне с СССР армию Германии, смею утверждать обратное.

Именно фашистская Германия оказала Красной Армии неоценимую помощь, передав ей новейшие образцы военной техники. Так в середине 30-х годов Советский Союз купил в Германии строящийся крейсер "Лютцов" со всем вооружением. Его достроили в Ленинграде, и под названием

"Петропавловск" он вошёл мощной боевой единицей в состав военно-морского флота страны.

Для изучения и испытаний в полевых условиях в сухопутные войска СССР поступили тяжёлые 211-мм гаубицы, батарея скорострельных 105 мм зениток, танк Т-3, гусеничные тягачи, приборы для управления огнём, образцы систем радиосвязи и оборудование для химических войск.

Закупались и совсем новейшие образцы самолётов: Хейнкель -100, Юнкере -88, Дорнье -215, Мессершмидт -109, Фокке-Вульф -155 и другие модели.

Причём, Германия поставляла их в СССР с запасными моторами и комплектами запасных частей.

Вся эта техника направлялась в различные НИИ и КБ. Только в 1940 году с немецкими самолётам ознакомились 3500 советских инженеров.

Казалось, над Германией и Советской Россией - одно безоблачное небо. Но обе стороны прекрасно понимали - они

mirknig.com

остаются врагами, и рано или поздно, но такое тесное сотрудничество будет свёрнуто.

А пока обе страны извлекали, каждая для себя, максимальную выгоду и пользу.

Эшелоны с советским зерном., лесом, топливом безостановочно поступали в Германию вплоть до 22 июня 1941 г.

Это было время самых благоприятных условий для работы в СССР германской разведки.

Её отделы скрупулёзно собирали и обрабатывали все, даже мельчайшие сведения о нашей стране географического, исторического, экономического и военного порядка.

В системе абвера был создан специальный, особо секретный научно-информационный центр под кодовым названием "Раумкоппель", куда стекалась, хранилась и анализировалась вся информация для подготовки будущих военных операций против СССР и других стран.

В состав её особого отдела "К" входили прекрасно подготовленные боевые пловцы, отряд радиоуправляемых торпедных катеров, сверхмалые подводные лодки для разведки и диверсионных операций.

Центр оперативно получал и тщательно обрабатывал газеты, научные и географические журналы всех стран мира.

В бронированных сейфах хранилось больше 230 тысяч карт и десятки тысяч аэрофотографий.

Трудно было заподозрить опытных разведчиков в респектабельных людях в штатском, входящих в совсем не примечательное с виду здание под вывеской какой-то совсем незначительной фирмы. Только вот выправка у всех её сотрудников была явно армейская.

Конечно же, "Раумкоппель" особенно интересовала Советская Арктика.

Военные стратеги Германии прекрасно понимали её роль в будущем противоборстве не только с СССР, но и Англией и США.

Северный Морской путь уже в недалёкой перспективе реально мог стать важнейшей стратегической магистралью между странами Западной Европы и гигантским Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Там, на Востоке, пока в строжайшей секретности, ковалась военная и экономическая ось: Германия - Япония.

Морской путь по Северному Ледовитому океану, например, из Гамбурга в Иокогаму, был в два раза короче, чем дорога через Суэцкий канал.

И почти в три раза - минуя мыс Доброй Надежды.

mirknig.com

Но чтобы успешно проводить военные и торговые корабли вдоль холодных берегов Сибири, среди льдов шести арктических морей, порой сквозь непроницаемые туманы, нужно владеть огромной информацией о каждом участке этой сложной трассы.

Нужно знать глубины и проходы в проливах, наиболее безопасные судовые ходы среди многочисленных островов и рифов, постоянно получать сводки погоды, информацию о состоянии и движении льда.

И Германия, готовясь к войне в Арктических водах, провела несколько блестящих разведывательных операций по сбору необходимой информации о полярных районах Советского Союза.

Об одной из них мы знаем как о выдающемся успехе советской и германской науки в изучении Севера.

Речь идёт о знаменитом пятисуточном полёте лучшего тогда в мире дирижабля LZ-127 "Граф Цеппелин" над Советской Арктикой в июле 1931 года.

Эта воздушная экспедиция шумно рекламировалась в мировой прессе, бойкие репортажи о её ходе печатали все крупные советские газеты.

И никто не догадывался тогда, что за этой специально созданной внешней шумихой и открытостью скрывается прекрасно спланированная абвером и центром "Раумкоппель" масштабная разведывательная операция.

Обработка гигантского массива собранных в полёте материалов заняла несколько лет.

Вторая секретная операция германской разведки проведена буквально накануне войны с СССР и носила кодовое название "Фаль гряун" ("Зелёный случай").

Летом 1940 года германский рейдер "Kommet" прошёл всю трассу Северного Морского пути.

С личного разрешения Сталина.

Об истинной цели этого похода мы бы ничего не знали до сих пор (так тщательно Кремль скрывал свой катастрофический провал), если бы бывший командир рейдера контр-адмирал Роберт Эйссен не опубликовал свою книгу **"Военный дневник "Комета"**, в которой откровенно

рассказал об этой суперсекретной операции.

В моём архиве скопились кое-какие любопытные материалы об этих событиях.

Но начнём с полёта "Графа Цеппелина". Ибо без него не было бы и операции "Фаль гряун".

Всё же, прежде чем мы попадём на борт этого дирижабля, давайте познакомимся с его предшественниками и совершим в Арктике полёт на воздушном шаре, а потом на маленьком гидроплане "Фарман".

ГЛАВА 48

"ОРЁЛ" ЛЕТИТ К ПОЛЮСУ

Ещё в 1709 году португальский монах Бартоломео Гузмао, изобретатель и строитель первого аэростата, в своём обращении к королю писал, что именно воздушные полёты откроют человеку надёжный путь к полюсам Земли.

Его идея не была забыта.

Но сотни фантастических проектов на протяжении

двух веков так и не были реализованы. Просто из-за их нежизнеспособности.

И всё-таки находилось немало людей, которые продолжали верить: мечта того португальского монаха осуществима.

Вторую половину 19-го века очень часто называют "героическим временем полярных исследований".

Неприветливая, скованная льдом суровая Арктика своей недоступностью будто бросала вызов технологической изобретательности человека, его мужеству и отваге.

Талантливый инженер патентного бюро в Стокгольме Соломон Андре был страстным любителем воздухоплавания.

На собственном шаре он совершил десятки полётов, преодолев многие тысячи километров.

В одном из полётов его аппарат, заполненный чистым водородом, поднялся на высоту 4378 метров - мировой рекорд тех лет.

Второй мировой рекорд он хотел установить по дальности перелёта, но с сугубо научной целью: провести аэрофотосъёмку по всему пути следования.

А путь этот в его планах лежал от Шпицбергена через Северный полюс и весь Ледовитый океан, с посадкой воздушного шара на Аляске, в Канаде или восточной части Сибири.

Соломон Андре не был рискованным авантюристом. Он был человеком науки и потому, готовясь к полярному перелёту, зимой 1882-1883 годов в составе шведской группы учёных изучал на Шпицбергене состояние погоды и атмосферное электричество, сделав 15 тысяч наблюдений.

Вернувшись, он сразу же отправился на север Норвегии и

Соломон Андре

несколько месяцев работал на метеорологической станции, наблюдая за направлением ветров, дующих за Полярным кругом.

Полученные им знания подтверждали - полёт через Северный полюс вполне осуществим.

Только после этого в одной из главных газет Швеции он опубликовал сообщение о своих намерениях и планах и обратился к гражданам страны с просьбой помочь собрать деньги на постройку шара и

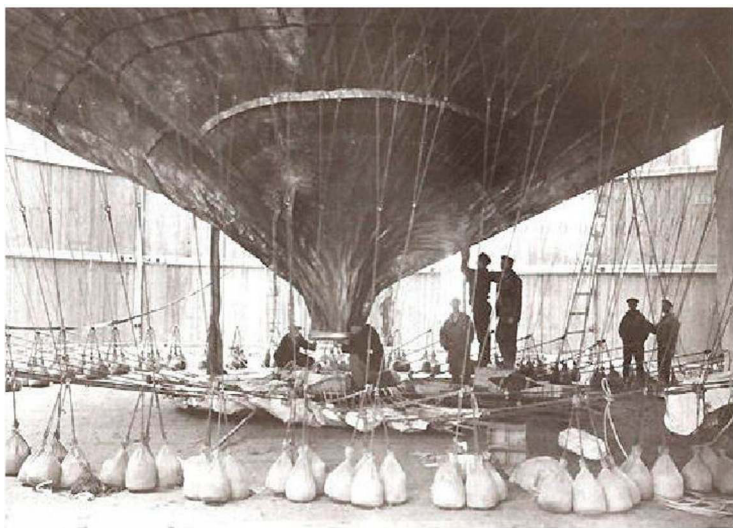
сам полёт. Сумма требовалась немалая - 130 тысяч крон. По сегодняшним меркам почти миллион долларов.

Часть средств выделила Академия наук, 30 тысяч крон пожертвовал король Швеции Оскар, почти 60 тысяч дал изобретатель динамита Альфред Нобель. 5 тысяч - Фритьоф Нансен. Недостающую сумму наскребали уже по мелочи и с трудом.

А вот желающих отправиться в столь рискованное путешествие вместе с Андре были сотни: инженеры, работники, художники, клерки, студенты.

Андре отобрал только двух. Ими стали: руководитель его экспедиции на Шпицбергене доктор Нильс Экхолм и 26-летний выпускник Упсальского университета Нильс Стринберг - блестящий фотограф и изобретатель самых лучших в мире аэрофотокамер.

К весне 1896 года шар диаметром 20 метров для полёта готов и из Парижа доставлен в ангар на Шпицберген.

Вместе с аэронавтами шар способен поднять три тонны груза: продовольствие, научные приборы, средства выживания на случай аварии.

От Шпицбергена до Северного полюса 1200 километров - всего два дня полёта.

А от полюса до берегов Северной Америки ещё 2300 - четыре дни воздушного плавания.

mirknig.com

С учётом естественной утечки водорода запас газа в шаре на 30 дней - полная гарантия от всех неожиданностей.

Но полёт в тот год не состоялся.

Резко сменилась роза ветров.

"Орёл" - так назывался шар Андре - вылетел к полюсу ровно через год.

В экипаже доктора Экхолма сменит 25-летний инженер и известный спортсмен Кнут Френкель. Для связи с родиной на борт взяты 36 почтовых голубей.

Одного из них, внезапно севшего на рею судна, вскоре подстрелил норвежский шкипер в трёхстах километрах от Шпицбергена. На фирменном бланке Андре была депеша в редакцию популярной газеты "Автонбладет":

- 13 июля. Полдень. 82 градуса С.Ш. - 15,5 В.Д. Успешно продвигаемся на восток.

У нас всё благополучно. Это наш третий голубь.

К сожалению, этот голубь стал и последней весточкой экспедиции. "Орёл" пропал в ледяном безбрежье Арктики.

Шведское правительство сделало абсолютно всё, чтобы обнаружить хотя бы следы сгинувших: много лет

поисковые партии прочёсывали обледелую Гренландию, побережье и острова Сибири. Ничего, никаких признаков полёта или крушения "Орла"... Да, Арктика часто забирает сильных и смелых, но, бывает, и вечно хранит погибших.

Так было и с экспедицией шведов.

33 года спустя после старта "Орла" лагерь Андре случайно нашли на необитаемом острове "Белый" восточнее Шпицбергена. В брезентовой лодке лежало много различных продуктов, меховая одежда, оружие...

Под всем этим хранилось самое ценное - скрупулёзно заполненный журнал экспедиции с названием:

-САННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 1897 ГОДА.

Буквально рядом с лодкой лежал вмёрзший в лёд и запорошённый снегом труп Андре без каких-либо признаков насильственной смерти. Тут же была могила Стринберга, который, видимо, умер первым. Невдалеке нашли и останки Френкеля. Страницы журнала раскрыли причину пребывания экспедиции на этом острове.

Уже на третий день полёта сильный ветер стал гонять воздушный шар в разных направлениях, не приближая его к полюсу.

К тому же "Орёл" так обледел, что корзиной буквально касался торосов с риском разбиться. Пришлось прекратить полёт и садиться на лёд.

Фото севшего на лёд "Орла" с пластинки Стринберга.

mirknig.com

Взяв с собой всё необходимое для трудного перехода по льдам, люди двинулись на юг, в санный путь к земле.

Записи в журнале и отпечатанные с пластинок Стринберга фотографии дали живую картину долгой борьбы отважных людей с холодом и льдами. Только через три месяца они добрались до необитаемых берегов острова Белый. Добрались, и имея всё необходимое для дальнейшего пути, остались здесь. Остались, чтобы погибнуть.

Но никаких записей или намёков на трагическую развязку журнал экспедиции не давал.

С. Андре и К. Френкель у туши убитого ими белого медведя. Фото отпечатано с пластинки Н. Стринберга.

Причина их смерти остаётся тайной до сегодняшнего дня... Скорее всего, они отравились недостаточно проваренным мясом белого медведя.

Специальный корабль доставил останки членов экспедиции Андре в Стокгольм.

Несмотря на ливень, десятки тысяч людей пришли на набережную встретить своих погибших соотечественников. Корабль вошёл в порт, сопровождаемый сотнями катеров и эскадрильей самолётов.

Над столицей гремел траурный салют.

Так трагически закончилась очередная попытка достижения

Северного полюса. Попытка завоевать его с воздуха. Но трагедия с экспедицией Андре не заставила энтузиастов воздухоплавания объявить свою мечту несбыточной.

ГЛАВА 49

ПОЛЯРНЫЙ АС

Летом 1914 года в бухту Крестовую на Западном побережье Новой Земли вошло русское судно "Печора".

С него на берег матросы с трудом выгрузили 9 огромных ящиков, промаркированных выжженными надписями знаменитой французской авиационной фирмы "Фарман". В ящиках были части небольшого разобранного гидросамолёта.

Вскоре два человека принялись за его сборку. Один - техник-моторист, матрос 1 статьи Е. Кузнецов, второй - выпускник Гатчинской школы воздухоплавания, морской лётчик поручик Ян Нагурский.

На Новую Землю они прибыли с важным заданием Главного гидрографического Управления Морского министерства. Нужно было попытаться провести с воздуха поиски бесследно пропавших два года назад сразу трёх русских экспедиций: В. Русанова, Г. Брусилова и Г. Седова.

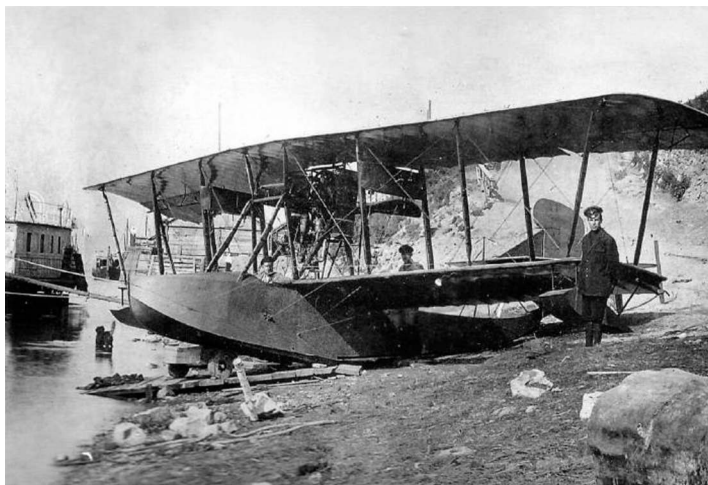

Я.И. Нагурский

Молодой, но уже опытный лётчик Ян Нагурский сам предложил штабу этот вариант поиска: с высоты, например, одного километра при ясной, хорошей погоде можно видеть вперёд и по бокам на десятки километров.

Сборка гидросамолёта, способного поднять двух человек и 350 килограммов груза, продолжалась 14 часов - рекордно короткий срок.

Но поручик Ян Нагурский прекрасно знал каждый винтик своей машины: целый месяц в цехах завода Фарман он скрупулёзно контролировал изготовление самолёта, а потом совершил на нём 18 тренировочных полётов.

8 августа 1914 года, ровно через неделю после того, как Германия начала военные действия против России, поплавки биплана Нагурского оторвались от воды и самолёт, набрав высоту в полтора километра, пошёл на Север вдоль побережья суровой Новой Земли.

Это был первый в истории человечества полёт самолёта в небе Арктики. Первый. Тогда, по значимости, он был сродни полёту Гагарина и выходу человека в открытый космос.

Потом, в своих воспоминаниях об этом ярком событии, Ян Иосифович так опишет свои ощущения от этого полёта:

- С высоты перед нами открывались красивые виды: справа проплывал остров с грядami островерхих хребтов, с которых в океан сползали огромные ледники. Слева -

бесконечные торосы Баренцева моря с тёмными пятнами открытой воды и фантастических форм айсбергами. В лучах незаходящего солнца лёд искрился как бы обсыпанный миллионами бриллиантов.

Сознание, что я первый человек, поднявшийся на самолёте в этом суровом краю вечной зимы, наполняло и радостью, и беспокойством за исход полёта.

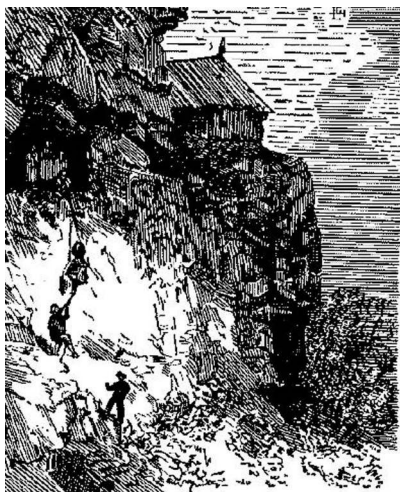
Гидросамолёт продержался в воздухе 4 часа 20 минут, обследовав почти 500 километров побережья. "Андромеду" - судно снабжения бензином, пришлось в бухте посадки ждать сутки.

После отдыха и заправки самолёта Нагурский с механиком продолжили полёты. Им надлежало обследовать остров Панкратьев.

Здесь штаб поисковой экспедиции планировал организовать базовый лагерь, из которого можно было бы осуществлять воздушные рейды вдоль восточного берега Новой Земли и в сторону архипелага Земля Франца-Иосифа.

При облёте острова, среди мрачных скал, Нагурский заметил воткнувшуюся между ними для защиты от пронизывающих ветров небольшую избушку.

Вскоре легкокрылая машина, тормозя, заскользила по припайному льду.

Заглушив мотор, пилот и механик по крутому откосу, помогая друг другу, быстро поднялись к бревенчатому домику. То, что они нашли в нём, Россия ждала уже несколько лет.

На промороженном столе, у нехитро сколоченных нар, лежала металлическая труба из консервных банок.

В ней оказался рапорт Георгия Седова в Морское министерство.

Георгий Яковлевич сообщал, что из-за сложнейших ледовых условий он не смог на своём судне "Святой мученик Фока" подойти к Земле Франца-Иосифа. С частью экипажа он перебрался на зимовку в избушку на острове Панкратьев. Вмёрзший в лёд "Фока", под надёжным присмотром оставшихся членов команды, был в зоне прямой видимости, в 15 километрах от берега.

Эта неожиданная находка активизировала поиск.

Следующий маршрут Нагурского лежал в сторону острова Рудольфа архипелага Земля Франца-Иосифа. Но из-за сильного обледенения "Фарман" продержался в воздухе всего два часа и с трудом вернулся на остров Панкратьев. Между тем Мировая война разгоралась, армии требовались опытные пшюты и инструкторы, поэтому вскоре было решено временно прекратить полёты Нагурского в Арктике и отозвать лётчика в Петроград.

В чине лейтенанта береговой охраны он испытывал новые гидросамолёты, скрупулёзно изучал их боевые и тактические возможности. На одном из них совершил с пассажиром две петли Нестерова подряд. Этого не делал даже сам Нестеров - друг Нагурского по лётной школе.

В 1917 году отряд морской авиации Яна Нагурского

базировался на острове Эзель в Балтийском море. Отсюда пилот ежедневно отправлялся на патрулирование и "охоту" за немецкими транспортами, перевозившими железную руду из Швеции.

В одном из боёв над Рижским заливом самолёт Нагурского был сбит и штурманом понёсся вниз.

Но опытному лётчику и его механику удалось всё-таки покинуть борт машины.

Два часа они мужественно

продержались на воде в спасательных поясах. Их подобрала случайно оказавшаяся в этом районе русская подводная лодка.

Россия достойно оценила заслуги своего первого полярного аса: за арктическую эпопею и боевые заслуги он награждён орденами высшей славы: Святой Анны, Святого Владимира с мечами и бантом и Святого Станислава.

Сразу после прихода к власти большевиков молодой, знаменитый авиаконструктор Игорь Сикорский предложил Нагурскому покинуть Россию и перебраться с ним в Америку. Но Ян Иосифович предпочёл уехать на родину, в Польшу, которая, наконец, обрела независимость.

Чтобы избежать мобилизации и не воевать против России, Ян Нагурский утаил от властей свою военную специальность и офицерское звание и устроился инженером на сахарный завод...

Да, Первая Мировая война несколько отодвинула идеи авиационного освоения Арктики Россией. Но дело русского лётчика Нагурского продолжили другие энтузиасты.

Любопытно, что в 1925 году Нагурского разыскал американский лётчик Ричард Бэрд. Двум выдающимся

пилотам, да ещё одноклассникам, было о чём поговорить.

Бэрд в будущем году, базируясь на Шпицбергене, мечтал долететь на своём многомоторном Фоккере до Северного полюса, и Ян Иосифович поделился с ним бесценным опытом полётов в Арктике. В прессе, по просьбе Нагурского, об этой встрече не появилось ни слова...

9 мая 1926 года Бэрд вместе со вторым пилотом Флоридом Беннетом достигли Северного полюса и благополучно вернулись на базу. Это произошло ровно за трое суток до того, как над полюсом величаво проплыл дирижабль "Норвегия" экспедиции Руала Амундсена. На борту воздушного судна был и конструктор знаменитого дирижабля итальянский инженер Умберто Нобиле... Он и привёл в качестве пилота свой корабль к мечте Амундсена...

Всемирной славы хватило и Бэрду, и Амундсену с Нобиле.

Они не были первыми на полюсе. Но первыми добрались до макушки Земли по воздуху.

В конце 1929 года, а точнее 29 ноября, Бэрд уже в качестве штурмана, с основанной им базы "Little America" в Антарктиде, через 8 часов тяжелейшего полёта точно вывел свой трёхмоторный самолёт к Южному полюсу и, пролетая над ним, сбросил вниз флаг США с привязанным к нему камнем.

Камень был взят на могиле его друга Флориды Беннета. Таким символическим образом Бэрд отдал свои почести человеку, с которым три года назад они долетели до Северного полюса и который недавно скончался от туберкулёза.

Бэрд после успеха своей Антарктической экспедиции решением Конгресса США получил звание контр-адмирала, а Ян Нагурский продолжал тихо работать конструктором.

Благодаря этому и пережил тяжёлые годы оккупации Польши Германией.

В России же о нём вообще забыли. В лихие годы Гражданской многие архивы либо сгорели, либо были уничтожены за ненадобностью. Официально считалось, что морской лётчик Ян Иосифович Нагурский погиб на фронтах ещё Первой Мировой.

Да и чего о нём вспоминать - офицеришка в царской армии.

В 1955 году совершенно случайно Нагурский попадает на публичную лекцию известного польского учёного и полярника Цеслава Ценкевича, который в своём выступлении мельком упомянул давно забытые, но первые полёты в Арктике поляка, поручика русской армии Яна Нагурского, погибшего не то в 17-ом, не то в 18-ом году.

Теперь время наступило другое, скрываться от власти было незачем, и Ян Иосифович встал и сказал:

- Я и есть тот самый морской лётчик Нагурский. Только я не умер и не погиб.

С этого события и началась его вторая, известная, общественная жизнь в новой Польше.

В 1956 году Ян Иосифович приехал в Москву. Ему уже 68 лет, из них почти 40 он не был в стране, которая научила его летать.

Пресса широко освещала встречи Нагурского с известными полярными лётчиками страны Чухновским, Водопьяновым, Шевелёвым, которые через 20 лет после его полётов у берегов Новой Земли покорили льды уже всей Арктики.

Но самое знаменательное событие в этот приезд произошло в Ленинграде: Ян Иосифович познакомился с бывшей балериной Императорского Мариинского театра Верой Валерьяновной Май-Маевской, женой Георгия Яковлевича Седова, чью экспедицию он пытался разыскать в далёком 1914 году.

После этой встречи, как дань памяти Седову, он написал увлекательную книгу о тех поисках.

И ещё любопытно вот что. Собирая материал для книги, я наткнулся на сообщение американской прессы.

Дотошные исследователи в 1999 году докопались до архивных материалов о полёте Бэрда на Северный полюс и, якобы, обнаружили в журнале полёта стёртые, но всё ещё различимые цифры, которые вызвали сомнения: а достиг ли лётчик вообще точки Северного полюса.

По мнению этих исследователей, Бэрд, преодолев большую часть пути, вынужден был повернуть назад из-за

утечки масла в моторах.

Чуть-чуть не дотянул до цели...

Как бы там ни было, Ричард Бэрд остаётся выдающимся пилотом, который навсегда вошёл в мировую историю авиации, как и русский лётчик, поляк по национальности Ян Иосифович Нагурский, именем которого недавно названы аэродром и самая северная погранзаезда России на острове Земля Александры архипелага Земля Франца-Иосифа.

ГЛАВА 50

ЗАЧЕМ "ГРАФ ЦЕППЕЛИН" 116 ЧАСОВ ЛЕТАЛ НАД СОВЕТСКОЙ АРКТИКОЙ

В 1919 году командир одного из немецких цеппелинов Вальтер Брунс высказал революционную идею организовать экспериментальный воздушный мост Амстердам (Голландия) - Копенгаген (Дания) - Петроград (Россия) - Ванкувер (Канада) - Сан-Франциско (США).

mirknig.com

По мнению Брунса, цеппелины - дирижабли огромных размеров, построенные немецким конструктором графом Фердинандом Цеппелином, могут преодолеть весь этот гигантский путь за 5-6 дней.

Он же предложил открыть постоянную международную дирижабельную линию Берлин - Ленинград - Хабаровск - Токио. Беспосадочный перелёт из Ленинграда в Хабаровск, например, занял бы всего три дня - огромный выигрыш времени по сравнению с двухнедельным маршрутом по Транс-Сибирской железной дороге.

Для Советской России, с её огромными, практически неосвоенными просторами Сибири, идея использования дирижаблей для экономического развития страны была крайне актуальной. И уже в 1925 году при Совнаркомом СССР создаётся специальная комиссия по транссибирскому воздушному} дирижабельному пути.

Один из членов комиссии, убеждённый сторонник дирижаблестроения инженер Б.Н. Воробьёв писал:

- Дирижабли должны работать круглый год, особенно на Севере. Никакая полярная ночь им не помеха. Эти аппараты помогут нам, наконец, завоевать Арктику и поставить её богатства на благо народу.

mirknig.com

В 1930 году цельнометаллический дирижабль LZ-127 совершил беспосадочный перелёт из столицы Германии в столицу Японии через территорию Советского Союза по маршруту: Берлин - Вологда - Нижняя Тунгуска - порт Аян - Токио. Расстояние в 11247 километров он преодолел за 101 час 50 минут.

Этот цеппелин уже 9 лет эксплуатировался как туристический экспресс для состоятельных людей и за это время перевёз ни много ни мало - 13 тысяч пассажиров. Годом раньше он совершил кругосветное путешествие с четырьмя посадками, оставив за кормой больше 35 тысяч километров.

*Пассажиры
"Графа
Цеппелина"
наблюдают
за полётом
во время*

кругосветного туристического круиза.

mirknig.com

Теперь наступил черёд и чисто арктических полётов. Пока с целью глубокого изучения до сих пор труднодоступных районов. По инициативе того же Вальтера Брунса и русского эмигранта, учёного-гидрографа и специалиста по Северу Леонида Брейфтуса, было создано Международное общество по систематическому изучению полярных стран посредством воздухоплавательных аппаратов.

Общество получило красивое название "Аэроарктик". Центр его находился в Берлине. Бессменным председателем общества стал знаменитый исследователь севера Фритьоф Нансен.

Однако большинство членов правления "Аэроарктики" составляли представители Германии, которые с постоянной напористостью стремились осуществить первые научные полёты почему-то в Советской зоне Арктики.

Резон, конечно, в этом был. СССР обладал самой большой арктической территорией, где оставалось много "белых" пятен.

В 1928 году конференция "Аэроарктики" проходила в Ленинграде. На неё прибыли представители 7 стран: Германии, Италии, Дании, Эстонии, Норвегии, Финляндии и СССР. В преддверии Второго Международного Полярного года была разработана и утверждена большая программа международной научной экспедиции на дирижабле в Советскую зону Арктики.

Официальные цели воздушной экспедиции были более чем мирными: комплексные географические и метеорологические наблюдения, изучение технических возможностей использования дирижаблей в высокоширотной Арктике.

Один из самых важных пунктов программы - обширная кино и аэрофотосъёмка на всём пути следования дирижабля, особенно ещё не исследованных или малоисследованных районов Заполярья, многочисленных островов и архипелагов.

Для этих целей у Советского Союза в те годы не было ни дирижаблей, ни нужной современной аппаратуры. Вот почему и Правительство страны, и Академия наук СССР

всецело поддерживали организацию этого полёта, тем более, что по договору с "Аэроарктик" все результаты научных исследований и аэрофотосъёмки в одинаковой мере будут доступны странам-участникам.

Для организации этой масштабной воздушной экспедиции правительство Германии выделило обществу "Аэроарктик" дирижабль LZ-127.

В то время это было самое совершенное и самое мощное воздушное судно подобного типа в мире.

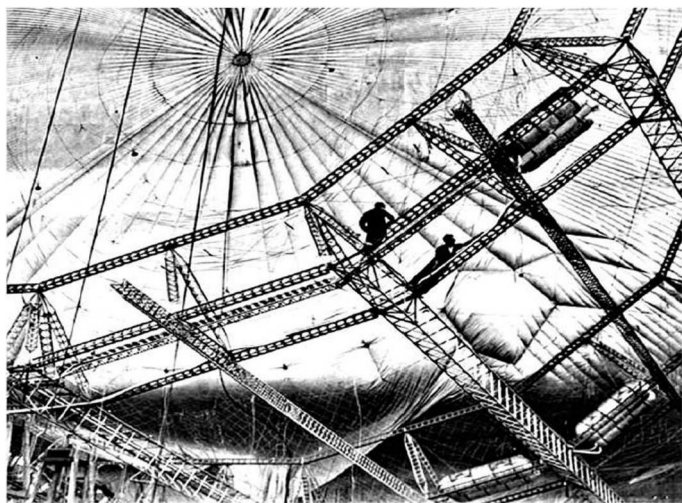
Это был тот самый "Граф Цеппелин", который совсем недавно совершит кругосветное плавание по воздушному океану.

Вот лишь некоторые технические характеристики этого чуда инженерной мысли:

длина - 236 метров

наибольший диаметр - 30,6 метров, - примерно высота десятиэтажного дома.

объём - 105 000 кубических метров.

Сборка корпуса "Графа Цеппелина".

Каркас - решётчатая конструкция из дюралюминия, 17 отсеков которой заполнены водородом. Одна треть этого объёма использовалась не как несущий газ, а как топливо для своих 4-х новейших двигателей "Майбах" по 530 лошадиных

сил каждый. Суммарная сила моторов и запас горючего газа позволяли доставлять сорок тонн общего груза на расстояние 14 тысяч километров с крейсерской скоростью больше ста километров в час, что в два раза превышало среднюю скорость на железных дорогах.

Дирижабль имел свою электростанцию, телеграф и телефон, прекрасно оборудованную кухню, шикарную кают-компанию на 28 человек, великолепную мебель из ценных пород дерева, удобные и просторные спальные места.

Конечно, для целей полярной экспедиции воздушное судно пришлось немного переоснастить. Так, для посадки дирижабля на воду переделали дно гондолы и закрепили на корпусе специальные поплавки.

Для облегчения веса отказались от многих излишеств весьма дорогих туристических круизов: фаянсовую посуду заменили лёгкими бумажными тарелками и чашками, убрали тяжёлые умывальники и красивые массивные зеркала, более экономным стал расход воды.

Эти, казалось бы, простые мероприятия позволили оснастить дирижабль самой лучшей и современной научной аппаратурой и приборами.

По бортам смонтировали новейшие камеры для аэрофотосъёмки с электроприводами фирмы "Карл Цейс", в гондоле была оборудована прекрасная фотолаборатория, в отдельных отсеках разместились мощные радиостанции. Три германских радиста со знанием нескольких иностранных языков одновременно могли принимать сводки со всех метеостанций мира.

Поскольку экспедицию готовили "арктические зубры" - опытные полярники, они учли все опасные нюансы будущего путешествия.

На случай вынужденного приводнения (маршрут полёта пролегал над тремя морями Ледовитого океана) в снаряжение вошли пять надувных лодок на 12 человек каждая, несколько байдарок.

Если дирижабль сядет на лёд - взято два десятка крепких саней, 12 тёплых палаток и 46 спальных мешков из оленьего меха.

Для охоты на морского зверя и обороны от белых медведей - винтовки и 5 маузеров. Различного провианта загружено 600 килограммов, не считая кексов, печенья, хорошего вина и 200 литров минеральной воды. Запаса pemмикана хватило бы на 2 месяца. Но путешествие должно занять всего пять дней.

Каждый участник экспедиции получил тёплый костюм со множеством карманов, нежное нижнее бельё, шерстяную фуфайку, кожаные меховые рукавицы, очки, верхний влаго и ветронепроницаемый костюм, а также специальные утяжелённые ботинки.

Учёных, желающих принять участие в трансарктическом полёте, оказалось во много раз больше, чем можно было разместить на борту. Да и расходы на снаряжение экспедиции были огромными. "Аэроарктик" стремилась как-то компенсировать их. Поэтому приняли решение - каждый кандидат на полёт приобретает билет, причём по весьма высокой цене.

Так, американец Линкольн Элсворт - участник и спонсор перелёта Руала Амундсена через Атлантику на дирижабле "Норвегия"¹, выложил за право участвовать в этой экспедиции огромную по тем временам сумму - 5 тысяч долларов.

Всего в арктический полёт отправлялось 46 человек. 39 из них были немцами, один швед, два представителя США.

Общее научное руководство экспедицией осуществлял крупный советский геолог, исследователь Арктики, профессор, директор Института по изучению Севера в Ленинграде Рудольф Лазаревич Самойлович.

От Советского Союза в научную группу также вошли известный метеоролог и изобретатель радиозондов Павел Молчанов, инженер дирижаблестроения Фёдор Ассберг и уже

Р.Л. Самойлович.

известный тогда радист, будущий зимовщик дрейфующей станции "Северный полюс-1"¹¹ Эрнст Кренкель.

Командиром "Графа Цеппелина" был назначен опытный немецкий исследователь с военной выправкой Гуго Эккнер. Списочный, полностью немецкий экипаж дирижабля составлял 26 человек.

Но командир судна буквально перед отлётом включил в команду сверх штата ещё пять человек. Кто на самом деле и с какой целью попали на борт эти "воздухоплаватели" с явно "липовыми" паспортами, чем они занимались в отведённых им кабинах - до сих пор покрыто мраком неизвестности.

Первая Международная экспедиция "Аэроарктик" стартовала 23 июля 1931 года из немецкого города Фридрихсгавен, а 25 июля Ленинград при огромном стечении народа, восторженно, с оркестром приветствовал прибытие "Графа Цеппелина" на Комендантский аэродром, где была сооружена специальная причальная мачта.

На торжественную встречу с участниками экспедиции приехали Президент Академии наук СССР Александр Петрович Карпинский, начальник Главсевморпути Отто Юльевич Шмидт, немецкий посол Герберт фон Дирксен.

Выступая на банкете в честь участников экспедиции, командир "Графа Цеппелина" Гуго Эккнер, подняв хрустальный бокал с вином, проникновенно сказал:

Может быть, я посредственный воздухоплаватель и уж, наверное, посредственный оратор. Но не надо быть Цицероном и Демосфеном, чтобы выразить все чувства, охватившие участников экспедиции после такого приёма. Мы рады, что находимся в стране, которая производит социальный опыт всемирно-исторического значения и

Гуго Эккнер.

работает не покладая рук, чтобы поднять материальный и культурный уровень трудящегося населения.

Мы отдаём себе полный отчёт в огромных успехах, достигнутых СССР вопреки всем трудностям...

Гуго Эккнер знал что говорить, какие дифирамбы и кому петь - он был опытным, глубоко законспирированным разведчиком абвера.

В Ленинграде "Граф Цеппелин" дозаправили газом, погрузили на борт почту и подарки от "Осоавиахима": свежайшую ветчину и советскую минеральную воду, которая так понравилась на банкете всем участникам этого полёта.

26 июля дирижабль был уже над Архангельском. Здесь руководители экспедиции уточнили дальнейший маршрут. На основании синоптических сводок выяснилось, что целесообразнее сначала направиться на север - к архипелагу Земля Франца-Иосифа.

Полёт цеппелина LZ-127 от Каниного Носа до первого острова архипелага длился около 20 часов.

27 июля в 17 часов 52 минуты дирижабль был над бухтой Тихой острова Гукера, где уже два года работала советская геофизическая обсерватория.

По плану экспедиции, "Граф Цеппелин" должен был совершить здесь свою первую посадку на воду.

Покружив немного над удобной для этого бухтой, дирижабль начал плавный спуск, предварительно выбросив за борт большие шланги для быстрой заправки водяного балласта, и вскоре поплавок цеппелина коснулся поверхности, действительно, тихой на тот час воды.

Чтобы лучше закрепиться, отдали и специально сконструированные якоря.

В бухте "Графа Цеппелина" ждал ледокол "Малыгин", на борту которого находился генерал Умберто Нобиле, известный инженер и исследователь Арктики. Три года назад его дирижабль "Италия", стартовав со Шпицбергена, успешно достиг Северного полюса, но на обратном пути потерпел аварию и взорвался.

Часть экипажа погибла, часть около месяца провела в

ледяном лагере, который получил известность под названием "Красная палатка". (Одноимённый советско-итальянский фильм вышел на экраны мира в 1969 году).

Умберто Нобиле вывез со льдины шведский лётчик, лейтенант Эйнар Лундберг, большинство оставшихся в живых членов экспедиции спас советский ледокол "Красин".

В год полёта в Арктику "Графа Цеппелина" Умберто Нобиле заключил договор с СССР и строил первые советские дирижабли в подмосковном посёлке Дирижабльстрой.

Конечно же, ему было предложено посетить бухту Тихую и встретиться с экипажем и учёными полярной экспедиции "Аэроарктики".

Едва дирижабль приводнился, как от "Малыгина" отвалила шлюпка. По штурм-трапу в гондолу поднялись Умберто Нобиле, а также будущий начальник Севморпути, но ещё малоизвестный тогда, Иван Папанин и несколько полярников обсерватории.

После коротких приветствий начался обмен мешками с почтой. Эта, на первый взгляд, незначительная операция была весьма важна для "Аэроарктики" - она приносила существенный доход.

На пароходе и дирижабле находилось несколько сот

mirknig.com

писем и открыток, погашенных специальными штемпелями Первой трансарктической воздушной экспедиции.

Уникальные почтовые раритеты с нетерпением ждали филателисты всех стран мира и готовы были платить за них очень большие деньги.

Но почтовый обмен и гашение писем пришлось прервать - в бухте неожиданно появилась огромная льдина, которая начала стремительно дрейфовать к дирижаблю.

Столкновение воздушного гиганта со льдиной грозило новым, только ещё более ужасающим "Титаником" - пробоиной и возможным взрывом от удара.

Командир цеппелина провожает гостей в шлюпку и отдаёт команду немедленно подниматься.

"Граф Цеппелин" берёт курс на север, к одному из самых больших островов архипелага - Земле Александры. Этот район в ту пору был наименее изученным. Благодаря точным и обширным фотограмметрическим съёмкам, учёные цеппелина выявили и исправили значительные ошибки на существующих картах.

Затем дирижабль сворачивает на восток, пролетает над островом Рудольфа - самым северным островом Земли Франца - Иосифа.

Почти половину дня шла непрерывная аэрофотосъёмка многочисленных островов архипелага, его ледников, бухт,

проливов и заливов. Одна камера снимала вертикально вниз, вторая - под углом в 20 градусов.

Такой метод сканирования поверхности применяется впервые в мировой практике. Он позволял получить не только чёткие очертания береговой линии, но и всего района, прилежащего к ней.

Рудольф Самойлович был учёным широкого профиля, и он хотел, чтобы в поле зрения путешественников попало как можно больше малоисследованных географических объектов. Этого страстно желал и командир дирижабля Гуго Эккнер, но, как впоследствии оказалось, с совершенно иными целями.

Эккнер и немецкие пилоты охотно выполняли все требования Самойловича: меняли курс, заглядывая в самые неизученные уголки Советской Арктики, зависали над наиболее интересными её районами...

В рубке управления "Графа Цепелина".

После обследования Земли Франца-Иосифа "Граф Цепелин" круто повернул на восток и направился к практически неизведанному архипелагу Северная Земля, который был открыт только в 1913 году русскими гидрографами под руководством Б.А. Вилькицкого.

mirknig.com

Облёт Северной Земли цеппелином LZ-127 продолжался 5 часов. Вот что пишет об этом в своей книге "РАЕМ - мои позывные" Эрнст Кренкель:

- Летели над Северной Землёй, и в кают-компании царило невероятное возбуждение. Научную часть экспедиции страшно взбудоражил поток информации, который так и плыл в руки, как галушки в рот гоголевскому Пацюку. Буквально каждые пять минут фотоаппараты дирижабля фиксировали новый, неизвестный географии остров.

Эккенер шутил, что Самойлович падает в обморок от этого неслыханного урожая.

Однообразные для профана льды Самойлович читал как открытую книгу. Мне было очень интересно наблюдать в эти минуты за Рудольфом Лазаревичем, превратившим громаду цеппелина в прибор для научного исследования подробностей, увидеть которые иными способами до этого было невозможно. Самойлович в эти минуты был буквально как туго натянутая струна. Он не выходил из командирской рубки, сосредоточенно вглядываясь вниз...

Незадолго до прилёта "Графа Цеппелина" на Северную Землю, к одному из островов архипелага - острову Домашний - сквозь ледяные поля Карского моря удалось пробиться ледоколу "Георгий Седов". На суровом острове была оборудована круглогодичная метеостанция.

Дирижаблю предстояло приземлиться в районе станции, передать зимовщикам, работающим здесь в отнюдь не домашних условиях, почту и продовольствие, и взять на борт известного полярного геолога Н.Н. Урванцева.

Однако столь ожидаемая всеми встреча не произошла. Помешали плохие погодные условия - практически нулевая видимость из-за плотно лежащего над островом тумана. К тому же, в это время островная радиостанция почему-то не подавала никаких признаков жизни.

"Граф Цеппелин" пролетел от метеостанции всего в 15 километрах, унося с собой долгожданную почту и подарки. Конечно, это была неудача. Совсем крохотная по сравнению

с огромным массивом информации, полученной в полёте над архипелагом.

Сам Рудольф Лазаревич оценивал работу учёных на борту "Графа Цеппелина" так:

- Полёт над Северной Землёй дал чрезвычайно интересные результаты. Особенно аэрологические исследования. За всё время было выпущено 4 радиозонда системы Молчанова, которые давали возможность автоматически регистрировать температуру воздуха, давление, его влажность.

Весьма неожиданными и любопытными оказались результаты работы профессора Вейкмана.

Его приборы анализировали состав проб воздуха, взятых на разных участках трассы полёта.

Оказалось - в одном кубическом сантиметре воздуха над Ленинградом содержалось 52 тысяч микроскопических частичек пыли.

Над Архангельском - 26 тысяч, а над островами Северной Земли их было не больше двухсот-трёхсот.

Вывод однозначен: воздух в Арктике пока в сто-двести раз чище, чем в городах.

К тому же, это были первые достоверные сведения о загрязнении воздуха в полярных районах, которые могли стать контрольными для мониторинга изменений его состава на протяжении времени.

Полёт дирижабля LZ-127 проходил на высотах до полутора километров над поверхностью воды и земли, что давало исследователям прекрасный обзор.

После обследования и аэрофотосъёмки Северной Земли, цеппелин-гигант взял курс к самой северной точке Таймырского полуострова - мысу Челюскина, и пересёк Горы Бырранга - настоящее белое пятно Таймыра.

Здесь был выпущен ещё один радиозонд Молчанова. На высоте 17 километров он зафиксировал температуру минус 49 градусов. У поверхности земли она была чуть выше нуля.

Полёт над Таймыром продолжался в условиях

хорошей видимости - срок работы экспедиции был выбран с учётом наилучшей погоды короткого арктического лета.

С борта гондолы цеппелина перед воздушными путешественниками открылся незабываемый пейзаж Таймыра, который никто на земле даже не мог предположить: под дирижаблем проплывала торфяная равнина, на сотни квадратных километров расчерченная строгими ячейками прямоугольников, заполненных водой. Точь в точь таких, как рисовые поля в Индии и Азиатских странах.

Но здесь, в полярной тундре, кто и какой могучей силой мог создать такое чудо, для чего?

Теперь мы знаем - такую редкую, удивительную, полигональную тундру формирует сама природа за счёт пучения грунта под воздействием оттаивающей летом мерзлоты. Любое строительство в заполярной тундре должно учитывать эти факторы, любая разморозка фундамента здания неминуемо приведёт к его разрушению.

Но тогда, во время полёта "Графа Цеппелина", всё это казалось фантастическим видением Арктики, как и огромные, в сотни и тысячи голов, стада диких оленей, переплывавших бурные таймырские реки.

Это произвело на иностранцев неизгладимое впечатление - в давно освоенной Европе диких животных в единичном

числе можно увидеть разве что в заповедниках.

После Таймыра LZ-17 делает опять крутой разворот и летит на северо-запад, к мысу Желания - самой северной точке Новой Земли.

Всю береговую зону этих двух гигантских островов, протянувшихся с юга на север на 900 километров, особенно их восточную, практически непосещаемую сторону, исследовали особенно скрупулёзно, сделав буквально тысячи разномасштабных снимков.

Над проливом Маточкин Шар, разделяющим Новую Землю на Северный и Южный острова, дирижабль на малой скорости пролетел даже дважды.

Все эти бесценные сведения в годы войны с Германией позволят немецким подводным лодкам адмирала Дёница долгое время безнаказанно топить суда на морских дорогах севера и укрываться в секретных базах полярных островов.

Да и тайные аэродромы Люфтваффе тоже были и в архангельской тундре, и на Новой Земле, и на совсем неизвестных островах... А пока ничто не предугадывает такое развития событий.

Первый в истории освоения Арктики и дирижаблестроения полёт успешно завершился.

За 116 часов полёта над Советской частью Северного Ледовитого океана пройдено 13200 километров, собран огромный и во многом уникальный материал.

Руководитель всей научной программы экспедиции профессор Самойлович считал, что дирижабль проделал такую работу, на которую обычными методами с помощью пеших экспедиций, кораблей и ледоколов потребовались бы многие годы, если вообще не десятилетия.

К тому же с большим риском для жизни людей...

Успешно испытанные радиозонды Молчанова уже на следующий год станут метеорологам всего мира их главными помощниками

Во время уникального полёта "Графа Цеппелина" удалось выяснить важное - вокруг Северного полюса слой стратосферы имеет толщину всего 10,5 километра.

90 сеансов магнитных наблюдений дали ценнейшие сведения для практического развития науки о навигации и дальней радиосвязи...

Профессор Самойлович делает однозначный вывод:

- Арктику можно и нужно осваивать с воздуха.

Итак, научная программа "Графа Цеппелина" успешно завершена, дирижабль летит к Ленинграду, где, согласно договору с "Аэроарктик", должны быть выгружены наиболее ценные научные материалы.

На подлёте к городу погода несколько ухудшилась, но командир корабля категорически отказывается совершить посадку, ссылаясь на сильный ветер.

Никакие убеждения Самойловича на капитана Гуго Эккенера не действуют - командир твёрд, он не имеет права подвергать воздушный корабль и экипаж риску.

С борта дирижабля на парашюте сбрасывается только бесценный груз, "подарок филателистам" - почта с ледокола "Малыгин".

"Граф Цеппелин" по прямой направляется к Берлину.

Вслед за этим в Кремль, Правительству СССР, идёт срочная радиограмма Эккенера:

- Покидая страну, оказавшую нам столь ценное содействие, я не хотел бы упустить случай принести сердечную благодарность и одновременно выразить своё живейшее удовлетворение по поводу того, что первая работа русской и немецкой науки в деле исследования Арктики дала прекрасные результаты.

***

Капитан Гуго Эккнер был прав. Сто раз прав. Воздушная экспедиция в Советскую Арктику действительно дала прекрасные результаты.

Вот только главные из них - десятки тысяч великолепных аэрофотографий, крайне необходимых для составления карт, советская сторона не получила.

Как только дирижабль приземлился в Берлине на столичном аэродроме Темпельгольф, прибывшие сотрудники в штатском опечатали все научные материалы экспедиции и увезли их в неизвестном направлении.

Через некоторое время советской стороне было официально сообщено, что, к великому сожалению, абсолютно все материалы аэрофотосъёмки случайно засвечены.

Никакого протеста и настоятельного требования провести официальное расследование потери самых ценных материалов с советской стороны не последовало.

Наоборот, Сталин, в силу его личного понимания отношений с Германией, решает вновь пойти навстречу немецкой стороне в вопросах "хотя бы частичного восстановления утраченных бесценных материалов науки". Советский Союз незамедлительно разрешает Германии провести ещё несколько экспедиций в Арктику.

Через год после возвращения "Графа Цеппелина", к островам архипелага Земля Франца-Иосифа отправился со специальным заданием ледокол "Малыгин".

На его борту находился сам секретарь Международного общества "Аэроарктик" немецкий учёный и разведчик Вальтер Брунс.

Официальная задача известного профессора Брунса - исследование условий посадки дирижаблей на архипелаге и строительства там причальных мачт.

Неофициальная - сбор любой информации об островах этой, покрытой ледниками, огромной земли.

Тем же рейсом "Малыгин" доставил на Новую Землю совместную советско-немецкую экспедицию, которая в рамках программы Второго Международного Полярного года должна была провести большой комплекс исследований с помощью взрывов.

***

С приходом к власти в Германии нацистов интерес командования Кригсмарине (военно-морского флота страны) к советским арктическим территориям резко возрос.

Военно-морской теоретик капитан 1 ранга Питер Эберт одну из своих работ в 1936 году специально посвятил анализу роли Северного Морского пути в будущей, неизбежной войне. Он писал:

- Постепенное втягивание полярной зоны в сферу нашей хозяйственной деятельности ставит перед нашей стратегией новые задачи, для решения которых у нас

mirknig.com

пока нет достаточного военного опыта...

Военного опыта в Арктике Германии, действительно, пока не доставало. Он обязательно появится. Уже скоро.

А сейчас советский север должен стать зоной особого научного внимания. Рейху нужно постоянно проникать туда любыми путями, посылая в экспедиции своих лучших гидрографов, гляциологов, физиков.

Тесное "научное сотрудничество" по комплексному изучению Арктики между Третьим рейхом и Советским Союзом наращивалось из года в год.

В июне 1939 года в Карском море вело гидрографические исследования судно "Мурманец" Ленинградского института Арктики. Экипаж был советский, а вот все учёные почему-то поголовно говорили только по-немецки и жили в отдельном кубрике, куда экипажу вход был категорически воспрещён.

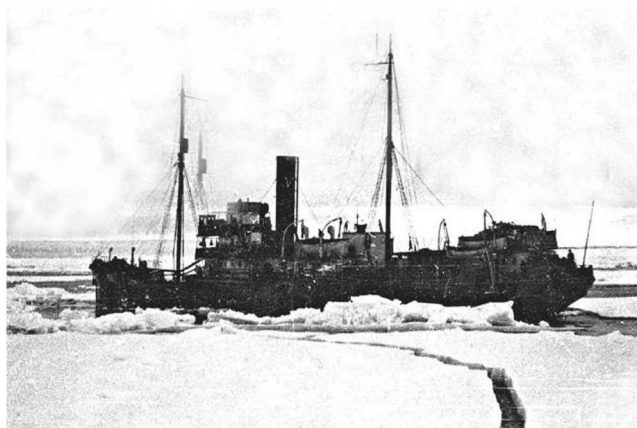
На судне для промера глубин во всём районе плавания был установлен новейший эхолот. Индикаторная часть прибора находилась в специальном, опечатанном отсеке.

Никакие данные измерений советской стороне не передавались...

Другие партии этой экспедиции параллельно работали
mirknig.com

на островах Норденшельда, Свердруп, Сидорова, Геркулес, Арктического института.

В течение нескольких лет немецкие научно-исследовательские суда и корабли военно-морского флота, замаскированные под рыболовные траулеры, не раз заходили во многие удалённые уголки Советской Арктики.

Базой этого "научного" флота стала удобная бухта в заливе Большая Западная Лица, щедро переданная Сталиным Германии в знак поддержания с ней дружественных отношений.

Официально это был порт для создания транспортной линии между Японией и Германией. Фактически - секретная база рейха для подготовки будущего наступления горно-стрелкового корпуса "Норвегия" на Мурманск и действий своего флота в Арктике.

Большая Западная Лица - одно из лучших мест в заливах Кольского полуострова. Благодаря Гольфстриму, в море можно было выходить в любое время года. Рядом - финская и норвежская границы с редкими заставами, доступные для захвата и с суши, и с моря.

Отсюда и уходили в дальние походы на восток учёные и рыбаки Германии.

Какой наукой они там занимались и для каких целей "ловили рыбу", - станет ясно с началом Второй Мировой

войны. Вот тогда все сведения, добытые Германией в зоне Советской Арктики, включая неожиданно "воскресшие" материалы аэрофотосъёмок во время 116-часового полёта "Графа Цеппелина", лягут на самые точные карты Арктики, которых не имела советская сторона.

Ни один снимок с "Графа Цеппелина" не был засвечен и не пропал - опытные разведчики секретного отдела абвера "Раумкоппель" ели свой хлеб с маслом не зря. Они заложили фундамент и основу арктических секретов третьего рейха, которые во многом не раскрыты и сегодня.

а л *

Полный провал советской разведки с полётом "Графа Цеппелина" дорого обошёлся, прежде всего, научному руководителю той знаменитой экспедиции - первый директор Арктического института профессор Рудольф Лазаревич Самойлович был арестован и обвинён в связях с немецкими шпионами.

В 1939 году, после жесточайших допросов в подвалах Лубянки сталинскими костоломами, его расстреляли.

В этом же году, 23 августа, Советский Союз и нацистская Германия заключили между собой секретный пакт Молотова-Риббентропа и оказались тесно связанными новыми тайными протоколами о взаимопомощи и военном сотрудничестве.

ГЛАВА 51

СЕКРЕТНОЕ СВfНО №45

Естественно, самый безопасный и короткий путь из Германии в Японию, которая стала её верным союзником, лежал через советские северные воды.

С развитием военных действий рейха эти страны - сателлиты

mirknig.com

планировали огромный поток необходимых грузов в обоих направлениях.

Без свободного прохода вдоль побережья Сибири и Урала им было не обойтись.

И Германия всеми средствами понуждала Советский Союз к новым и новым уступкам в плане использования наших полярных вод.

Для СССР это был период тяжелейшего военно-политического кризиса.

Вместо быстрой и успешной операции в Зимней войне против Финляндии, наши войска увязли в болотах и лесах Суоми, неся огромные потери на хорошо укрепленной линии Маннергейма.

В помощь Финляндии Англия и Франция планировали высадку в Норвегии стотысячного десанта.

Для СССР это означало бессмысленное продолжение войны и конфронтацию с наиболее сильными европейскими странами.

Для Германии же десант такой мощи - неминуемый срыв уже утвержденного плана оккупации Норвегии, невозможность получить доступ к её минеральным богатствам и расширить оперативный простор в северных морях.

Интересы фашистской Германии и Советского Союза вновь на время сошлись. Тем более, что после заключения мирного договора между СССР и Финляндией в марте 1940 года, Англия и Франция продолжали готовить десантную операцию в Норвегию, но теперь уже для другой цели - прекратить экспорт шведской железной руды в Германию через норвежские порты.

Германия сделала свой решающий ход раньше Франции и Англии - 9 апреля началась высадка немецких горно-егерских дивизий в норвежском Нарвик-Фьорде.

Всё это позволило СССР передохнуть.

Но подарив Советскому Союзу козырную карту, Германия попросила Сталина об оказании важной услуги - включить в план транспортных операций 1940 года по Северному Морскому пути сквозную проводку германского корабля для изучения этого маршрута.

Дело в том, что с началом Второй Мировой войны в портах стран Юго-Восточной Азии застряло 35 немецких судов - значительная часть торгового флота рейха.

В трюмах кораблей десятки тысяч тонн ценнейшего стратегического сырья для военной промышленности рейха:

mirknig.com

молибден, вольфрам, каучук, слюда.

Корабли можно было спасти от уничтожения или захвата силами антигитлеровской коалиции только в одном случае - провести их в европейские воды советскими арктическими морями. Гитлер надеялся на однозначную помощь Сталина в это, пока ещё мирное для двух стран время.

Генсек понимает: в силу сложившихся обстоятельств - можно уступить, и новому начальнику Севморпути И.Д. Папанину уходит соответствующая радиограмма.

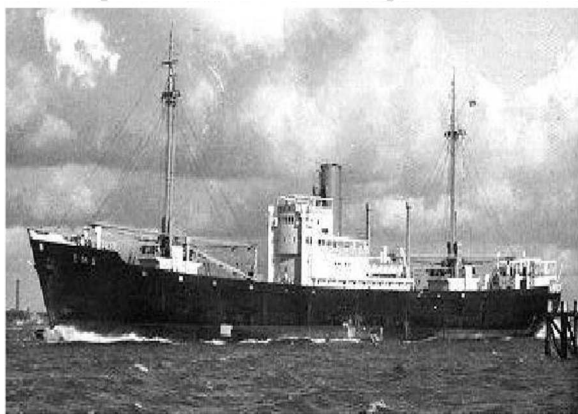
Германия срочным порядком начинает в Гамбурге готовить к северному переходу судно с кодовым названием - №45.

Это был грузопассажирский пароход "Ems" водоизмещением 7500 тонн с двумя мощными дизельными двигателями.

За короткое время инженеры фирмы "Ховальдсверке" превратили его из гражданского корабля в сильную боевую единицу.

"Ems", получив новое название "Komet", по своему вооружению не уступал даже тяжёлому крейсеру...

На нём установили шесть 150-мм орудий, 9 скорострельных зенитных установок, пять торпедных аппаратов, в кормовом отсеке разместилось 400 якорных мин и скоростной катер

для скрытой их постановки. Корабль имел специальное оборудование и для быстрой постановки дымовой завесы.

Вспомогательный крейсер "Komet" под видом торгового судна.

Всё вооружение было очень тщательно замаскировано и закамуфлировано.

Внешне "Komet" оставался обычным гражданским грузо-пассажирским судном. Правда, для ледовой разведки на его борту крепился небольшой гидросамолёт, чего на торговых судах никогда не было.

Требовались считанные минуты, чтобы привести всё вооружение к бою. В казематах ждали своего часа 1516 снарядов и 24 мощные торпеды.

Дальность плавания "Komet" поражала - на одном двигателе, без дозаправки корабль мог почти два раза обогнуть Земной шар. Специально отобранный экипаж - 270 человек.

В состав команды вошли несколько художников-декораторов и военные кинооператоры, которые должны были зафиксировать на плёнку все нюансы этого перехода по морям Ледовитого океана. Запас продовольствия в трюмах и холодильниках - на автономное плавание в течение года.

Успешный проход "Komet" по Северному Морскому пути при самых тяжёлых ледовых условиях не мог занять больше двух месяцев. Для чего же так тщательно готовили этот корабль в сверхдлительное плавание? На случай непредвиденного дрейфа во льдах или зимовки?

Командиром судна № 45 стал опытный морской офицер, один из лучших гидрографов Германии с большой практикой плавания в Арктике, капитан Роберт Эйссен.

В годы Первой Мировой войны он провёл несколько успешных постановок минных полей в горле Белого моря, на которых подорвалось немало кораблей союзных конвоев, идущих в Архангельск.

Все 30-е годы, до нового назначения на "Komet", Эйссен занимался гидрографическими работами в Северной Атлантике и в Арктике, совершая рейсы

Р. Эйссен.

вдоль границы льдов у берегов Гренландии, Исландии и Шпицбергена.

Лучшего офицера для предназначенной ему суперсекретной миссии было не подобрать.

15 июля капитан Р. Эйссен получил приказ на скрытный переход из захваченного немцами Бергена к берегам Новой Земли. Дабы не быть обнаруженным шнырявшими в Северной Атлантике английскими крейсерами и эсминцами, "Komet" искусно замаскировали под советский ледокол "Дежнёв" с портом приписки Ленинград.

К тому же корабль пошёл гораздо севернее известных маршрутов. Его путь пролегал в таких высоких широтах, куда и рыболовные траулеры старались не заходить. Имея надёжные карты и, видимо, зная ранее изученные безопасные судовые ходы, Эйссен уверенно вёл свой корабль к Новой Земле.

На всём пути следования судна радиослужба "Komet" проводила круглосуточные перехваты переговоров между советскими военными кораблями и ледоколами, которые велись в открытую. После зашифровки вся информация немедленно пересылалась в Берлин.

Пока "Komet" находился у берегов Новой Земли, ежедневно меняя свою дислокацию, в Кремле и в штабе Севморпути лихорадочно решали вопрос о его дальнейшем движении на восток.

Первоначально планировалось включить "немца" в состав большого каравана советских судов, идущего из Мурманска. Но он был основательно затёрт льдами и ждал помощи ледоколов.

Эйссену поступило распоряжение штаба Севморпути двигаться в пролив Маточкин Шар, где корабль встретит ледокол "Ленин".

Никто из советских специалистов не должен был догадаться, что "Komet" - никакое не торговое судно с небольшим вооружением для защиты, а мощная боевая единица Кригсмарине - Германских Военно-морских сил. За дело вновь взялись опытные декораторы.

В пролив Маточкин Шар, разделяющий Новую Землю

на два острова, "Komet" вошёл замаскированным уже под немецкое торговое судно "Donau".

Ледокола "Ленин" в условленном месте не оказалось, и капитан Эйссен на малом ходу повёл свой потаённый корабль к выходу в Карское море.

В одной из уютных бухт пролива "Komet" ждало советское гидрографическое судно с лоцманской группой. На борт замаскированного рейдера взойшли капитаны дальнего плавания Д. Сергиевский и А. Карельских. Получив от командира необходимые сведения об осадке, маневренных качествах, типе винтов и подкреплении бортов, лоцманы приняли "Komet" под проводку аж до берегов Чукотки, и корабль уверенно пошёл по проливу.

На мостике "Komet" во время прохождения судна Северным Морским путём.. Слева руководитель лоцманской группы по проводке капитан дальнего плавания Д. Сергиевский, в центре капитан "KoMet" Р. Эйссен.

На удивление, Карское море в то лето было довольно чистым ото льда, и ледокол "Ленин" был, естественно, не нужен на этом участке пути. Он ушёл проталкивать корабли на других, тяжёлых местах трассы.

Советские лоцманы без осложнений провели немецкий корабль через подтаившие, мягкие ледяные поля восточной части Карского моря, и после многодневного, изрядно потрепанного судно и команду шторма, "Komet" встал на

якорь у острова Тыртова архипелага Норденшельда..

В своей книге о походе "Komet", вышедшей на Западе через несколько лет после окончания войны, капитан Эйссен отмечает:

- То, что мы имели на борту военную команду, нами не скрывалось. Главное - советские лоцманы не узнали о нашем сильном вооружении и имеющихся на борту установках

Оказывается, знали.

Эйссен недооценил эрудицию и знание немецкого нашими офицерами. Лоцманы успели неплохо разобраться в истинном назначении корабля, о чём при первой возможности было доложено в штаб Главвостморпути и в Кремль. Но никакой активной реакции на это пока не последовало. Очевидно, власть и советская контрразведка решали, что предпринять в такой ситуации.

В ожидании ледокола "И. Сталин", который должен был взять немецкое судно для дальнейшей проводки, "Komet" только задержали у берегов Таймыра.

Задержали лишь на трое суток, чем вызвали резкое недовольство немецкой стороны.

Привыкший к беспрекословному исполнению своих приказов, капитан Эйссен плохо переносил свою полную зависимость от неизвестных ему советских начальников северной морской трассы.

Мощный ледокол "И. Сталин" в течение этих трёх суток занимался куда более важным делом: он обеспечивал проводку на восток, как можно дальше от немецкого судна, подводной лодки Щ-423, которая переводилась из Мурманска для укрепления Тихоокеанского флота.

Понятно, что знать об этом командиру "Komet", а значит и Берлину, не полагалось.

Только после завершения этой важной операции, другой ледокол - "Ленин" провёл немецкий рейдер через тяжёлые льды пролива Вилькицкого в Море Лаптевых, где его уже ждал "И. Сталин".

Впереди, по курсу следования на восток, по данным ледовой разведки простиралось гигантское поле тяжёлого

для прохода льда сплочённостью 8 баллов и длиной 200 морских миль..

Прежде, чем отправиться в путь, в капитанском салоне "И. Сталина" для Роберта Эйссена по закону русского гостеприимства был прекрасно сервирован обильный стол с деликатесными закусками и крепкой зубровкой. Капитаны обменялись протокольными тостами и наметили время отхода.

26 августа в 10 часов утра "И. Сталин" дал длинный гудок и двинулся на восток, прокладывая своим мощным телом канал во льдах, по которому ему в кильватер шёл "Komet".

В точке на 78 градусе северной широты корабли вошли в мощные ледяные поля, закрытые туманом. На этом участке советскому ледоколу пришлось несколько раз вызволять "Komet" из ледяных тисков Арктики.

Через 36 часов они всё-таки вышли на более или менее чистую воду, и немецкий рейдер мог идти самостоятельно до восточного участка Севморпути.

Там, вокруг Медвежьих островов, оказался самый тяжёлый и опасный участок трассы - сплошные 9-балльные льды и практически нулевая видимость.

Проводку судов в этом районе обеспечивал ледокол "Л. Каганович". В ночь с 31 августа на 1 сентября начались

mirknig.com

мощные ледовые подвижки и сжатия. Корпус "Komet" звенел, как туго натянутый барабан, готовый лопнуть от напряжения в любую секунду.

Проводка осложнялась ураганным ветром и могучими снежными зарядами. Мощные прожекторы "Л. Кагановича" едва пробивали эту адскую круговерть, но всё-таки не выпускали немецкое судно из поля зрения. Ледокол без остановки, всеми силами своего корпуса и дизелей, крушил смыкающиеся вокруг рейдера ледяные поля.

Это была драматическая для обоих судов ночь. Вот как описал её в своей книге капитан Роберт Эйссен:

- Этой ночи мне никогда не забыть!

Лёд - 9 баллов... Ветер, всесокрушающие снежные заряды. Постоянный страх за винт. Жуткая тьма... Отказ рулевой машины... Положение почти отчаянное... Беспомощный дрейф... Я уже 22 часа на мостике!

И всё-таки "Л. Каганович" провёл "Komet" через этот тяжелейший, в 60 миль, участок. В районе острова Айон, у Чукотского полуострова, суда вышли на почти чистую воду и легко дошли к проливу Лонга.

До конечной точки маршрута оставалось всего 400 миль, и ледовая обстановка позволяла немецкому судну двигаться дальше без сопровождения.

Только сейчас, когда с большим риском был пройден самый тяжёлый участок пути, сталинские стратеги осознали: проводка рейдера "Komet" через советские арктические воды - большая, непоправимая стратегическая и политическая ошибка.

Совершенно неожиданно "Л. Каганович" дал "Komet" сигнал остановиться и лёг в дрейф.

Капитан ледокола сам прибыл на борт немецкого судна и сообщил Роберту Эйсену новость, которая повергла того в шок: секретная радиограмма из Москвы предписывала "Komet" немедленно развернуться и следовать назад.

Опять в тяжёлые льды, в туман, в неизвестность...

И это в преддверии наступающей зимы, после всех мытарств, когда чистый ото льда Берингов пролив совсем

рядом!?

Единственная мотивировка приказа - Берингов пролив находится под наблюдением и контролем враждебных Германии кораблей, проход по нему в Тихий океан смертельно опасен.

Опытный разведчик Роберт Эйссен прекрасно понимал: русские блефуют. Сталин хочет умыть руки во всём этом деле из-за опасения испортить отношения с Англией, если мировая пресса растрезвонит о совместных морских операциях по проводке кораблей Германии в бассейн Тихого океана - в стратегические тылы стран антигитлеровской коалиции.

Знал Эйссен и о том, что никаких враждебных судов, представляющих опасность для "Komet", в Беринговом проливе нет и быть не может..

Германская разведка оперативно сообщила ему, что замеченные в проливе "иностранные суда" - всего лишь небольшая флотилия китобойцев союзной с Германией Японии.

Эйссен попросил Л. Мелехова - капитана советского ледокола

mirknig.com

"Л. Каганович" - срочно передать это сообщение в Москву, и присовокупил к нему письменное заявление, что выполнять, в конце почти законченного маршрута, приказ Кремля не намерен в силу поручений, данных ему правительством Рейха: в критических ситуациях действовать самостоятельно.

Поняв, что партия проиграна, что никаких способов и сил пресечь "Komet" завершить путь у СССР нет - поздно спохватились, Сталин после нескольких проволочек в течение почти двух дней, наконец, даёт указание начальнику Севморпути И. Папанину:

- Движению германского корабля не препятствовать.

О чём и было сообщено командиру рейдера.

"Лазарь Каганович" поднял флажный сигнал "Желаю счастливого плавания!", трёхкратным гудком простился со своим арктическим визави и взят курс на запад.

Многолетних, крепких льдов на пути "Komet" больше не встречалось, и 5 сентября рейдер прошёл Берингов пролив уже под Японским флагом.

А вот к советской глухой и далёкой бухте Анадырь "Komet" подошёл вновь загримированный под корабль "Дежнёв". Якорь бросили, чтобы осмотреть винты и руль, вдалеке от посёлка - поменьше любопытных глаз.

Мелкий ремонт занят у водолазов всего несколько

mirknig.com

часов.

Местные власти Анадыря были рады неожиданному приходу внепланового судна: хотели передать с ним посылки и почту в ближайшие крупные порты Петропавловск-Камчатский или во Владивосток, прикупить по возможности кое-какое продовольствие.

Да не тут-то было - предрассветным утром липовый "Дежнёв" с рейда испарился.

Он спешил на встречу у Тихоокеанского атолла Ламотрек с германским судном-снабженцем.

В принципе, "Komet" не очень нуждался в дозаправке - в его цистернах топлива оставалось ещё на несколько месяцев. Но поступил приказ - полностью заправиться для автономного плавания вплоть до июля 1941 года.

\ Главная цель встречи - судно-снабженец "Regensburg", идущее в Японию, должно немедленно доставить в Токио, в Германское посольство, секретные материалы разведки о Северном Морском пути и отснятые там киноплёнки.

Вскоре немецкий дипкурьер в вагоне международного класса транссибирского экспресса мчался из Владивостока в Москву, а затем, без задержки проследовал в Берлин, где отпартовал об успешном выполнении задания и сдал все материалы.

Ну а чем же удовлетворился Советский Союз, "прошляпив" разведывательный рейс немецкого рейдера?

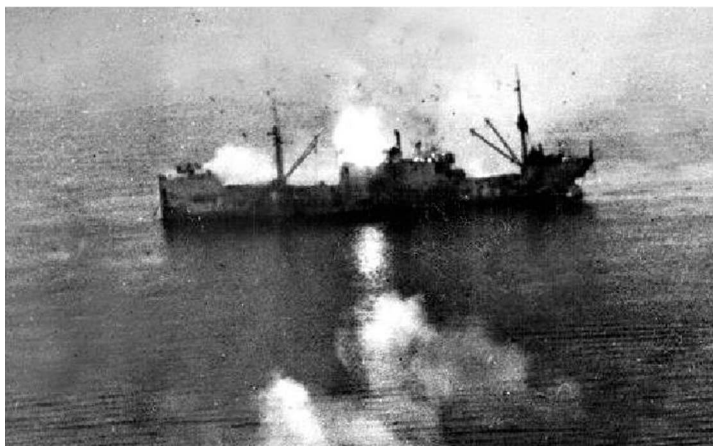
С паршивой овцы, как говорит пословица, можно содрать лишь шерсти клочок. Этим и удовлетворились - выдвинули Германии счёт за проводку и использование советских ледоколов на 950 тысяч марок. Счёт был незамедлительно погашен поставками в Советский Союз промышленного оборудования.

(Перегнуть же немецкие торговые корабли из восточных портов на запад не пришлось - буквально накануне следующей навигации германские войска без предупреждения перешли границу СССР).

А "Komet", выполнив в 1940 году своё задание, приступил ко второй фазе секретной операции - военным действиям на всём просторе Мирового океана: от Тихого до

Атлантического, где германский рейдер, конечно же, никто не ждал.

За почти 500 суток форменного разбоя рейдер потопил 9 крупных торговых судов антигитлеровской коалиции, захватил тысячи тонн ценного груза, поставил минные заграждения в районе Новой Зеландии.

Одна из жертв "Комет" в Индийском океане.

Буквально перед новогодними праздниками "Komet" подошёл к острову Науру.

***

Этот крохотный коралловый островок в Океании, площадью всего двадцать квадратных километров, снабжал весь мир ценнейшим сырьём для сельского хозяйства - фосфатами, ключевым компонентом удобрений.

Использовались фосфаты и для военных целей при производстве взрывчатых веществ.

Формально этот островок по мандату Лиги Наций принадлежал Японии, но в добычу и транспортировку сырья был вложен, в основном, британский капитал.

А Англия находилась в состоянии войны с Германией.

Науру был так далёк от сражающейся Европы, что его порт и промышленную структуру острова никто не охранял.

mirknig.com

Торговые суда, пришедшие за сырьём из Австралии, Новой Зеландии, Голландии, Норвегии чувствовали себя здесь в абсолютной безопасности.

Этой, ничем не оправданной эйфорией, и решил воспользоваться Роберт Эйссен.

Аборигены острова Науру.

На рассвете 27 декабря 1940 года моторная лодка немецкого рейдера с вооружёнными "парламентариями" и кинооператором направилась к портовым сооружениям Науру. Представителям местной власти и сотрудникам береговой радиостанции был предъявлен ультиматум. В нём капитан "Komet" сообщал о предстоящем обстреле всех портовых объектов и немедленном выводе людей в безопасное место.

Под угрозой физического уничтожения персонала налагался категорический запрет на передачу в эфир каких-либо сведений о происходящем.

Администрация острова дала гарантии выполнить все требования командира рейдера.

Вскоре артиллеристы "Komet" прямой наводкой, с ближней дистанции, начали обстрел порта.

В течении часа все причалы, пакгаузы, хранилища топлива были разрушены до основания, после чего немецкий рейдер на полном ходу удалился от своей жертвы и

растворился в просторах Тихого океана.

Такого беспредела и явного бандитизма не смогла стерпеть даже верная союзница Германии - Япония: страна восходящего солнца на несколько лет лишилась поступления ценнейшего военного и сельскохозяйственного сырья. Япония резко заявила, что подобные действия союзника могут повлиять на японо-германское сотрудничество и вызвать ограничения в обслуживании немецких судов в её портах.

"Komet" оставил на Науру полностью разрушенный порт и пожары.

Гитлер и руководство Военно-морскими силами решили "отыгаться" на капитане "Komet". Роберт Эйссен получает жёсткий выговор с предупреждением: в случае повторения подобных действий, - испортить свою боевую карьеру.

Но практически одновременно, уже 1 января наступившего 1941 года, "за особые заслуги перед рейхом" он получает новый, высокий чин морского офицера - звание контр-адмирала.

Что же стало с рейдером "Komet" после его 17-месячной кругосветки?

13 ноября 1942, закончив капитальный ремонт, с новым командиром и экипажем, судно по Кильскому каналу

вышло в штормившее Северное море, чтобы повторить удачный разбойный рейд Роберта Эйссена на просторах мирового океана.

Этот рейс стал для рейдера последним.

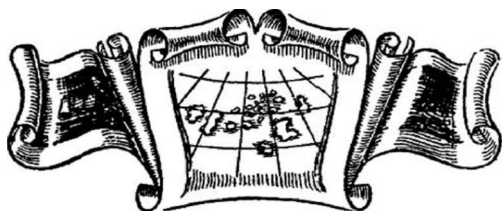
На подходе к проливу Ла-Манш корабль обнаружили английские береговые радиолокационные станции.

Они навели на "Komet" патрульные эсминцы и торпедные катера. Двух точных торпед хватило, чтобы от детонации взорвался боезапас рейдера.

Его корпус в огне разломился на две части, и они за несколько секунд ушли на дно вместе со всем экипажем.

Германские газеты среди победных реляций о боях в Сталинграде, в чёрной рамке поместили скупое сообщение о "героической гибели" после упорного сопротивления в неравном морском сражении рейдера "Komet".

Ну а "особые заслуги" новоиспечённого контр-адмирала Роберта Эйссена и результаты "научного" полёта "Графа Цеппелина" Советский Союз хорошо осознал уже в самом начале боевых действий в Арктических водах страны.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

Глава 1.	История о 20-ти копейках.	3
Глава 2.	О пище бедняков и "подснежнике" Максе.	12
Глава 3.	Неожиданный зигзаг Фортуны.	36
Глава 4.	Все мы жить хотим.	53
Глава 5.	Кто Вы, князь Пётр Алексеевич Кропоткин?	64
Глава 6.	Тёплое море Петермана.	74
Глава 7.	Тайна гибели Чарльза Холла.	78
Глава 8.	Почему Австро-Венгрия хотела стать великой морской державой.	86
Глава 9.	Подарок императору.	93
Глава 10.	Первая жертва архипелага.	96
Глава 11.	1 000 гульденов за следы Пайера и Вейпрехта.	98
Глава 12.	Через льды и холод - только вперёд.	103
Глава 13.	Встреча в бухте Пухова.	107
Глава 14.	Мсть "голодранцам - лейтенантам".	111
Глава 15.	Завещание Вейпрехта.	116
Глава 16.	Лучший погонщик собачьих упряжек.	121
Глава 17.	Имена на карте архипелага.	126
Глава 18.	Одержимый Арктикой.	130
Глава 19.	Кто таков, этот Фредерик Джексон?	134
Глава 20.	Пони на ледниках и солонина из бочек.	139
Глава 21.	Кто спас Нансена.	143
Глава 22.	Миссия, предопределённая судьбой.	157
Глава 23.	Земля "Terra Nullius".	161
Глава 24.	Байкал у Северного полюса.	168
Глава 25.	Лики Малой Антарктиды.	171
Глава 26.	О директорах фильмов, горалах и папиросах "Беломорканал".	174
Глава 27.	Секретное масло ОКБ -122 и тайны ББК.	183
Глава 28.	Ледяной "погреб" Карского моря.	196
Глава 29.	Почему посёлок Диксон назван именем	

	шведского миллиардера.	205
Глава 30.	Эрик Норденшельд, Александр Сибиряков и карты Птолемея.	212
Глава 31.	Ватсон, я тебя не узнаю.	231
Глава 32.	Великое Галлиполийское сидение на Диксоне.	236
Глава 33.	Граждане обрадовались рано.	210
Глава 34.	Три миллиона долларов Раисы Горбачёвой.	244
Глава 35.	Таймырский Зверобой.	249
Глава 36.	Этот матрос нам, пожалуй, подойдёт.	252
Глава 37.	"Только раз ступить ногой - и умереть!"	255
Глава 38.	Непрошенный гость Арктики.	260
Глава 39.	Кто спас лейтенанта Колчака и куда исчез барон Толль.	268
Глава 40.	Миражи или явь Земли Санникова.	274
Глава 41.	Вещий сон Никифора Бегичева.	280
Глава 42.	Сгинувшие в полярной неизвестности.	283
Глава 43.	Страшная находка.	286
Глава 44.	Почему почта Амундсена валялась на берегу океана.	289
Глава 45.	Тайна гибели Бегичева и как Сибревком ограбил его семью.	296
Глава 46.	Хозяин Севера.	301
Глава 47.	Что породил Версаль?	311
Глава 48.	"Орёл" летит к полюсу.	328
Глава 49.	Полярный ас.	334
Глава 50.	Зачем "Граф Цеппелин" 116 часов летал над Советской Арктикой.	341
Глава 51.	Секретное судно № 45.	362

Фотографии из личного архива автора
книги и архива свободного доступа
ВИКИСКЛАДА.
Фотографии подготовил к печати:
СЛАВА МЕЛКУМОВ.